

А.А. Фетисов, А.С. Щавелев

ВИКИНГИ

МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ И РУСЬЮ

HISTORY
FILES

А.А. Фетисов, А.С. Щавелёв

ВИКИНГИ
МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ И РУСЬЮ

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(0)4

Ф45

Фетисов, А.А.

Ф45 **Викинги. Между Скандинавией и Русью / А.А. Фетисов, А.С. Щавелёв. — М. : Вече, 2013. — 336 с. — (History files).**

ISBN 978-5-4444-0498-0

Знак информационной продукции 16+

Хорошо ли мы знаем, кто такие викинги — эти великие и суровые воители Севера? Какую роль они сыграли в истории Руси? Уже написано немало книг о викингах, об их боевых походах и океанских странствиях — вплоть до Гренландии и Северной Америки. Но с каждой, не известной прежде сагой (а именно такая встреча ожидает читателя в этой книге!) мы открываем для себя заново забытый мир, в котором слагают свои песни седые скальды и воины бестрепетно встречают смерть, зная, что им завещана светлая Валгалла.

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4444-0498-0

© Северянин А.С., Щавелёв А.С., перевод на русский язык, 2009

© Щавелёв А.С., Фетисов А.А., предисловие, 2009

© Щавелёв А.С., комментарии, 2009

© Шинаков Е.А., Щавелёв С.П., Щавелёв А.С., Литовских Е.В., Фетисов А.А., Мурашева В.В., приложения, 2009

© Фетисов А.А., Щавелёв А.С., составление и научное редактирование, 2009

© ООО «Издательство «Вече», 2013

I. ПРЕДИСЛОВИЕ

1. «Сага о йомсвикингах» как литературный памятник и исторический источник

«Сага о йомсвикингах» была написана около 1200 г. (но не позднее 1230 г.) на древнеисландском языке¹. Но в этой саге описываются события X в., происходившие в Англии, Скандинавии и на южном побережье Балтийского моря. Это произведение полностью до сих пор не переводилось на русский язык. Отрывки из этой саги были пересказаны в книге А.Ф. Гильфердинга «История балтийских славян»², где представлена суммарная версия политических событий на Балтике в эпоху викингов, включая историю легендарного города викингов Йомсборга. Небольшой отрывок из этой саги помещен в книге Т.Н. Джаксон³, в отрывке фигурируют лишь географические термины, связанные с этим последним регионом.

Кроме собственно «Саги о йомсвикингах», те же легендарные воины упоминаются также в других про-

¹ См. обзорную энциклопедическую статью: *Halldorsson O. Jomsvikinga sage // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. P. Pulsiano. New York, L., 1993. P. 343—344.*

² *Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. IV. СПб., 1874.*

³ *Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. («Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»). С. 15, 226—227, 237.*

изведениях древнескандинавской литературы — «Саге об Олаве, сыне Трюггви», входящей в «Круг Земной» Снорри Стурлусона¹, «Пряди о Стюрбьерне, шведском герое»², хронике Саксона Грамматика, своде саг «Красивая кожа», «Саге о Кнютлингах», «Драпе о йомсвикингах» оркнейского епископа Бьярни Кольбейнссона, исландских родовых сагах. Ряд самых развернутых упоминаний связан с разными версиями «биографии» Олава Трюггвасона. Возможно, все эти отрывки и версии истории йомсвикингов восходят к одному сказанию³. Источником для последнего стали, видимо, прозаическая устная повествовательная традиция и скальдическая поэзия.

Перевод с английского осуществлен по изданию: *The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962.*

Жанровая разновидность саги является предметом дискуссий, сага может относиться как к «сагам о древних временах», так и к «королевским сагам», но ряд исследователей отмечает, что она достаточно специфична, и предлагает назвать ее «политической сагой». С нашей точки зрения, такое определение несколько абстрактно и тавтологично, поэтому мы обозначим «Сагу о йомсвикингах» как «дружинную сагу».

Предлагаемый текст мы рассматривали как прекрасный повод познакомить читателя с миром дружин раннего Средневековья и более ранней древности, причем не ограничиваться хрестоматийными примерами и интерпретациями (вроде описаний Корнелия Тацита), а рассмотреть нетривиальные, еще не вошедшие в акаде-

¹ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1995. С. 119—125.

² *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 236—238.

³ *Blake N.F.* Introduction // *The Saga of the Yomsvikings / Ed. by N.F. Blake. London, 1962. P. XV—XXI.*

мический канон идеи, мнения, гипотезы и догадки. Часть из них, возможно, будет отброшена в ходе дальнейших исследований. Что касается собственно «Саги о йомсвикингах», то ее критическое издание и перевод оригинального исландского текста — дело будущего. Данная же публикация преследует исключительно художественные и популяризаторские цели.

Вторую часть книги составили научные «кейс-стадиз» вопросов, связанных с проблематикой изучения дружин и дружинной культуры: имени черниговского князя скандинавского происхождения, погребенного в знаменитом кургане Черная могила, специфических воинских амулетов, изображающих змея/дракона, роли элитных воинских формирований в становлении ранних государств, формулам клятв русско-византийских договоров, правовой культуре древнеисландского общества, образах «волшебных зверей» в сагах, фигурках «божков» — редком типе амулетов воинов раннего Средневековья.

Авторы-составители благодарят Сергея Никольского, и особенно Елену Литовских, за советы и подсказки по прояснению реалий жизни древних скандинавов, переводу и транскрипции топонимов и прозвищ.

Идея перевести и прокомментировать сагу с учетом истории древнерусской дружины подсказана нам С.П. Щавелевым, ему авторы и посвящают эту книгу.

2. Событийная канва истории йомсвикингов

Сага отчетливо распадается на три части: предыстория появления Йомсборга, отражающая историю складывания Датского государства; история складывания братства йомсвикингов; битва при Хьерунгаваге и ее итоги. Первый и последний разделы содержат ряд фантастических элементов (эпических и сказочных мотивов и «бродячих сюжетов»). Второй же раздел отличается

исключительно реалистическими описаниями характеров вождей дружины и обстоятельств их приема в нее.

Начало саги описывает первые века Датской державы, легендарное время, которое, с одной стороны, практически не освещено источниками, с другой — отдельные моменты, известные по сагам и хроникам, находят свое подтверждение в археологическом материале и иностранных свидетельствах¹. Рассмотрение меры историчности и вымысла каждого такого сообщения требует специального источниковедческого анализа.

Кульминацию и финал саги составляет описание сражения в заливе Хьерунгаваг. Точная датировка этой битвы остается невыясненной. Примерно дата сражения приходится на промежуток между 974 (в этом году Харальд Синезубый и ярл Хакон выступают как союзники против Германии) и 983 или 995 гг. Некоторые исследователи предлагают в качестве наиболее вероятной даты 994 г. В этой битве сошлись войска датчан и их союзников вендов (в том числе и йомсвикингов) и норвежское войско ярла Норвегии Хакона и его сына Эйрика. Битва произошла после ссоры конунга Харальда Синезубого с сыном Свейном и гибели Харальда. Именно в этой битве йомсвикинги впервые заявили о себе в качестве сильной боевой единицы. В этом столкновении вождь йомсвикингов Пальнатоки выступал на стороне Свейна Вилобородого. Поскольку битва произошла после гибели конунга Харальда, можно предположить, что реальной причиной битвы при Хьерунгаваге стал очередной отказ ярла Норвегии Хакона выплачивать дань Дании, обусловленный гибелью его «сюзерена». Впрочем, с политической подоплекой мотивов вполне согласуется веселая «конспирологическая» интерпретация, рассказанная в «*Sage*

¹ См. одно из самых удачных популярных изложений древнейшей истории Скандинавии: *Джонс Г.* Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005.

о йомсвикингах», кстати, похожую версию излагает и Снорри Стурлусон. Победа норвежцев сделала ярла Хакона вполне самостоятельным и уважаемым правителем. Его правление закончилось только после возвращения в Норвегию Олава Трюггвасона, который сумел захватить престол.

В следующей крупной битве за норвежский престол снова «проявил себя» герой «Саги о йомсвикингах» Сигвальди, бежавший с места сражения против Хакона и притворно присоединившийся к Олаву Трюггвасону перед его битвой с воинством конунгов Дании и Швеции Свейна и Олава Шетконунга, а также ярла Норвегии Эйрика. Альянс трех правителей нанес поражение Олаву Трюггвасону, который прыгнул за борт и, судя по всему, погиб. Сигвальди же, обманув «своего» конунга, в битву так и не вступил и, видимо, перешел в итоге на сторону победителей. Эта битва «трех конунгов» датируется 999 или 1000 г.

В «Пряди о Стюрбьерне, шведском герое» рассказывается, что примерно в 990-е гг. (может быть, в конце 980-х гг.) власть в Йомсборге получил шведский викинг из королевского рода Стюрбьерн Сильный. После этого он во главе войска датчан и йомсвикингов пытался завладеть шведским престолом, но был разбит своим дядей шведским конунгом Эйриком Победоносным на полях Фюри рядом с Уппсалой. В этой битве Стюрбьерн погиб. История гибели Стюрбьерна построена на основе мотива вмешательства Одина, которому Эйрик приносит жертвы и обещает спустя десять лет после битвы явиться в Вальхаллу лично, т.е. принести в жертву и себя. Опустошение в рядах йомсвикингов производит «дождь из стрел Одина». Описание этой битвы во многом напоминает описание битвы при Хьерунгаваге. Видимо, в разных сагах отражалось общее мнение, что йомсвикингов можно победить с помощью колдовства и вмешательства сверх-

человеческих существ (троллей, колдунов, асов). Характерен и пассаж Снорри Стурлусона: «считалось большой поддержкой, если йомсвикинги присоединялись к правителю». Здесь же явно подчеркнут и исключительно независимый характер этого воинского объединения¹.

Позже в Йомсборге «правил страной Вендов» Свейн, сын Кнута Могучего. Можно предположить, что к этому времени братства воинов-йомсвикингов в прежнем виде уже не существовало. Окончательно Йомсборг был разрушен конунгом Магнусом Добрым в ходе кампании по усмирению данников-вендов и борьбе с пиратами. Этот поход наверняка положил конец существованию легендарной дружины. В аналогичной кампании Олава Святого против «викингов, которые с большими дружинами постоянно прибывали в походах, называли себя конунгами, хотя они и не правили землями», участвовал брат Сигвальди экс-йомсвикинг Торкель Высокий. Видимо, многие йомсвикинги перешли на службу к конунгам, часть, возможно, попала в войско Кнута Могучего и вошла в состав его «хускерлов»².

Степень историчности многих событий и реалий, упоминаемых в «Саге о йомсвикингах», вполне понятно, вызывает сомнения и споры исследователей. Хотя именно та часть произведения, что посвящена образу жизни йомсвикингов и их обычаям, была интерпретирована А.Я. Гуревичем как художественная типизация реальных отношений и порядков дружинных лагерей Дании³. Ис-

¹ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1995. С. 158.

² *Корьев А.А.* Наемная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англосаксонской знати в первой половине XI в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 3. Л., 1980. С. 21—26.

³ *Гуревич А.Я.* Походы викингов // *Гуревич А.Я.* Избр. труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М. — СПб., 1999. С. 116—121; См. последнее издание: *Гуревич А.Я.* Походы викингов / Под ред.

ходя из данной «архетипической модели», мы вправе предположить, что эта сага дает нам редкую возможность увидеть если и не сами порядки, в действительности царившие в дружинных лагерях Скандинавии и Восточной Европы эпохи викингов, то, по крайней мере, тот идеал, к которому стремились тогда эти воины и их вожди.

II. ФЕНОМЕН ДРУЖИНЫ

1. Род и дружина — единство и борьба противоположностей

Древнее традиционное общество изначально строилось на разных формах родового коллективизма, основанного на строгом горизонтальном разделении социума на родственные кланы, фратрии, отдельные подгруппы. По социальной вертикали коллективы дробились на возрастные классы и страты, в зависимости от опыта его членов, уровня личного влияния и степени вовлеченности в престижную экономику. Сама по себе родовая система отличалась редкой устойчивостью и способностью к регенерации после природных и военных катаклизмов. Даже после запуска механизмов политогенеза — процесса складывания государства, классового общества и конституирования систем господства — родовые структуры сохранялись в качестве низовой ячейки самоорганизации людей и лишь отчасти трансформировались в общинные формы коллективизма.

Наиболее адекватным определением понятия «род» является его расширительная трактовка, предложенная выдающимся советским этнографом С.А. Токаревым: «Род — группа людей, соединенных кровным родством и ведущих свое происхождение от общих предков». Род создавался на основе единства родственников («кровных») уз и определенной территории («почвы»), которые оформлялись символически с помощью мифов о

предках (могучих зверях и великих героях), инициаций, обрядов перехода из одного возраста в другой. Повседневность родовой жизни была жестко регламентирована и подчинена единым циклическим ритмам, согласованным с природной средой.

Между тем внутри родового общества всегда существовал фактор дестабилизации, периодически возникали катаклизмы, ведущие к разрывам традиционных связей, провоцирующие отмену действующих норм и порядков. Практически с самых первобытных времен *война* (нападение на соседей, защита своей территории, опасные массовые охоты) и *странствие* (миграция племени, отселение молодых людей при перенаселении территории, поиск новых угодий) становились причиной смены форм власти и основными двигателями социальной мобильности. «Зов дальних странствий» и «дух воинственности» были ментальными разрушителями циклов жизни рода и вносили стохастический момент в социальные системы. Эта диалектика «рода» и «воюющего отряда», комитата, наверное, одна из древнейших социокультурных оппозиций, восходящих к глубокой древности, и коренящихся в еще этологической разнице людских характеров и психотипов¹. В германской мифологии такое противопоставление ярко проявляется в первоначальной конкуренции хтонических и лунарных божеств ванов (покровителей культа предков, аграрных циклов и семейной солидарности) и солярных героических асов, отличающихся отвагой и сексуальной распушенностью². Похожая дихотомия наблюдается в экзистенциальном выборе, предложенном великому герою греков Ахиллу, который мог прожить долгую жизнь «статусного» мужа

¹ Дольник Р.В. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. — М., 2004.

² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 107.

и царя или выбрать краткий век, полный славы и приключений.

Военные объединения мужчин и юношей вокруг самых опытных воинов и вождей вначале создавались только ситуативно, а военный поход был одним из элементов инициации, проверки готовности юношей выполнять мужские обязанности и защищаться от нападений чужаков. В принципе многие вполне уважаемые члены племени могли участвовать лишь в нескольких первых набегах и после вступления во взрослую жизнь не проявляли интереса к воинской славе.

Однако постепенно выкристаллизовывались сообщества индивидов, постоянно занимающихся военным промыслом (как правило, своеобразным «коллекционированием подвигов» и грабежом). Вопреки распространенному стереотипу их общественный статус в мирное время оставался не таким уж и высоким. Постоянный риск и высокая смертность делали военную стезю малопривлекательной с точки зрения общественной пользы, особенно когда речь шла о военном искусстве ради военного искусства. Принципиально ситуация менялась в периоды военной опасности и массовых вынужденных миграций. Именно в такие переломные исторические моменты воинские объединения становились постоянным институтом, устойчивой профессиональной группой, востребованной и почетной.

В качестве наиболее известных примеров можно привести рост престижа постоянных военных отрядов у индейских племен после столкновения с белыми колонизаторами (классическими примерами являются племена Северо-Востока и Великих Равнин Северной Америки). Не менее ярким историческим примером может служить история дружин древних германцев. Коренные изменения в военном деле у них произошли только после столкновения с Римской империей, что ярко отразилось в

римских источниках. Сравнивая тексты Цезаря и Тацита, можно заметить, что на рубеже эр, т.е. в период между походами Цезаря и описанием германцев Тацитом (примерно 150 лет), у германцев оформился институт постоянной дружины¹. Практически ясно, что появление дружинной организации у германских племен на рубеже эр не было результатом эволюции общества, а было ответом на внешний «вызов» Рима. В кочевом мире Евразии таким постоянным вызовом было соседство с другой великой империей — Китайской, именно на ней оттачивалось военное искусство гуннов (хунну), тюрков, монголов. Сходную эволюцию позже прошли славяне, начавшие с мирной колонизации Восточной Европы, обезлюдившей в хаосе Великого переселения народов, а закончившие созданием ярких дружинных культур антов и склавинов, попавших на «балканский перекресток»², Великой Моравии³, полабских протогосударств⁴. Сам процесс освоения славянами навыков войны тонко подмечен византийским писателем Иоанном Эфесским (VI в.): «И они {славяне} обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, {они}, люди простые, которые не осмеливались показываться из лесов и защищенных деревьями {мест} и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это — метательные ко-

¹ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 152—169.

² Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987. С. 16—22.

³ Рутткан А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия и ее культурно-историческое значение. М., 1985. С. 143—159.

⁴ Именно с этим регионом в основном связаны немногочисленные славянские этнонимы, в которых отразились боевые (и охотничьи) характеристики — «лютичи», т.е. «лютые», «свирепые» и «вильцы», т.е. «волки».

пья». Аналогичная эволюция оценки военных способностей антов и склавинов видна из сравнения наблюдений византийских авторов VI в. Прокопия Кесарийского и Маврикия. Первый считал самыми опасными противниками Византийской империи вандалов, готов и гепидов; второй (примерно через 50 лет или более) — славян¹.

Вторым путем военизации архаичного общества было создание постоянных воинских формирований при развитии политического строя, формировании репрессивного аппарата для государственной эксплуатации и подавления подданных, что вело к появлению вооруженной свиты вокруг первых лидеров².

Возвращаясь к Великому переселению народов, можно сказать, что для этносов Евразии, особенно европейских, этот период стал переломным, именно «война всех против всех» этого времени стала «повивальной бабкой» феодализма, истоком средневекового рыцарства и его культуры. На периферии классических феодальных государств, возникших на обломках Римской державы, вместо господства рыцарства утвердился более примитивный, но не менее эффективный дружинный строй. Рассматривая государства Евразии как одну «большую феодальную формацию»³, можно говорить о разных типах феодального строя: «рыцарском феодализме» (или вассально-ленном) стран Западной Европы, «дружин-

¹ *Нефедкин А.К.* Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских источников) // *Византийский временник*. М., 2003. Т. 62. С. 79—91.

² Подробнее об этом см. статью Е.А. Шинакова в настоящем издании.

³ *Bloch M.* Pour une l'histoire comparée des sociétés européennes // *Bloch M.* Mélanges historiques. Paris, 1963. Т. I. P. 16—40; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972; *Кобищанов Ю.М.* Теория «большой феодальной формации» // *Вопросы истории*. 1992. № 4—5. С. 5—17.

ном феодализме» европейской северной и восточной периферии и «кочевом феодализме» Степи. Отметим в этой связи, что нами «феодалность» понимается не в качестве формационного определения или способа производства, а как универсальный тип властных отношений, политического режима, основанного на личных связях управляющих и управляемых, патерналистских и служебных отношениях внутри элиты и между стратами, наконец, феодальными являются определенные типы военной знати — рыцарство, дружина, орды «богатуров»¹.

Главное же, что объединяло «богатуров» и «нойонов» степей, дружинников скандинавского мира и Руси и рыцарей Западной Европы — пристрастие к войне. Война была своеобразным интегралом «благородного образа жизни»², отличительной чертой элиты и почти главным смыслом жизни тех, кто считал себя «сословием» «сражающихся»³.

2. Типы воинских объединений

Итак, разбирая генезис военных социумов, истоки военных отдельных, специальных формирований, видимо, надо искать в «мужских союзах» родоплеменного строя, частично сохранившихся и в более позднее время первых

¹ Такое понимание феодализма см. в работах: *Баландье Ж.* Политическая антропология. М., 2001. С. 96—99; *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 429—440; *Кареев Н.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? СПб., 1910. Ср.: *Stenton F.M.* The First Century of English Feudalism 1066—1166. Oxford, 1961.

² *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 286—292; *Харитонович Д.Э.* Война в Средние века // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001.

³ *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

сложных вождеств и ранних государств¹. Мужские союзы зафиксированы этнографически в большинстве регионов мира². В исторических источниках прослеживаются данные о воинских мужских союзах греков³, скифов⁴, персов⁵, кельтов, более спорные материалы дает поздний славянский фольклор — былины и исторические песни⁶.

Эти союзы существовали в качестве специфических мужских групп, кооптирующих всех достойных членов рода, проводящих инициации мальчиков, становящихся мужчинами, и вместе сражающихся. «Тайные союзы» были «тотальными институтами», в рамках которых происходила мужская социализация (инициация), формировалась культура маскулинности, идеология войны, установка на воинственность и ценностные ориентиры вооруженности⁷. Именно эта магма биологической агрессии, моделей brutального поведения, полуавтоматизированных стандартных реакций и типичных оценок, эмоций,

¹ См. подробнее: *Михайлин В.* Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.

² *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М. СПб., 1999;

³ *Андреев Ю.В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

⁴ *Иванчик А.И.* Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988, № 5. С. 38—48.

⁵ *Ксенофонт.* Киропедия. М., 1977. С. 290.

⁶ *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. 97—99; *Балушок В.Г.* Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3; *Контев А.В.* Fornicator immensus — о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // Russian history / Histoire russe. Vol. 31. № 1—2. 2004. P. 1—37.

⁷ *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М. СПб., 1999; *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: Мужские союзы и социокультурные традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

переходящих уже в сферу бессознательного, ментального, сформировала субкультуру и этос «человека военного». Стоит подчеркнуть, что если с точки зрения структуры и принципов организации «протоармии» доисторической древности, конечно же, серьезно менялись с течением времени, то с точки зрения субъективно-деятельностных характеристик, функциональных моментов, связанных с осуществлением систематического насилия против «себе подобных», военные отряды всего мира во все времена демонстрируют яркие черты сходства. Точнее, типы военных организаций могут быть сведены к небольшому числу основных социологически и технически обусловленных вариантов, крайними полюсами которых были «массовая армия» и «элитная гвардия».

Дружина, как и рыцарство, была наследницей таких мужских «братств». Изначально, как уже было сказано, время войны было очень ограничено, особенно, сезонно, вступление на «тропу войны» было моментом выпадения группы людей из повседневной жизни, экстремальным опытом. Затем часть индивидов задерживалась в состоянии войны на более долгое время, чем то было необходимо для подтверждения их мужественности. Характерно сообщение римского историка Корнелия Тацита о германском племени хаттов, юноши которых в период инициации отращивают волосы до момента убийства врага, а некоторые принимают обет носить железные обручи (еще, видимо, знак рабов и вообще низкостатусных личностей) до того, как совершат подвиг. Тацит уточняет, что многие хатты носят железный обруч воина до седин. Именно таких носителей этого знака можно считать уже профессиональными воителями, протодружинниками. Аналогичным образом индейцы Северной Америки носили различные амулеты (пояса, головные уборы), обладание которыми требовало отказа от бегства в бою или поведения «наоборот», которое предполагало наступление тогда, когда остальные воины

отступают. Трансформированным мужским союзом может считаться греческая эфебея, в которой юноши готовились стать членами полиса и гоплитами. Единым союзом воинов были спартиаты, державшие в страхе периодических охот на людей (криптий) поработанных илотов¹. Недаром Арнольд Тойнби сравнивал отряды спартиатов со сторожевыми псами, а илотов и периэков с пасомым стадом². Таковую же форму союза юношей имело конное подразделение целеров в Древнем Риме — их название происходило от слова *celereres*, т.е. «быстрые».

В скифо-сарматском и, шире, индоиранском мире союзы воинов-юношей и бойцов-мужчин, чьими тотемами были собаки и волки, играли едва ли не ведущую роль в воинской организации и в системе власти³.

Устойчивость дружинной организации и рост влияния военных вождей происходят в случаях, когда существуют источники богатой добычи (развитые, но слабые соседи или пути транзитной торговли, т.е. возможности для систематического и в перспективе «институализированного» рэкета⁴). В условиях высокой ликвидности военного дела и грабежа⁵ все процессы политогенеза резко ускоряются. Итак, дружина (лат. *comitatus*) появляется по мере накопления в социуме индивидов с девиантным «супермужским» поведением. Появление нового социального

¹ Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115—154.

² Тойнби А.Дж. A Study of History. III. Oxford, L. — N.Y., 1948. P. 79—80.

³ Гутнов Ф.Х. Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ, 2006. С. 61—75.

⁴ Об этом феномене см.: Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002. Историк и политолог Чарльз Тилли определяет государственный аппарат в качестве «машины легитимного рэкета».

⁵ Латынина Ю.Л. Дар, грабеж и торговля: историческая условность границ // Знание — сила. 1995. Сентябрь.

слоя, касты спутников военного вождя, претендующих на власть и почести, требует новых форм идеологической консолидации и легитимизации — это добровольное объединение под началом вождя, взаимная верность, кооптация пассионарной молодежи, ритуал принесения клятвы, повышенная мобильность, особые внешние аксессуары, культ оружия и силы.

Специфическим типом «боевого комитета» стало рыцарство Западной Европы. Virtuозное обобщение возможных истоков и протоформ средневекового рыцарства продемонстрировал Франко Кардини, отметивший, что класс феодалов в варварских королевствах Западной Европы сложился как специфическая социетарная группа конных тяжеловооруженных воинов¹. Техническими условиями появления рыцаря были появление особой породы коней, технологий сбруи (узды, стремя), специфических доспехов (кольчуга, пластинчатый доспех) и оружия (тяжелый меч, длинное копье). Одновременно был сделан социальный и даже социально-психологический выбор между всеобщей вооруженностью населения и «войны народных масс» (характерных и для Рима, и для варваров) в пользу войны элиты. Тяжеловооруженный человек на коне после обретения определенного мастерства становился на редкость эффективной боевой единицей. Вместе с тем одновременно ему требовались повышенные ресурсы для обеспечения своего участия в походах — несколько лошадей (боевых и тягловых), слуги, обслуживающие его, оруженосцы, страхующие его и восполняющие его слабые стороны. Необходимо было также оплачивать работу высококвалифицированных мастеров, без которых невозможно было получить подобающую экипировку. Однако опыт постримской истории показал, что такой супервоин часто превосходил по

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

своим боевым качествам вооруженную группу людей, гораздо большую по численности, чем вся его обслуга. Но такой воин должен был быть постоянно в боевой готовности, единственным его занятием становились тренировки — турниры, охота, войны, распри с соседями (файды). Существовала единственная возможность дать ему необходимые ресурсы: выделить основной источник богатства того времени — земельные угодья. «А кому нужна земля без крепостных?», как заметил дон Румата Эсторский, герой романа братьев Стругацких. Этот знаменательный выбор был сделан в империи франков в VIII веке, скорее всего при Пипине Коротком, когда традиционные методы ведения войны германских племен оказались бессильны перед арабо-берберской агрессией. Один из самых самобытных процессов социальной стратификации был запущен. «Праздник класс» всегда сражающихся индивидов с повышенным уровнем экипировки и вооруженности оказался весьма эффективен и распространился в соседних королевствах на века. До появления пороха монополия рыцарей на насилие и власть была обеспечена.

Преимущество рыцарства над традиционными дружинами варварской военной демократии наиболее наглядно доказано битвой при Гастингсе в 1066 году. В предшествовавшей битве с викингами под предводительством знаменитого Харальда Сурового при Стэмфордбридже войска англосаксонского короля Харальда одержали победу — здесь сражались две типологически близких пеших дружины, а вот конное рыцарство нормандского герцога Вильгельма Завоевателя сумело вскоре после этого вырвать победу у англосаксов. Похожий переход от тактики «морской пехоты» варягов к конным дружинам произошел в течение XI в. на Руси, когда оформление профессионального конного войска позволило русским князьям совершать походы в Степь и за XII век полно-

стью подавить агрессию степняков-половцев. При Владимире Мономахе оборонительная тактика укрепленных линий, перехвата обозов степняков при их отступлении, стояние армиями на южных границах Руси дополняются и отчасти сменяются рейдами вглубь степи, ударами по кочевьям и «вежам» врагов. Поэтому тогда же окончательно оформляется технологически и заявляется символически всадническая субкультура¹ Древней Руси, распространяются культ воина-всадника св. Михаила, расширяется система мобилизации коней и людей, увеличиваются княжеские табуны².

Таким образом, с исторической точки зрения дружина — предшествующая, периферийная, отчасти тупиковая ветвь развития военной элиты. Если рыцарство получало свое преимущество в большей мере технологически, то дружинники добивались преимущества психологического, культурного, морального. Готовность к смерти, суицидальное поведение и реальный суицид, повышенная солидарность, гипертрофированное возвеличивание определенных ценностей и доблестей отличали военную элиту варварского общества от прочей массы населения. Дружина как группа отборных воинов была зависима от определенных мифологик, без которых ее эффективность резко падала.

Исторически в дружинных государствах Северной и Восточной Европы постепенно обособились разные виды дружины³:

¹ Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93—103.

² Романов Б.А. Смердый конь и смерд (в летописи и Русской Правде) // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXII. СПб., 1908.

³ О первой известной нам попытке классификации типов дружин см. Хлевов А.А. Феномен северной дружины // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков. СПб., 1998. С. 43—44.

а) *дружина вождя* (конунга, князя) — ведущий тип;
б) *отдельная дружина княгини или других представителей правящего рода* (некая разновидность первого типа, тесно с ним связанная);

в) *свободная дружина «воинов профессионалов»*, чаще всего временная, на период конкретного похода или этапа жизни своих членов, нередко совмещающих независимые военные действия с наемничеством и с торговлей (*felag*); ярким примером могут служить флотилии «морских конунгов» Скандинавии¹;

г) *братство профессиональных воинов* (вариант третьего типа, отличающийся, как правило, более длительным, а то и пожизненным обетом воительства, самоценностью магико-боевых аспектов дружинной культуры); именно о таком объединении и повествует «Сага о йомсвикингах».

Ближайшей аналогией последнего типа могут служить автономные группы греческих наемников, самостоятельно выбиравших стратегов и решавших свои дела, которых французский историк Ипполит Тэн метко назвал «странствующими республиками». Если дружинники, составляющие окружение властителей и фактически формирующие аппарат ранних государств, в большей мере были ориентированы на вертикальные связи со своим королем или князем, то в свободных дружинах преобладали горизонтальные узы братства.

Во всех типах дружин культивировался боевой дух, но «независимые» и полунезависимые дружины, не имеющие поддержки государственного аппарата, в большей мере тяготели к идеологии «смертников», «живых мертвецов», обреченных изначально², в то время как в «го-

¹ Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии) // Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 44—53.

² Похожие психологические черты просматриваются у япон-

сударственных» гвардиях скорее ценилась верность вождю, сюзерену, прочность служебно-клиентельных отношений. Хотя, в реальности, разумеется, часто случалось наоборот — наемники проявляли завидную осторожность (о чем ехидно повествует «Сага о йомсвикингах»), а дружинники правителей сражались до конца.

В эпосе северных народов поровну воспеваются и верность конунгам, и бесстрашие, следование «северной этике мужества», предполагавшей опрометчивые и явно несуразные, но удалые поступки. Так, гимном верности может считаться датская поэма «Речи Бьярки», где центральный сюжет составляет гибель в бою двух дружинников Бьярки и Хьялти у тела их убитого вождя Хрольфа. Мотив ответственности дружины перед вождем ярко звучит в финальных сценах поэмы «Беовульф», после того как стареющий конунг Беовульф был брошен своими воинами перед битвой с драконом.

Общим образцом для воинских отрядов Северной Европы и Руси (где дружина изначально формировалась на «скандинавской основе») было войско верховного аса Одина — эйнхерии, т.е. «люди одного войска». Считалось, что все павшие в битвах герои попадали в небесный чертог Одина — Вальхаллу, где они тренировались в воинском искусстве и пировали, готовясь выступить в час Конца Света против чудовищ хаоса. В позднем фольклоре эти представления трансформировались в рассказы о «дикой охоте» хариев — спутников Одина, несущих грома и ветер. В принципе мотив «вечно сражающихся» был достаточно популярен в эпосе скандинавов — согласно легендам были обречены на «вечный бой» отряды конунгов Хедина и Хегни (ночью после битвы валькирия Хильд — дочь Хегни и жена Хедина — воскрешает павших, и бой продолжается). Можно отметить вечную ских самураев, потерявших сюзерена, — ренинов.

вражду Хундингов и Ильвингов (Ульвингов), которая, судя по этимологии названий этих династий, видимо, восходит к легендам об архетипическом противостоянии родов «собак» и «волков»¹.

Один — верховное божество языческого пантеона древних скандинавов, покровитель дружинников, «смотрящий» за битвами, пристрастный судья победы и поражения, хозяин «казарменного рая» Вальхаллы, куда попадают погибшие в бою воины². Один — странник, поэт, колдун, некромант, воин, искатель мудрости, развлечений и приключений³. Кроме эйнхериев, его окружают берсерки (безумные воины, обладавшие сверхчеловеческой силой) и валькирии — воинственные девы, дарующие в бою победу. Он стоит вне морали; его мораль — власть и сила. Религиозный культ Вотана (Одина), который, по меткому замечанию средневекового хрониста Саксона Грамматика, воплощал бешенство, боевой «фурор», предполагал вечную готовность к битве или поединку, чем создавал необ-

¹ «Одного могущественного конунга звали Хундинг. По его имени страна называлась Хундланд. Он был очень воинственен и имел много сыновей, которые воевали. Вражда и столкновения были между конунгом Хундингом и конунгом Сигмундом. Они убивали друг у друга родичей. Конунг Сигмунд и его род назывались Вельсунги и Ильвиги» (Старшая Эдда // Западноевропейский эпос. СПб., 2002. С. 153). Последнее сообщение об этой вражде связано с Сигурдом, сыном Сигмунда: «У Сигурда была большая битва с Люнгви, сыном Хундинг, и его братьями. В этой битве пал Люнгви и все три брата». Сигурд вырезал кровавого орла на спине Люнгви, т.е. раскрыл спину, вывернул ребра в виде крыльев и вытащил легкие. См. подробнее: *Михайлин В.* Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 403—404.

² *Палссон Херманн.* Единичное в «Саге о Гисли» // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. СПб., 2000. С. 253—266.

³ *Карлейль Т.* Теперь и прежде. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 1994. С. 6—37.

ходимую атмосферу в воинских коллективах. С культом Одина связаны ритуалы человеческих жертвоприношений, жестоких казней, суицида и пыток (через которые прошел сам Один, провисевший девять дней на Мировом Древе с пробитым копьём боком). В «Саге о гутах» есть упоминание о культовом «одническом» союзе, товариществе «Кипятящих» жертвенное человеческое мясо¹. Один всегда стремится узурпировать роли и функции других божеств, оттесняет их от власти, по сути, присваивает власть над асами и ванами. Так Один постепенно превращается из маргинального персонажа, «Отца ратей», «Отца Мертвых», «Повелителя Повешенных» в «Отца Асов» и «Повелителя Девяти Миров». Die Wilde Jagd, «Дикая охота Одина», сама по себе представляет союз отверженных воителей — вечно странствующее призрачное войско изгоев, преступников и самоубийц².

Одническая идеология играла роль психологического допинга профессиональных воинов. Крайний случай девиантного «однического» поведения демонстрировали отряды берсерков. Хотя, конечно, рассказы о них приобретали откровенно фантастические, мифопоэтические черты, полностью отрицать их «историчность» вряд ли возможно³. Берсерком считался особо свирепый воин, способный на время впасть в боевой экстаз, неконтролируемую звериную ярость (сходную с ликантропией или амоком малайцев). Берсерки воевали без доспехов, раздевшись или облачившись в звериные шкуры, счита-

¹ Сага о гутах / Пер. с древнегютского и прим. С.Д. Ковалевско-го // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 307—311.

² Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001. С. 37—44.

³ Ср. наивно-скептическую позицию: *Либерман А.С.* Германисты в атаке на берсерков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 119—131.

лось, что они не чувствительны к боли, им не опасно железное оружие и огонь. Однако их можно убить камнями или деревянными дубинами, а после приступа ярости они становятся слабыми и заторможенными. Их специфические боевые способности вызывались психическими отклонениями или опьяняющими наркотическими напитками. Согласно этиологическому мифу, Берсерком звали внука легендарного полухтонического героя Старкада, дравшегося без доспехов. Подтверждением исторической достоверности сообщений о берсерках являются известия древнерусских летописей о том, что новгородские воины в критических ситуациях сражались спешившись, разувшись и сбросив одежду¹. Отряды берсерков сопровождали многих конунгов: легендарного шведского конунга Адильса, полулегендарного датского конунга Хрольва Жердинку и вполне исторического норвежского правителя Харальда Прекрасноволосого. Берсерков часто считают специфическим скандинавским феноменом, однако это явное недоразумение, греческие герои эпоса и раннелитературной традиции не менее подвержены боевому бешенству, экстатическим припадкам безумия (люсса, лютта). В безумие впадают Лик (Волк) — антагонист Геракла, сам Геракл, Орест, Ахилл, Аякс Теламонид².

Однако героическое сознание, героическая культура и идеалы воина строились на не столь экзотических об-

¹ Судя по именованию и генеалогическим реконструкциям, многие новгородские боярские роды восходили к знатым скандинавским семьям, а судя по археологическим данным, престижная, особенно воинская, культура Севера Руси формировалась под прямым воздействием викингских образцов.

² *Фрейденберг О.М.* Миф и литература в древности. М., 1998. С. 388—391, 369, 396—400, 423; *Косарев В.А.* Гнев Геракла // Классическая филология на современном этапе. Сб. научных трудов. М., 1996. С. 92—100.

разцах — центральной фигурой эпоса всегда являлся Герой, готовый с увлечением и удалью воевать в «здравом уме».

3. Феноменология героя

Эпическим персонажам, совершавшим подвиги, посвящено огромное число исследований, даже перечень сравнительно-исторических работ о структуре и чертах героической личности достаточно велик¹. Мы же сосредоточимся на чертах личности воителей, связанных не с мифологической архаикой (чудесное рождение, героическое детство, ускоренное взросление, низкий изначальный статус или долгое бездействие и т.д.) и не на идеализированных аспектах их характеров, а на реалистических моментах, отражающих специфику социальной психологии дружинников.

Начать беглый анализ героического «габитуса» лучше всего с меткого афоризма филолога Томаса А. Шиппи, который констатировал, что мы, современные люди, сгодились бы в древнем обществе «разве что в рабы». Именно «бесстрашие», воля к победе, готовность к смерти отличала воинов древности, давала им пропуск в мир власти и

¹ См. минимальную выборку наиболее доступных изданий: *Борура М.С.* Героическая поэзия. М., 2002; *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. Отд. оттиск.; *Клейн Л.С.* Бесплотные герои: происхождение образов «Илиады». СПб., 1994; *Колесов В.В.* Древнерусский богатырь // Средневековая и новая Россия. Сб. статей к 60-летию И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 37—60; *Лупец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984; *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб., 2005; *Протт В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999; *Халанский М.* Южнославянские сказания о кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1894; *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о нибелунгах. М., 1960.

силы. «Среда войны» не просто отпечатывалась на личности, откликалась синдромами и невротами, она давала строительный материал для нее. Недаром, Г.В.Ф. Гегель вывел простую, но исключительно верную формулу архаичной власти — человек, способный поставить на кон игры свою жизнь, становится Господином, боящийся рискнуть жизнью — Рабом. Именно согласно такой диалектике и строятся модели поведения воинов.

Важнейшей чертой личности героя и «призом», за который герои готовы бороться, выходить на поединки, совершать поступки на грани суицида, идти в изгнание, является «честь и слава», определяющие его статус. Чаще всего эти абстрактные понятия материализуются во вполне земных вещах — дарах, долях сокровищ, месте за пиршественном столом, причастности к полюдию и прочим кормлениям, обладании красивыми женщинами, конями, другими престижными аксессуарами. Учитывая специфику социальных отношений, дружины изначально формировались из людей пониженного и приниженного положения — младших сыновей, сирот, изгоев, бродяг, пришельцев, прочих «отщепенцев». Таким образом, в борьбе за статусы включались механизмы психологической компенсации, восполнения ущерба. «Младшие» воины, таким образом, в эпосе маркируются чертами алчности, агрессивности, необузданности, злобности, они выходцы из маргинальных (пограничных) территорий и слоев общества. Так, Ахиллу были приятны только «вражда, раздоры да битвы», а Одиссей, хоть и стремился домой, все-таки любил странствовать. Грань между героем и преступником часто размыта, герои похожи обликом и нравом на монстров и чудовищ, с которыми они борются. Они выпадают из стандартных брачных и кровно-родственных уз, их удел — бесплодный секс, чаще всего они образуют временные пары с такими же отверженными девушками

или товарищами по оружию. Геракла связывал роман с царицей амазонок Ипполитой, Тезей имел связь с амазонкой Антиопой, Сигурд (Зигфрид) любил валькирию Брюнхильду (вар. Сигрдриву); связи с богатырями-поляницами былинная традиция приписывала Илье Муромцу (от нее у него родился сын Сокольник) и богатырю Дунаю.

Исключительно точно подметил отсутствие идеализации в эпосе М.И. Стеблин-Каменский¹, он обратил внимание, что самый знаменитый северный герой Сигурд обладал скорее не «силой духа», а «психической импотенцией», безразличием к себе и окружающим. Его судьба запрограммирована, и он слепо следует ей. Убивая врагов, он действует из засады, пытается противников-хундингов (вырезая «кровавого орла»), его мотивация — жажда славы и золота. Знаменитая ссора двух королев Гудрун и Брюнхильд, приведшая Сигурда к смерти, была спровоцирована его собственным хвастовством. Согласно С.М. Боуре, Сигурд действует, соотносясь с «инстинктивным стремлением быть великим воином», суть его героической натуры — отсутствие сомнений и колебаний, готовность испытать свою силу, найти свой предел возможного².

Вообще же, героические деяния достойны памяти и рассказов благодаря своему выдающемуся характеру,

¹ *Стеблин-Каменский М.И.* Труды по филологии. СПб., 2003. С. 437—441. Ср. несколько романтические возражения А.Я. Гуревича об «архаическом индивидуализме» и «моральности» Сигурда, которые исходят из популярного заблуждения о принципиальном расхождении ценностей и моральных устоев разных эпох и народов (*Гуревич А.Я.* Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52—59). Конечно же, аксиологический люфт, обусловленный культурно-историческими особенностями, всегда можно найти, однако базовые положения представлений о «добре и зле» вполне универсальны.

² *Бoura М.С.* Героическая поэзия. М., 2002 С. 137—138.

экстраординарности, а отнюдь не из-за высоких индивидуальных моральных качеств героев. Исключительные способности и навыки древних воинов ценятся и восхваляются сами по себе, а не в связи с какими-то абстрактными идеями и категориями. Поведение героев является примерами чистого действия, механического бихевиоризма, не отягощенного эмоциональной подкладкой, рефлексией.

Второй маркер героя — Судьба, тесно переплетенная с целым клубком «удач» («фарта»), предсказаний, проклятий, обреченностей, амулетов и волшебных артефактов. Отчасти такая концентрация мистики вокруг героев объясняется общей тягой всех людей, чьи занятия связаны с риском, к различным формам суеверий. Кроме того, подобное программирование жизненного пути отчасти задает тон поведению воина, отчасти оправдывает его поступки и деяния, лежащие вне норм и морали. Здесь же стоит упомянуть различные практики боевой магии, оборотничества, ликантропии, на которые обречен герой. Часто герои оказываются заложниками внешних сил — богов, колдунов, волшебного оружия¹. Среди счастливых воинских примет в эпосе и ранних летописях называются, в частности: увидеть ворона, услышать волчий вой, встретить вооруженных воинов, но увидеть их раньше. Напротив, спотыкание человека или коня рассматривалось как знак неудачи.

¹ Противореча сам себе, А.Я. Гуревич, с одной стороны, пишет о том, что поведение древних героев гипертрофированно выражает идею индивидуальной свободы и независимости, с другой — справедливо считает само их поведение «интериоризованной судьбой» (Гуревич А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М., 2005. С. 52, 54). Между тем герой вполне функционален, выбор его «героического пути» столь же фатален, как и противоположные решения, предполагающие жизнь в другом статусе, — раба, крестьянина, ремесленника и т.д.

Третий момент — Воля, способность идти наперекор Судьбе, сильным мира сего, сверхъестественным силам, готовность жить в состоянии обреченности, выживать в нечеловеческих условиях и оправляться от страшных ран. Проекцией такой «волюнтарной установки» является представление о неуязвимости героев. Неуязвимыми считались Ахилл, Аякс Старший, Сигурд сын Сигмунда («Роговой Зигфрид»), отчасти неуязвимостью обладал Кухулин, а Илье Муромцу была «смерть в бою не писана». Несколько раз выживал после страшных ран великий рыцарь Тристан.

Особое внимание герои уделяли также своему внешнему облику, атрибуты, аксессуары, украшения, амулеты составляли необходимый набор, маркирующий великих воинов. В неменьшей степени героя отличала боевая ярость. Вся культура рыцарства и дружины была принципиально имажинарна — значимые действия и деяния сопровождались выразительными жестами, формульными восклицаниями, плачами, песнями. Непременной составляющей героического поведения было хвастовство, вызов, оскорбления противников и возвеличивание своих доблестей.

Большинство героев отличает праздность, активное «ничегонеделанье», в свободное от войн и походов время герои забавляются охотой, играми, соревнованиями. «Институт праздного класса» формируется именно на поздней стадии существования варварской культуры, в дружинной и рыцарской среде, когда своей кульминации достигает последовательно «хищнический уклад жизни»¹. Такой взгляд на мир был явно обусловлен самим образом жизни профессиональных воинов, которые не желают участвовать в производстве каких-либо благ, но готовы их присваивать и потреблять. Любая работа

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

была для них наказанием и проклятием. Недаром дружинники сравнивали себя с волками и псами, а полюдые и кормление воспринималось ими как право на долю продуктов «стада».

4. Дружинные лагеря — воплощенный миф

Замечательным мотивом саги о йомсвикингах является описание мощно укрепленного дружинного лагеря, куда не допускались женщины, чтобы не внести раздор в идеальный порядок общины воинов. Многие архитектурные детали этого описания, безусловно, являются литературным отражением и обобщением тех элементов, которые считались необходимыми для совершенного во всех отношениях военного порта того времени. Между тем топографически и археологически в Дании зафиксированы остатки такого рода военных поселений, которые могли быть прообразами Йомсборга. Самыми крупными были лагеря Треллеборг¹, Аггерсборг, Фюркарт, Ноннебаккен².

Согласно распространенной версии, датские лагеря связаны с системой циклопических оборонительных валов («Датский вал») и магистральной дорогой Дании — «Ратным путем». Важным элементом «Датского вала» была крепость Тюраборг, названная либо в честь бога войны Тюра, либо в честь супруги Горма Старого. По другой гипотезе, в

¹ Примечательна этимология названия этого пункта — «город рабов», что, возможно, отражало низкий статус его населения, где проживали люди, принудительно мобилизованные, т.е. утратившие свою свободу. Так, «отнятие одалей» Харальдом Прекрасноволосым в Норвегии рассматривалось как порабощение всех людей. Аналогией этой ситуации может служить «нарубание мужей лучших» среди северных племен Владимиром Святославичем для заселения крепостей на южных рубежах Руси.

² Несколько лагерей исследованы в Нормандии, они связаны с подготовкой экспедиции Вильгельма Завоевателя в Англию.

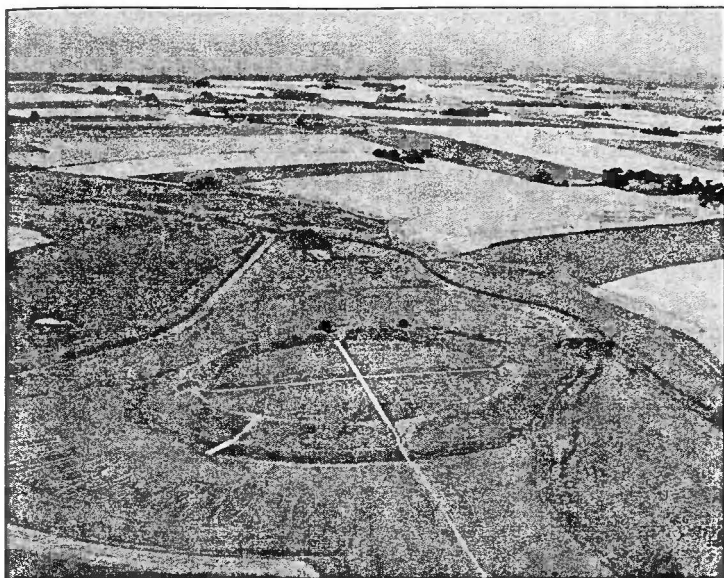

Рис. 1. Панорама Треллеборга

них шла подготовка к походам в Англию, впрочем, оба варианта не являются взаимоисключающими. В любом случае эти лагеря объединяет несколько общих черт — все они представляют собой группы построек, обнесенные concentрическими валами, все они находятся вблизи от удобных гаваней или трактов. Все лагеря отличает строгий геометрически- выверенный план, ориентированный по сторонам света, и наличие нескольких симметрично расположенных ворот. В плане круглые лагеря очень точно разделены мощными дорожками на секторы, что свидетельствует о высоком уровне мастерства их «архитекторов» и дисциплине войска¹. Постройки внутри лагерей представляют

¹ См. подробнее: Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 2005. С. 77—80; Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005. С. 380—388. В датских лагерях могло разместиться порядка 9000 воинов (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 186).

собой «длинные дома», т.е., по сути, казармы для войска. Учитывая, что могильник, например Фюркарта, в котором, по оценкам археологов, проживало порядка 400 человек, содержит всего 30 погребений, скорее всего, лагерь наполнялись войском только периодически, а воины в основном гибли в походах, что подчеркивает казарменно-военный характер поселения. В Треллеборге при этом зафиксирован исключительно низкий процент погребений стариков, женщин и детей, что вполне перекликается с данными саги о йомсвикингах о мужском составе воинской группы.

Лагерь функционировали на рубеже X—XI вв., т.е. в правление Свейна Вилобородого и его сына Кнута Могучего, возможно, эти войска стали опорой этих конунгов при завоевании Англии и создании мощнейшей империи Кнута. Но в принципе кольцевые укрепления были известны и в германском, и в кельтском, и в славянском мире. Традиция таких лагерей могла восходить еще к римским временам и архитектуре военных поселений римских легионов¹, в основу геометрических расчетов при планировке лагерей использован «римский фут». Многодверным (540 дверей) амфитеатром представлялся викингам и их последний приют, рай-казарма — Вальхалла². Возможно, кроме функциональных задач, лагерь еще мыслились их создателями как земные копии чертога Одина.

Дружинные лагерь, не в такой явной и яркой форме, известны и на Руси³. Например, лагерь варягов-наемников киевского князя в Шестовицах под Черниговым, уни-

¹ Ср.: *Махалюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 174—188.

² Число воинов-эйнхериев, названное в «Старшей» и «Младшей Эдде», 432 000 — явное преувеличение. А вот число выходящих из одной двери бойцов — 800 — вполне реалистично для одной дружины великого властителя.

³ *Шинаков Е.А.* «Дружинные лагерь» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X вв. Київ, 2004. С. 307—311.

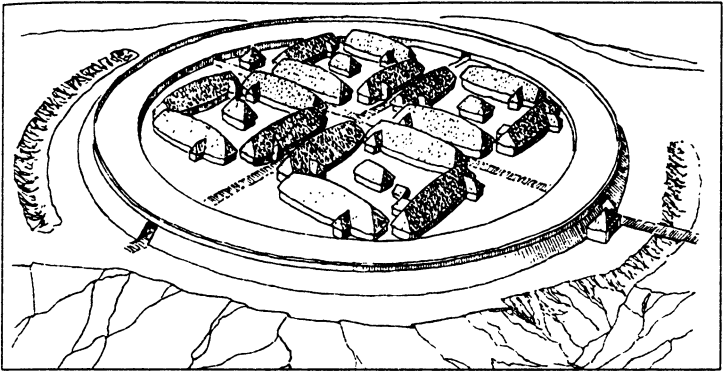

Рис. 2. Крепость Фюркат (реконструкция)

чтоженный Мстиславом Владимировичем Лютым в ходе войны со своим братом Ярославом Мудрым, кульминацией которой стала битва 1024 года при Листвене (по версии В.П. Коваленко). Это был финальный эпизод борьбы за наследство Владимира Святославича, очередное столкновение новгородского Севера, близкого Скандинавии, и «орбиты» Хазарии (кочевого мира). Дружина тьмутараканского князя Мстислава была сформирована из касогов, хазар и традиционных данников последних — северян. Именно столицу северян — Чернигов он с их же согласия занимает после отказа киевлян принять его власть. Ярослав же вышел на битву с войском, основу которого составили варяги под предводительством ярла (?) Якуна. Северные воины, уже не раз решавшие для Ярослава его политические проблемы, на сей раз были разбиты. Ярослав бежал обратно в Новгород.

На Руси, по наблюдениям Е.А. Шинакова, дружинные лагеря входили в комплексы разных урбоагломераций, объединявших населенные пункты различных функций — таковыми можно считать памятники Гнездово, Седнев, Лепляву, Левенку, Белгород. В качестве военных лагерей могли использоваться пограничные крепости

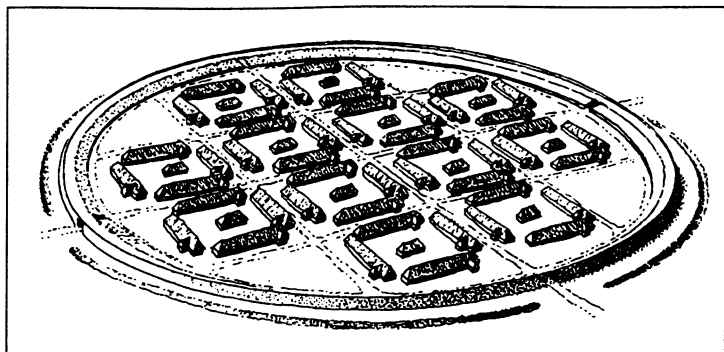

Рис. 3. Крепость Аггерсборг (реконструкция)

и погосты, изначально ориентированные на сбор дани. Крупным дружинным центром и, возможно, дружинным лагерьем можно считать град Плесненск (археологический памятник Подгорцы), отличающийся большой площадью укреплений и богатыми воинскими погребениями.

В этом отношении важно выделить памятники, включающие элементы «дружинной культуры» (раннегородские центры или торгово-ремесленные поселения), и пункты, на которые можно распространить функции, характерные для «дружинных лагерей». Для некоторых из древнерусских памятников такие функции прослеживаются достаточно уверенно (в том числе и археологически), для некоторых — лишь предположительно. По всей видимости, относительно древнерусского материала никогда нельзя будет говорить о «дружинных лагерях» как определенном «чистом», монофункциональном типе памятников¹. Можно лишь выделять типологическую близость к «дружинным лагерям» тех или иных центров, сочетающих в себе целый ряд других сопутствующих функций. «Дружинные лагеря» в Древней Руси могли входить

¹ Шинаков Е. А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII — X вв. Київ, 2004. С. 309.

в состав крупных торгово-ремесленных, контрольно-административных центров и пограничных крепостей, о чем может свидетельствовать присутствие воинских погребений в некрополях этих памятников.

Любые ранние «военные государства» («military state»), тем более созданные на их основе империи, построенные на принципе постоянной экспансии, требовали создания мест концентрации профессиональных войск, их размещения и подготовки. В связи с этим и краали зулусов, и римские «марсовы поля», и «весенние поля» франков, и ставки ханов Степи (например, ставка аварского кагана «Ринг», т.е. «кольцо», уничтоженная Карлом Великим) демонстрируют черты сходства, обусловленные их функциональной близостью. Особо отметим *индоевропейскую* традицию возведения круглых укреплений, размеченных по геометрически строгой радиально-круговой планировке, самый известный памятник этого круга — городище Аркаим на Южном Урале. Археологические данные о планиграфии Аркаима и соседних 20 городищ полностью совпадают с описаниями города Вары, содержащимися в священной древнеиранской книге «Авесте». Архитектурный канон Вары, созданной, по легенде, царем Йимой, воплощался во многих памятниках (культовых, погребальных, фортификационных) индоевропейских народов, самый известный пример такого рода — столица древней Мидии Экбатана¹.

Дружинные лагеря, предполагающие сбор огромных войск, всегда либо отличала временность, либо для целей подготовки войска использовались какие-либо «готовые» населенные пункты. Специализированные же места для войск чаще всего создавалась в условиях постоянной внеш-

¹ Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; Медведев А.П. Авестийский город Йимы (к истокам мифологии древних сакральных центров) // Норция. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 149—159.

ней опасности и систематической военной экспансии. В Дании дружинные лагеря стали инструментом глобальной политики Кнута Могучего. Он железной рукой объединил Данию, Англию, Шлезвиг, Норвегию. Судя по всему, этот правитель собирался полностью подчинить своей власти и территории южного побережья Балтики. На Руси золотой век дружины пришелся на время Святослава Игоревича и его сына Владимира. Святослав откровенно заявил программу империи с центром в Переяславце на Дунае и погиб, воплощая эту мечту, но оставил в наследство своим сыновьям мощнейший «инструмент» — «большую дружину»¹.

Однако после отказа от планов покорения доступной ойкумены у князей и конунгов нужда в таких огромных количествах воинов исчезала, вместе с ними и опустели или были «перепрофилированы» дружинные лагеря. С XII века ни на Руси, ни в Северной Европе они не известны. Это отчасти объясняется тем, что массы дружинников в это время были заменены рыцарской конницей, наступило новое время феодализма.

5. Йомсвикинги как боевое братство

Дружинная среда изначально строилась на принципах военного интернационализма и социальной открытости (меритократических принципах отбора), однако дружины имели свою внутреннюю иерархию, связанную с возрастом, личными качествами, заслугами, опытом, отчасти происхождением ее членов. Северогерманские дружины подразделялись на две категории — «старших» и «младших». На материале англосаксонской поэмы «Беовульф» такая дихотомия просма-

¹ Об империи Святослава и ее политэкономических контурах см.: *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 208—229.

тривается особенно отчетливо¹. Конунг Хродгар, которому суждено было стать великим правителем дворца Хеорот, в молодости возглавлял отряд «молодых воинов», которые потом выросли и стали его дружинниками. То есть наследник престола превратился в конунга, а окружавшие его юноши выросли во взрослый элитный отряд. Сыновей Хродгара также окружают отряды «детей мужей», сидящие на пиру за отдельной скамьей. В «Младшей Эдде» подчеркивается, что среди дружинников, «домашней стражи», выделяются «старшие», «внутренняя дружина». Кроме того, противопоставляются «ярлы и херсиры», обладающие своими владениями, и дружинники, окружающие конунга.

На Руси такое же противопоставление видится в противопоставлении «мужей» и «отроков». Наиболее ярко такой дуализм дружины проявился в эпизоде «Повести временных лет», когда «мужи» князя Игоря стали завидовать «отрокам» воеводы Свенельда. Отроками назывались и спутники другого воеводы, Яна Вышатича. Возможно, отрядом юношей командовал и сын Свенельда Лют (Мстислав Лютый?), убитый на охоте молодым

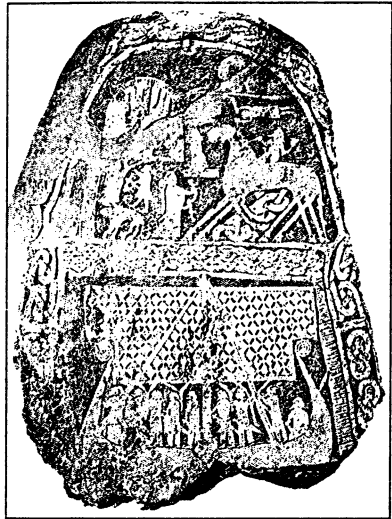

Рис. 4. Воин вступает
в Вальгаллу. Изображение
на камне

¹ Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб., 2004. С. 36—42.

князем Олегом Владимировичем. Аналогичным образом противопоставлялись заимствованные полиэтнической средой «руси» термины «боярин»/«гридь», наслоившиеся на традиционное славянское обозначение юношей и мужчин¹. Позже древнерусская дружина стала трехчастной, т.е. стала подразделяться на бояр, мужей и отроков-гридей.

Бинарное же разделение на «старших» и «младших» восходит еще к древнейшему разделению мужчин, прошедших инициации, и юношей еще неопределенного статуса (см. выше). Можно привести как гораздо более древние, так и более поздние примеры выделения отдельных дружинных отрядов «юных» бойцов. Таким отрядом в «Ригведе» были спутники юного царя Индры — Маруты². Дружина внестатусных воинов, навсегда оставшихся «юношами», описана Гомером. Это мирмидоны, возглавляемые Ахиллом³. Мирмидоны, чья биография известна, — изгнанники и изгои. Эвдор и Менесфей — незаконнорожденные, Эпигей, преступник, убивший родича, Феникс, соблазнитель наложницы отца и вечный беглец. Неоднократно отмечается в былинах молодость русских богатырей (кстати, соперничающие с боярами, окружающими киевского князя)⁴. Стоит также упомянуть германский воинский союз «эрулов» (герулов) — пожизненных наемников, профессиональных воинов, при этом знатоков рун и песен.

¹ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 108—115.

² Куланда С.В. Царь богов Индра: юноша-воин-вождь // Ранние формы политической организации. От первобытности к государственности. М., 1995. С.104—125.

³ Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 231—256.

⁴ Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 97—99.

Вовлеченное в круговорот Великого переселения народов племя герулов постепенно трансформировалось в касту «универсальных солдат», которых отличала физическая сила («тяжесть»), боевая раскраска, способность к быстрому бегу. Их тотемом, от которого произошло само их название, был орел. В эпосе и истории эрулы стали нарицательным обозначением германской военной элиты, именно они задавали тон дружинной моде германцев¹. Такими же культово-боевыми союзами «волков» и «псов» были согласно мифопоэтической традиции скандинавов Хундинги и Ильви́ги-Вельсунги (Ульвинги), которые вечно враждовали и выслеживали друг друга². Вождями этих кланов-союзов были Сигмунд и Хундинг. Хундинг владел «страной собак», и у него было много сыновей. У Сигмунда было четверо сыновей — от его сестры Сигни Синфьетли, а от валькирии (?) Боргхильд — Хельги и Хамунд. Последним сыном Сигмунда от третьей жены Хьердис был знаменитый Сигурд. Представители Ильвингов-Вельсунгов Сигмунд и его сын Синфьетли обладали ликантропической способностью обращаться в волков. Характерно, что четвертый сын Сигмунда, Сигурд, иносказательно называл себя «зверь благородный». А Хельги в конце концов убил Хундинга, хотя сам позже погиб от рук Дага сына Хегни, которому помогал сам Один, распря продолжалась.

Отметим, что для героического эпоса в принципе характерна двугеройность³, при каждом старшем воителе

¹ Ганина Н.А. Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 41—45.

² Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 252.

³ Баркова А.Л. Функции «младших героев» в эпическом сюжете. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

присутствует младший помощник, который, впрочем, часто и является истинным героем, хотя и не реже он оказывается явным аутсайдером. Здесь в паре персонажей воплощались два названных социально-возрастных типа. Этот мотив «второго героя» стал общим местом героических сказаний и явно отражает дуальность реальных дружин. Кроме того, у всех великих, ключевых героев просматриваются черты младших, не обретших статуса мужчин. Таковы — Энкиду, Геракл, Персей, Ахилл, Кухулин, Сигурд, Беовульф, Роланд, Добрыня.

На фоне этих мифопоэтических и исторических аналогий известия о йомсвикингах, независимых от конунгов, не прошедших в социальный класс «старшей дружины», объединенных в одно нестратифицированное братство со своим «уставом», выглядят не как книжная фантазия, а как отражение, обобщение опыта реальных воинских союзов раннего Средневековья, воспетых в эпосе.

6. «Сага о йомсвикингах» и ранняя древнерусская дружинная культура

Географическая и политическая ситуация, в которой возникла и существовала идея эпического Йомсборга, — общины-дружины бесстрашных и удачливых воинов-скандинавов в стране прибалтийских славян-вендов — явно сходна с положением некоторых других полиэтничных, военно-ремесленно-торговых поселений, а в особенности именно дружинных лагерей на территориях славян восточных. Приводимые ниже материалы «Саги о йомсвикингах» находят предположительные аналогии в древнерусском летописании.

Так, в одном из эпизодов саги вождь дружины викингов Пальнатоки получает от конунга территорию для постоянного базирования, а взамен обязуется защищать ее

своими вооруженными силами. Похожая ситуация просматривается в эпизоде ПВЛ за 968 г., когда воевода Претич берет прежде всего левую сторону Днепра¹, размышляя, стоит ли вмешиваться в осаду печенегами Киева на правом берегу.

В следующих эпизодах выбор «лучших» по каким-то критериям воинов среди претендентов на место среди йомсвикингов напоминает отбор киевским князем Владимиром Святославичем храбрых мужей среди варягов из нанятой им скандинавской дружины, которым он раздает в управление города². В Англосаксонской хронике под 1018 г. сообщается, что Кнут Могучий после завоевания Англии распустил свою армию, оставив 40 кораблей лучших воинов. Похожим образом конунг в этой саге договаривается с предводителем йомсвикингов о выделении им места для поселения. Таким образом, речь идет о постоянной практике создателей первых государств в Северной и Восточной Европе, дистанцировавших полунезависимые отряды от своих столиц и торговых поселений. Отдельные дружинные лагеря являлись компромиссом, который позволял и удовлетворять потребность молодых государств в военной силе, и избегать издержек скопления малоуправляемых воинов. Что случалось, когда это правило нарушалось, прекрасно иллюстрирует

¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 31—32. Далее: ПВЛ.

² «И избра от нихъ (наемников варягов) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сие царю (византийскому императору): “Се идуть к тебе варязи, не мози их держати въ грае, Оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а семо не пушай ни единого”» (ПВЛ. С. 37). Последний совет князя прекрасно объясняет, почему большинство скандинавов и других наемников по мере становления единого государства на Руси в XI в. оказывались в пограничных крепостях и отдаленных пунктах сбора дани.

эпизод в Новгороде, произошедший в 1016 г.: «В Новгороде же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати, и начаша Варязи насилie деяти на мужатых женахъ. Ръкоша новгородцы: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собращася в ночь, исекоша Варягы на Поромоне дворе»¹. В ответ князь Ярослав, державший варягов для войны с киевским князем (сначала своим отцом Владимиром, которому он отказался платить установленную дань, потом братом Святополком), обманом уничтожил «тысячу славных воев» из числа новгородцев. Потом ему пришлось раскаяться в своем поступке и мириться с новгородцами и собирать воинов для похода на Святополка, начавшего уничтожение братьев-князей. Характерна ремарка Ярослава, что замену убитым нельзя купить даже за золото.

Рассматриваемая сага как раз отражает специфику социально-психологических установок таких полунезависимых дружин воинов-наемников по сравнению с более явно обозначенной летописью дружиной князя или воинских контингентов, формируемых местным населением.

Итак, некие разновидности феномена йомсвикингов просматриваются в летописных «отроках Свенельда», которым завидует дружина князя Игоря²; в отряде варягов, с помощью которых Владимир Святославич завоевал Киев и едва справился с их намерением ограбить

¹ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000. С. 174.

² «Рекоша дружина Игореви: “отроци Свенельжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази”» (ПВЛ. С. 26). Отметим, что Свенельд собирал дань с отдаленной территории уличей и с не полностью подчиненной земли древлян. Можно предположить, что другой воевода этого времени, Волчий Хвост, получал дань с земли радимичей, которую он покорял по заданию князя Владимира. Видимо, воеводам отдавались для сбора дани окраинные и немирные земли. Возможно, там находились и их «дружинные лагеря», в которых эта дружина временно обитала.

покоренную столицу; а также в перебитых новгородцами в ходе бытового конфликта, а затем погибших в битве при Ливене северных наемниках Ярослава.

При этом остается не совсем ясным, почему в данном летописном сообщении со Свенельдом речь идет лишь об его «отроках», т.е. исключительно младших дружинниках, согласно летописной лексике. Видимо, именно представители подростково-юношеского класса древнерусского общества составляли и младший слой, особую группу дружины. Такие

же ограничения по возрасту и отсутствие брачных связей характеризовали и йомсвикингов. Как видно отсюда, и состав дружины Свенельда не копировал иерархизированный (бояре, мужи и отроки) состав дружины великокняжеской, а состоял исключительно из «отроков» на йомсвикинский манер.

В целом «Сага о йомсвикингах» проливает дополнительный свет на сам институт раннесредневековой дружины. Этот последний традиционно рассматривается в качестве элемента организации княжеской власти. При этом известия древнерусской летописи на сей счет логично дополняются и комментируются синхростадиальными и сравнительно-историческими данными,

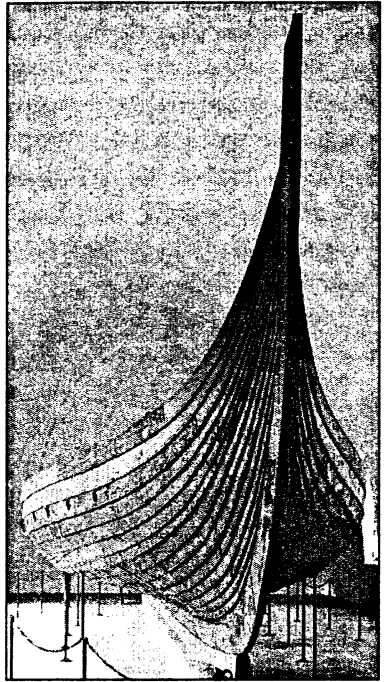

Рис. 5. Корабль из погребения в Гокстаде (Норвегия)

отражающими те особенности феномена дружинности, что не прошли ментально-архетипического «ценза» у летописцев-христиан.

На Руси IX—XI вв. имели место и сосуществовали дружины, полунезависимые от княжеской власти и в принципе неподконтрольные князьям из рода Рюриковичей и других династий. В рассматриваемой нами саге нагляден параллелизм дружины конунга вендов и дружины йомс-викингов. Похожая ситуация наблюдается с дружиной киевского князя Рюриковича, первоначально именуемой «русью», дружинами периодически приглашаемых на Русь наемников-варягов, приносящих клятву своему нанимателю и дружинами Киева, Новгорода, северян, древлян. В связи с этим вряд ли стоит столь однозначно, как это обычно делается в археологической литературе, трактовать дружинные курганы в качестве материальных следов «окняжения» земель Рюриковичами (и возможными альтернативными династиями). Кладбища, оставленные великокняжеской дружиной, логично усмотреть в непосредственной близости от княжеских же центров уровня Ладоги, Киева, Чернигова. Что касается находящихся на периферии могильников дружинного типа, то их принадлежность к княжескому войску нуждается в каждом конкретном случае в дополнительном обосновании.

Воинская субкультура Древней Руси IX—X вв. принадлежала по преимуществу отдельной социальной страте под названием «русь», полиэтничной (но первоначально преимущественно скандинавской в своей основе¹). Это название происходит от скандинавского обозначения участников похода на гребных судах, команды гребцов, отряда, прокладывающего путь по рекам. Именно эта военизированная среда стала основным двигателем про-

¹ См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38.

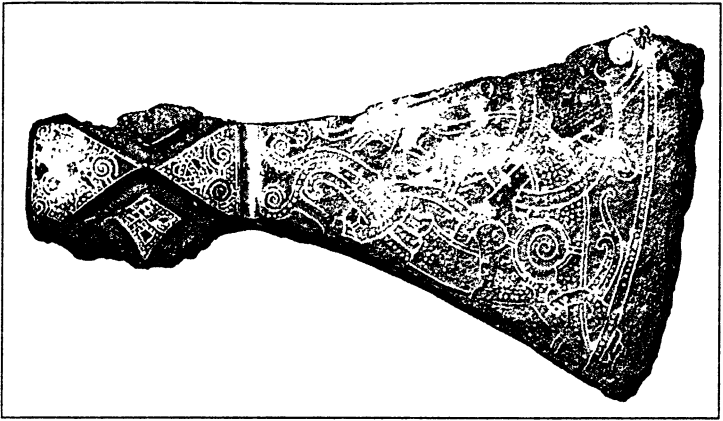

Рис. 6. Топорик, инкрустированный серебром. Маммен (Дания)

цесса строительства государства и распространения княжеской власти. Поэтому именно эта субкультура новой пассионарной этносоциальной группы «русь», которой принадлежит подавляющее число раннегородских центров и торговых поселений на речных путях, и является главным маркером расширения границ новых государственных структур.

Основным источником по изучению «дружинной культуры» Древней Руси являются погребальные памятники, которые можно относить к воинским или «дружинным». Термин «дружинные курганы» весьма распространен и прочно укоренился в отечественной науке. Однако, что же собственно такое «дружинные курганы» как тип погребальных памятников, на сегодняшний день определить довольно сложно. Круг «дружинных курганов» достаточно аморфен, и критерии для их выделения часто произвольны и не всегда имеют строгое обоснование.

Общепринятые критерии — присутствие в погребальном инвентаре оружия и предметов, относимых к «дружинной культуре», — не всегда методологически

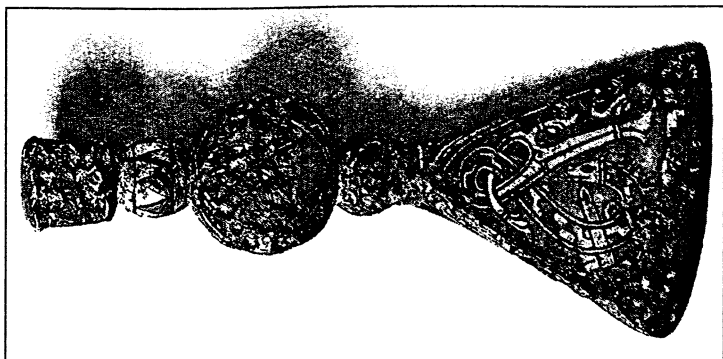

Рис. 7. Топорик из Поволжья, инкрустированный в стиле «Маммен»

удовлетворяют и часто оставляют массу вопросов. Любые ли предметы вооружения маркируют дружинное погребение, и можно ли выделить устойчивый «дружинный набор» оружия в погребальном инвентаре? Можно ли причислять к дружинным погребения, содержащие в инвентаре из предметов вооружения только стрелы (без предметов «дружинной культуры»)? Как атрибутировать безынвентарные погребения с оружием? В какой степени относятся к кругу дружинных древностей погребения, не содержащие предметов вооружения и включающие в то же время те или иные предметы «дружинной культуры»? Можно ли в качестве критериев дружинных курганов (помимо оружия) выделить какие-либо особенности погребального обряда в целом (размер и структура насыпи, фиксируемые по материальным следам ритуальные действия и др.)? Насколько иноэтничные вещи (в первую очередь скандинавские), которые считаются самыми яркими и очевидными маркерами «дружинной культуры», в действительности привязаны только к этой узкой социальной группе — дружинной организации, и являются ли они индикаторами только этой социальной группы?

Не вызывает сомнений сам факт того, что оформившаяся на восточно-славянских территориях около конца IX — начала X в. новая социальная структура (дружинная организация) сформировала и собственные этнокультурные феномены, значительно повлиявшие на сложение раннегородской культуры Древней Руси. Одним из таких феноменов стали и «дружинные курганы», как особый тип погребальных памятников. В связи с этим, анализируя социальную информативность погребений, Г.С. Лебедев пришел к выводу, что «группы погребений, совершенных по определенному типу ритуала, соответствуют общественным группам древних людей, сознававших общность своего положения, и выразивших это сознание в формах погребального обряда»¹.

Работа с материалами погребений и анализ содержащейся в них информации являются, вероятно, наиболее сложными в археологии, поскольку в этом случае мы имеем дело с результатом сознательных действий людей Средневековья, со своего рода «артефактным текстом», подчиненным определенной имманентной логике. Характер такой знаково-символической системы определялся социальным статусом покойника и ритуалами погребений, принятыми в данном обществе. В современной науке разработано несколько подходов к работе с подобными феноменами заупокойных практик, в том числе и направленных на реконструкцию социальных иерархий и маркеров разных страт.

Говоря о социоинформативности погребального памятника и обряда, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную *реаль-*

¹ Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // Краткие сообщения Института археологии. 1977. № 148. С. 25.

ность, существующую в обществе, сколько *представление* общества об этой реальности¹.

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, выделяются два различных уровня, несущих различную историческую информацию. «Признаки явного уровня» трактовались самим обществом в качестве социальных индикаторов и регламентированные обрядом. Эти признаки как раз и призваны отразить существующие в обществе социальные *концепции*. «Признаки неявного уровня» содержат информацию о градациях общества, не осознававшихся самими его членами².

Предметы вооружения в погребении, безусловно, являются «признаками явного уровня». Они показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий «символ», социальный маркер дружинного погребения.

Поэтому не *род занятий*, а именно *место, занимаемое в социальной концепции общества*, определяют присутствие оружия в дружинном погребении. Здесь достаточно вспомнить, например, детские погребения с оружием и предметами «дружинной культуры» (как, например, камерное детское погребение №110 (раскопки 1909 г.) в районе Десятинной церкви в Киеве). Погребенные дети, естественно, не могли являться действующими дружинниками, но, поскольку они принадлежали к дружинной среде, с ними в погребение клали при захоронении

¹ Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. № 1. С.78—94.

² Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция «Идеологические представления древних обществ». Тезисы докладов. М., 1980. С. 31—32.

оружие. Также можно вспомнить случаи нахождения в «дружинных курганах» предметов ремесленного производства, культовых предметов, которые, естественно, не демонстрировали род занятий, а являлись определенным символом. Оружие, вероятно, также являлось символом, демонстрирующим место погребенного в *имажинарно-мифологической*

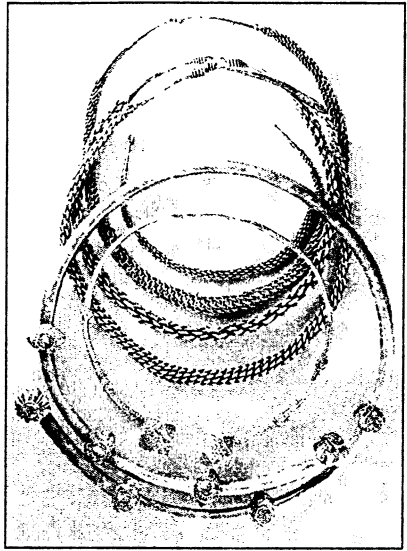

Рис. 8. Серебряные шейные гривны.
Гнездово. X в.

социальной системе (которая может и отличаться от *реальной* социальной структуры) общества. Поэтому, вероятно, не всегда можно относить небогатые и малоинвентарные погребения с оружием к различным группам «рядовых вооруженных общинников», «ополченцев» (как это зачастую делалось в советской историографии) или др. То есть погребения с оружием можно интерпретировать как принадлежащие профессиональным воинам, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); другие социальные группы таких маркеров в погребальном обряде не имели. Именно поэтому только предметам вооружения при определении дружинного погребения можно отводить ключевую роль.

Обращает на себя внимание устойчивость процента погребений с оружием для крупных торгово-ремесленных поселений на Днепровском и Волжском путях. Как пра-

вило, воинские погребения составляют от 10 до 13 % по отношению к общему числу раскопанных курганов. Устойчивость этого процента для нескольких памятников говорит об однотипном характере присутствия здесь воинских контингентов.

В Гнездове погребения с оружием составляют по разным подсчетам от 10 до 13 %. Здесь в нескольких курганных группах, изначально насчитывающих около 3000 — 4500 тыс. курганов, исследовано около 1000 насыпей. В 115 курганах встречены предметы вооружения в погребальном инвентаре¹. До 50 погребений Гнездова содержат из оружия в инвентаре только стрелы (как правило, от 2 до 5 штук), и при этом включают также предметы «дружинной культуры», на основании чего включены в круг воинских погребений².

В Тимереве процент погребений с оружием составляет 12 %, в Михайловском — 11,5 %, в Петровском — 12 %. Всего в могильниках Ярославского Поволжья выявлено 85 курганов с предметами вооружения из 714 раскопанных насыпей. Среди них 34 кургана содержат в инвентаре одиночные стрелы, не сочетающиеся с другим вооружением³ (что в процентном отношении от общего числа курганов с предметами вооружения сопоставимо с Гнездовым).

Учитывая, что в Гнездове численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек⁴, можно предположить, что численность воинского отряда здесь должна была составлять около 50—60 человек

¹ Расчеты любезно предоставлены С.Ю. Каиновым.

² *Фетисов А.А.* Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // *Российская археология*. 2004. № 2. С. 89—98.

³ Расчеты любезно предоставлены С.С. Зозулей.

⁴ *Пушкина Т.А.* Гнездово: итоги и задачи исследования // *Гнездово. 125 лет исследования памятника*. М., 2001. С. 9.

(исходя из процентного соотношения погребений с оружием). Подобные размеры дружины реконструируются и для более раннего (IX — начало X в.) Супрутского контрольно-административного центра на Донском пути. По реконструкции А.В. Григорьева при общей численности населения Супрут около 300 человек здесь находился постоянный дружинный отряд численностью около 40 воинов (что также составляет 13 % супрутского населения)¹. Определение постоянного дружинного отряда для Тимерево, Михайловского и Петровского более осложнено. Если рассматривать эти пункты в Ярославском Поволжье как общий центр контроля торгового пути в этом регионе, то, возможно, речь идет о каком-то общем воинском отряде, отраженном в материале этих трех могильников (здесь уместно вспомнить общее мнение об «аристократичности» Михайловского могильника). В таком случае здесь можно также предположить общую численность профессионального воинского отряда до 40 человек.

Аналогичные по численности характеристики имел в X в. и постоянный воинский отряд Бирки. Типологически близкие торгово-ремесленные поселения Гнездово, Бирка и центр в Ярославском Поволжье, выполняя одинаковые функции на общеевропейских торговых путях, демонстрируют в этом отношении сходство и в социальной организации. В Бирке выделяется отдельный участок поселения, так называемый «Гарнизон» (Garrison), перекрывающий единственный открытый путь от берега к укрепленному городищу (Borg). Археологический материал позволяет интерпретировать «Гарнизон» как местоположение постоянного профессионального воинского отряда — дружины Бирки. В материалах этого

¹ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Волги. Тула, 2005. С. 158.

участка зафиксированы практически все виды вооружения: наконечники стрел, копий и дротиков, топоры, два наверхия мечей, клинок скрамасакса и оковки ножен от него, фрагменты кольчужного полотна, пластины ламельярного доспеха и, возможно, детали шлема. Здесь, помимо укреплений, находилась кузница, основной задачей которой был ремонт оружия и доспеха. Центральной постройкой на территории «Гарнизона» были так называемые воинские палаты (Warrior's hall). Это длинный дом «треллеборгского типа» с ладьевидными стенами, размеры постройки 9×19 м. Это сооружение и было местом постоянного пребывания воинов Бирки. Примечательна судьба этого участка поселения: в период гибели Бирки, в конце X в., на «Гарнизон» была направлена основная волна штурма — длинный дом гибнет в пожаре¹, что позволило исследовать его в «законсервированном» состоянии как единовременно погибшую постройку. Материалы «Гарнизона» позволили шведским исследователям реконструировать численность дружинного отряда Бирки. Опорным материалом здесь стало обнаружение вдоль стен «воинских палат» ряда сундуков, в которых воины хранили свое личное имущество (сохранились замки и оковки сундуков) и количество костяных гребней и футляров от них и их фрагментов (гребень в костяном футляре в данном контексте считается элементом воинской культуры). Численность постоянного воинского отряда Бирки, таким образом, была определена ориентировочно в 40 человек. При этом материалы «воинских палат» отчасти позволяют реконструировать и внутреннюю структуру, «ранжированность» внутри этой дружины, поскольку пространство этого «длинного дома» разделено на не-

¹ *Hedenstierna-Jonson, Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society / Theses and Papers in Scientific Archaeology, no. 8. Stockholm. 2006.*

сколько зон в зависимости от статуса проживающих там воинов¹. Реконструированная численность дружины Бирки совпадает с размерами гарнизонов ряда английских замков XII в., согласно исследованиям Майкла Прествича² и на основании информации из «Больших списков Королевской казны», которые велись с XII в. («Exchequer Pip Rolls») — отряды эти насчитывали от 20 до 60 воинов.

Материалы Бирки не только отражают наиболее близкую к Гнездову ситуацию, но и в значительной степени подтверждают нашу методику выделения и анализа дружинных погребений для древнерусских памятников. Могильник Бирки по размерам в целом сопоставим с могильником Гнездова. Из 1100 раскопанных в Бирке курганов предметы вооружения содержатся в 102³; это дает нам около 10 % воинских погребений на этом памятнике, на что одним из первых указал еще Г.С. Лебедев⁴. Учитывая реконструированную А.-С. Грэслунд численность постоянного населения Бирки в 500—600 человек⁵, можно, таким образом, говорить о пребывании здесь постоянного дружинного отряда в 50 человек. Эти статистические подсчеты практически полностью совпадают с результатами анализа материалов «Гарнизона» Бирки (т.е. поселенческого слоя), описанными выше, которые дают цифру 40 человек.

¹ Там же. С. 61.

² *Prestwich, M. The Garrisoning of English Medieval Castles// The Normans and their Adversaries at War. Woodbridge, 2001. P. 185—200.*

³ *Thalin-Bergman L.. Die Waffengraber von Birka/ Birka II: 2. Systematische Analysen der Graberfunde / ed. Greta Arwidsson. Stockholm, 1986. S. 5—10.*

⁴ *Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 116.*

⁵ *Graslund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Bjorko. Birka IV. Stockholm, 1980. P. 82—83.*

Таким образом, мы можем реконструировать размеры постоянных дружинных отрядов, необходимых для защиты и обеспечения функционирования торгово-ремесленных поселений Древней Руси. Как видим, размер такого отряда прямо пропорционален численности постоянного населения поселка. Причем в этих подсчетах речь идет лишь о коллективе профессиональных воинов-дружинников, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); различного рода «ополченцы» и «вои» из рядового населения, которые собирались только для каких-либо крупных военных предприятий, никаких социально значимых маркеров в погребальном обряде не имели.

Значительно большее число воинских погребений зафиксировано в Шестовице. Д.И. Блифельд относит здесь к числу «дружинных» 30 курганов из 147 раскопанных, что составляет около 20 %¹. Такой высокий процент воинских погребений, по всей видимости, объясняется социально-политической спецификой этого дружинного лагеря. С известной долей осторожности можно попытаться подсчитать процент погребений, относящихся к дружинной среде в Киеве. По материалам раскопок М.К. Каргера подобные погребения составляют здесь около 18 %.

Подсчеты численности военных отрядов на основе процента погребений с оружием на тех или иных некрополях осуществлялись также чешскими исследователями для памятников Великой Моравии. В захоронениях, расположенных на территории великоморавских градов, до трети мужчин имеют военные атрибуты; в раннефеодальных усадьбах этого же времени удельный вес за-

¹ Блифельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ., 1977. С. 92—99.

хоронений воинов чуть больше — около 20—40 % (что сопоставимо с шестовицким дружинным лагерем в непосредственной близости от Чернигова)¹.

О постоянной численности великокняжеской дружины Киева можно судить и по отрывку из сочинения Ибн-Фадлана, посланника багдадского халифа в Волжскую Булгарию в 920-е гг. Арабский путешественник пишет, что вместе с царем русов «постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников». По данным Константина Багрянородного, гарнизон Саркела, одной из крупнейших хазарских крепостей, состоял из 300 воинов. В этой связи можно предположить, что пункты, подконтрольные раннегосударственной власти (подобно Шестовице или Саркелу), содержали значительно большие постоянные воинские контингенты, чем «самостоятельные» торгово-административные центры (Гнездово, Тимерево). В этом отношении показательны так называемые «королевские лагеря» Дании (Треллеборг, Фюркат, Аггерсборг), включавшие сотни воинов.

Дружины северных предводителей по численности, судя по сообщениям саг «Круга Земного», были вполне сопоставимы с описанными воинскими отрядами Гнездова, Бирки или торгово-ремесленного центра Ярославского Поволжья. «Сага о Харальде Прекрасноволосом», описывая нововведения Харальда на захваченных землях, отмечает, что каждый ярл (управляющий достаточно большой областью-фюльком) в случае необходимости должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого Харальда состояла также из 50—70 человек: в саге говорится, что вся его дружина смогла составить команду одного «большого и роскошного корабля с драконьей головой» — команда боевого корабля

¹ Рутткаи А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 145.

составляла обычно около полусотни воинов. Информацию о составе дружин дает описание распространенного в средневековой Скандинавии приема политической борьбы — сжигание противника в доме со всей его дружиной во время пира¹. Сознвая общую условность приведенных в «Круге Земном» численностей воинских отрядов, отметим все же, что в таких эпизодах (сожжение предводителя с дружиной) фигурируют обычно коллективы до 90 человек².

Причем отряды такой численности были вполне боеспособны для выполнения различных военных акций и политических задач. В этом отношении довольно примечательный сюжет связан с борьбой за Оркнейские острова. По распоряжению ярла Мера Регнвальда, Торф-Эйнар на одном боевом корабле (т.е. также около полусотни воинов) захватил Оркней, выбив отряды хозяйничавших там викингов, и остался со своими воинами править островами.

Обращает на себя внимание тот факт, что как при подсчетах постоянных воинских контингентов торговоремесленных поселений Восточной и Северной Европы (Гнездово, Бирка), так и в упоминаниях подобных отрядов в письменных источниках (саги) речь идет в большинстве случаев о воинском объединении, соотносимом по численности с командой боевого корабля. При этом, если для Скандинавии такая связь может быть прямой, то в случае с Восточной Европой это практически невозможно — по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике. В связи с этим чрезвычайно показателен в сагах ряд сюжетов с описанием вейцлы. В «Саге об Олаве Святом» говорится, что «обычно, когда

¹ Хлевов А.А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 55—56.

² Круг Земной. М., 1980. С. 44—58.

конунги объезжали Уппленд, с ними было шестьдесят или семьдесят человек» (в противопоставление Олаву, который однажды взял с собой более трехсот)¹. Эпизод из «Саги об Олаве Тихом» позволяет трактовать такую численность отряда (60—70 человек) как определенную *правовую традицию*. Олав Тихий объезжал бондов с дружиной в 120 человек² (не считая других сопровождающих лиц). Бонды, вероятно недовольные таким количеством «гостей», спрашивали Олава, «почему у него больше людей, чем *полагается по закону* (выделено нами. — Авт.) и чем было у конунгов до него»³. Можно предположить, что численность личных дружин скандинавских предводителей имела в основе своей традицию («закон»), восходящую к численности корабельной команды — воинам, находящимся с конунгом в бою на одном корабле (своего рода фелаги).

Неоднократно отмечалась типологическая близость институтов вейцлы и полюдья — кормления князя с дружиной на подчиненных территориях в зимний период. В связи с этим описания такого кормления в сагах (включая численность «кормящихся» и ее традиционнопровую подоплеку), возможно, могут быть отчасти спроецированы и на Древнюю Русь. В письменных источниках древнерусское полюдье упоминается только в сочинении Константина Багрянородного. В его описании в связи с интересующей нас темой в первую очередь обращают на себя внимание слова, что в ноябре архонты «выходят *со всеми* (выделено нами. — Авт.) росами из Киавы и отправляются в полюдия»⁴.

¹ Там же. С. 186.

² Напомним, что в данном случае речь идет о событиях второй половины XI в.

³ Круг Земной... С. 465.

⁴ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху

Напомним, что в данной работе речь идет только о воинских коллективах, либо составляющих личные дружины, либо необходимых для контроля торгово-административных центров. Для масштабных военных акций люди набирались специально и только на время похода. Так, в «Саге о Хаконе Добром» при описании подготовки похода Эйрика Кровавой Секиры на побережье Англии говорится, что Эйрик объехал несколько регионов, собирая войска: помимо собственных отрядов, он собрал воинов с Оркнейских островов, «Южных островов» и из Ирландии. Подобным же образом, по всей видимости, комплектовались войска и для походов русов на Каспий в 912—913 гг. и 943—944 гг., и для походов Олега и Игоря на Константинополь.

Очевидно, что дружина составляла только костяк, основу войска, выполняя иногда функции офицерского корпуса и гарнизонов опорных пунктов власти. Для больших походов предводители обычно набирали ополченцев, добровольцев и наемников, которые и формировали основную массу армий.

В плане выражения дружинную культуру Восточной и Северной Европы отличают следующие артефакты:

- *Предметы вооружения*, которые в большинстве случаев не имеют этнической окраски. Большинство типов оружия являются общераспространенными для средневекового мира Восточной, Северной и отчасти Западной Европы. Этническую привязку имеют лишь некоторые категории вооружения, но и они в большинстве случаев свидетельствуют не столько о происхождении их владельцев, сколько о направлении культурных связей. Так, например, ланцетовидные наконечники копий и стрел

Раннего Средневековья. С. 273. Можно предположить, что речь в данном случае идет если не обо всей великокняжеской дружине (что маловероятно), то о большей ее части.

считаются скандинавскими; распространение топориков-чеканов (с молоточковидным обухом) связывается с аланским (или шире — салтовским) населением степи и лесостепи. Формы большинства предметов вооружения в принципе определяются не этнической спецификой, а универсальной функциональностью.

- *Иноэтничные вещи*, скандинавские в первую очередь, а также салтовские, балтские, венгерские и др. (детали поясной гарнитуры, некоторые элементы конского снаряжения, мужские и женские украшения). *Предметы импорта и следы военной добычи* — прежде всего добытого в походах на Византию и в Малую Азию.

- *Находки торгового инвентаря* — весовые гири, детали весов, предметы, связанные с международными и внутренними коммуникационными путями.

- *«Дружинные курганы»* — языческие погребения представителей княжеских домов, предводителей и членов дружин IX — первой половины XI в. Их зачастую отличает богатый погребальный инвентарь, оружие, наличие погребальных сооружений, масштабы погребальной насыпи.

Комплекс древнерусского оружия отразил все основные социоэтнические и культурно-политические тенденции эпохи раннего Средневековья, характерные для Руси. Большинство предметов вооружения связаны с крупными центрами международной торговли (торгово-ремесленными поселениями), опорными пунктами власти первых князей Рюриковичей и других династий (погосты), в меньшей степени территориальными «племенными» центрами славян. Именно полиэтничная дружинная среда воинов, гребцов, мореходов, торговцев «руси» аккумулировала основные достижения военного дела разных народов и определяла моду на типы оружия и общий стиль одежды и аксессуаров воинов. При этом часть оружия была универсальна, а часть была специфическим

признаком «профессионалов». Дружинная культура Восточной Европы формировалась под влиянием скандинавской, степной, моравской и европейской военных традиций. При этом «русы» явно не умели вести регулярный конный бой, хотя, конечно, и использовали лошадей, зато кочевники были непревзойденными специалистами в кавалерийской тактике. «Пешие» дружины Северной Европы принесли на территорию Древней Руси следующие категории и типы вооружения: «каролингский меч», скрамасакс, круглый щит, ряд типов копий и топоров, наконечники стрел ланцетовидной формы, а также элементы декоративно-прикладного характера — ледоходные шипы и шумящие плети. Из мира кочевников пришли на Русь сфероконический шлем, сабля, кистени, сложный лук, возможно, булавы и основные элементы снаряжения и костюма (кафтан, островерхие шапки, наборные пояса, сумки-ташки) всадника и его коня. Однако на территории Древней Руси формируются и оригинальные варианты оружия и доспехов (отдельные типы шлемов, мечей, топоров, наконечников стрел)¹. Значительно позже из Европы был заимствован «каплевидный» так называемый нормандский щит для тяжеловооруженного конника.

Скандинавская составляющая (которую часто называют «скандинавской вуалью») «дружинной культуры», пожалуй, наиболее значительна по сравнению с другими иноэтничными влияниями. Достаточно ярко этот пласт прослеживается по погребальным памятникам, связанным с торговыми путями.

Масштабы скандинавского присутствия на «дружинных» памятниках всегда были предметом пристального внимания исследователей, поскольку эти масштабы в конечном итоге определяли и социополитические ре-

¹ Авторы благодарят С.Ю. Каинова за консультации по проблемам вооружения раннего Средневековья, описание оружейного комплекса Древней Руси основано на материалах дипломной работы С.Ю. Каинова.

конструкции. В этом отношении в исторической науке представлен полный диапазон мнений: от идеи «скандинавской колонизации» по крайней мере Северной Руси (Т. Arne, А. Stender-Petersen) до идеи о практически полном отсутствии если уж не скандинавских древностей, то хотя бы их «носителей» (Б.А. Рыбаков и др.).

Определение доли скандинавов на древнерусских памятниках возможно пока только по материалам могильников. При этом важен принцип отбора критериев для определения этнической принадлежности погребенных. Так, Арне исходил из положения, что практически все погребения, где есть скандинавские вещи, являются скандинавскими. Д.А. Авдусин, напротив, долгое время считал скандинавскими только те погребения, в составе инвентаря которых скандинавские вещи не сочетаются ни с одной славянской¹.

Со временем сложились общие (хотя и на сегодняшний день неустойчивые) признаки скандинавских погребений Древней Руси, к которым относятся: наличие каменной кладки в основании насыпи, кострище подтреугольной формы, набор женских скандинавских фибул (для женских погребений), шейные гривны, обряд порчи оружия², скандинавские амулеты, ряд предметов вооружения (ланцетовидные наконечники копий, умбоны щитов), «плоская» форма насыпи кургана³, некоторые типы погребальных обрядов (захоронение в ладье или с деталями лодки⁴, камерные погребения) и др.

¹ *Авдусин Д.А.* Варяжский вопрос по археологическим данным // КСИИМК. 1949. Вып. 30. С. 7—8. С 1970-х гг. Д.А. Авдусин постепенно изменил свою точку зрения на долю скандинавских погребений в Гнездово.

² *Авдусин Д.А.* Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. XX. Таллин, 1975. С. 150.

³ *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 203.

⁴ *Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. М., 1998. С. 277.

При рассмотрении этих признаков, безусловно, остается ряд сложностей и вопросов: какие варианты сочетаний этих признаков достоверно могут свидетельствовать о скандинавском происхождении погребенного и каков характер связи этих признаков с конкретными половозрастными группами погребенных¹? Насколько могла сохраняться «этническая чистота» погребального инвентаря, например для второго поколения выходцев из Скандинавии², насколько и в какой форме возможны взаимопроникновения иноэтнических элементов в те или иные этнические и социальные группы и т.д.?

Так же противоречивы и критерии для определения процентного соотношения различных этнических групп (и выделения процента скандинавских погребений) для того или иного могильника. Так, например, И.П. Шаскольский в 1960-х гг. предлагал определять долю скандинавских погребальных комплексов относительно общего числа раскопанных курганов. В результате он получил следующие цифры: в Гнездово скандинавские погребения составляют 4 %; в Тимерево — 4 % (38 % — финны, 15 % — славяне). На основании этих цифр делался вывод о незначительности скандинавского присутствия³. Подобным же принципом руководствовался и Д.А. Авдусин в 1980-х гг. при определении скандинавских погребений в Гнездово, выделив около 60 скандинавских комплексов из 1000 раскопанных курганов⁴. В случае, если нет досто-

¹ Жарнов Ю.Э. Указ. соч. С. 200, 203.

² Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники... С. 46.

³ Шаскольский И.П. *Норманнская теория в современной буржуазной науке*. М.—Л., 1965. С. 125, 158.

⁴ Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // *Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История*. 1982. № 1. С. 77.

верных этнических признаков, Д.А. Авдусин предлагает считать погребение славянским, поскольку оно расположено на славянской территории¹.

Более последовательно и обоснованно определить удельный вес скандинавского компонента попытались в совместной работе Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев и В.А. Назаренко. Вопрос о появлении скандинавских древностей на территории Руси они делят на три аспекта: появление скандинавских вещей, появление скандинавских погребений и появление признаков обитания скандинавов на поселениях².

Что особенно важно, Л.С. Клейн и его соавторы предлагают определять процент скандинавских погребений не от общего числа *раскопанных*, а от общего числа *этнически определяемых* курганов, и сравнивать этот процент с числом *достоверно славянских* комплексов. Этнически определяемыми в Гнездово авторы считают не более 31 % раскопанных курганов, из которых количество славянских погребений составляет 27 %, количество скандинавских — не менее 13 %. Для Тимерево (при 43 % этнически неопределимых погребений) было получено следующее соотношение: в X в. финны — 75 %, славяне — 12 %, скандинавы — 13 %; в начале XI в. финны — 72,5 %, славяне — 24 %, скандинавы — 3,5 %³.

Исходя из полученных данных, Клейн и его соавторы приходят к выводу, что «на тех участках Волжского и Днепровского торговых путей, где в IX в. мы находим отдельные норманнские погребения, в X в. варяги составляли не менее 13 % населения отдельных местностей;

¹ Авдусин Д.А. Варяжский вопрос... С. 8.

² Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 236.

³ Там же. С. 246.

при этом в Ярославском Поволжье численность варягов была равна, если не превышала, численности славян, в других же районах сравнение со славянами провести не удалось»¹.

При этом авторы отмечают, что нельзя, естественно, все скандинавские погребения связывать только с дружинной средой. Подобные погребения могут принадлежать и рядовому «недружинному» населению выходцев из Скандинавии. И в Гнездове, и в Ярославском Поволжье можно выделить серии погребений, аналогичных массовому материалу Бирки (т.е. серии погребений, принадлежащих рядовому населению выходцев из Скандинавии)².

Большой процент скандинавских комплексов в Гнездово реконструировал Ю.Э. Жарнов, рассматривая женские скандинавские погребения. По его мнению, скандинавы составляли не менее четверти гнездовского населения³.

Необходимо также отметить и активные связи древнерусской дружины с кочевым миром. О проникновении тюркских элементов в «дружинную культуру» свидетельствует целый ряд признаков: распространение наборных поясов, некоторых видов (и форм) вооружения, характерные изменения камерного обряда погребения с конем, когда конь помещается уже не в ногах погребенного (как принято в Скандинавии), а сбоку (как было принято у кочевников и зафиксировано в ряде комплексов Киева, Черниговщины и Гнездова)⁴.

В этом отношении особенно интересна предложенная В.Я. Петрухиным интерпретация изображений на рито-

¹ Там же. С. 248.

² Там же. С. 251.

³ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения Гнездово // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 216.

⁴ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории... С. 99.

нах из Черной Могилы как отражение хазарского сюжета борьбы за власть «священного царя» — кагана¹. Также необходимо отметить сходство некоторых особенностей погребального обряда Черной Могилы, Гульбища и кургана княжны «Черны» с аналогичными ритуалами в салтовских древностях и более ранних памятниках (погребальный комплекс у с. Вознесенка). В.Я. Петрухин в связи с этим приходит к выводу, что причина здесь не просто в полиэтничности «дружинной культуры», а в непосредственном участии в данных обрядах самих носителей салтовских традиций: «Выходцы из Хазарии и — шире — кочевого мира степей (в IX—X вв. это венгры и печенеги), очевидно, наряду с норманнами входили в русскую дружину и принимали участие в формировании ее культуры»².

Со скандинавским влиянием связывают несколько наиболее ярких типов воинских погребений Древней Руси. В современной археологической науке выделяются так называемые большие курганы, характеризующиеся общими чертами погребального обряда, сходным инвентарем и конструктивными характеристиками. Из наиболее известных больших курганов на территории Древней Руси середины — второй половины X в. можно назвать шесть подобных насыпей в Гнездове и ряд курганов Чернигова (Черная Могила, Гульбище, Безымянный курган, курган № 2 «кладбища в Березках»). Эти насыпи являются частью общей погребальной традиции, распространенной по всей Северной Европе (включая Англию и Нормандию) во второй половине I тыс. н.э. (Саттон-Ху, Осеберг, Гокстад, Туне, Йеллинг, Маммен и др.)³. Боль-

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ *Петрухин В.Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 361—368.

шинство из них являются захоронениями военных вождей, чье погребение требовало включения в инвентарь богатого вооружения, пиршественной посуды (ритуальные котлы) и погребальных ладей. Этот погребальный обряд с участием ладьи/лодки или их деталей на территории Древней Руси представлен на нескольких памятниках конца IX—X вв. в Чернигове, Гнездове, Тимереве, Плакуне, могильниках Юго-Восточного Приладожья (Карлуха, Усть-Рыбежна, Ильинский Погост)¹.

В северо-германском эпосе сжигают на кляде или погребают в ладьях самых выдающихся правителей и героев — ладья ждали после смерти потомка Одина Скъельда (Скильда) и Синфьетли, сына Сигмунда, на берегу моря захоронили тела великих героев Беовульфа и Аякса Старшего.

Значимым по престижности и элитарности был обряд погребения в деревянной камере, появившийся в Древней Руси около середины X в. (за исключением Старой Ладogi, где камерные погребения относятся к концу IX в.)². Камерные захоронения (в яме больших размеров, с использованием деревянной конструкции-камеры) расположены преимущественно на раннегородских могильниках или некрополях, связанных с крупными торгово-ремесленными и административно-контрольными центрами — Старой Ладогой, Тимеревом, Псковом, Гнездовом, Киевом, Черниговом, Шестовицами. Камерные погребения центров Древнерусского государства X в. скорее всего связаны с североевропейской традицией захоронений нового социального слоя королевских дружинников.

¹ *Стальсберг А.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 277—279.

² *Михайлов К.А.* Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Авт. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 18—22.

В Северную Европу этот обряд был, видимо, привнесен с континентальной Европы, из Каролингской империи¹. Камерные погребения характерны для культуры Великой Моравии, где они также появляются под влиянием соседней империи Каролингов. Этот обряд дольше всего сохранялся в Древней Руси, вплоть до XI в. Именно камерные погребения являются одним из важных индикаторов «окняжения» славянских территорий, в X в. они концентрируются вдоль пути «из варяг в греки», в XI в. появляются на периферии Древнерусского государства, четко маркируя процесс феодализации дружины, ее «оседание на землю»². Археологически известны захоронения представителей элиты с использованием деревянных конструкций на племенных восточнославянских территориях, не связанные непосредственно с торговыми путями: «срубы» Волыни на Правобережье Днепра, конструкции, углубленные в землю и на уровне горизонта, на территориях радимичей, вятичей и донских славян. Камерные погребения широко известны в кочевом мире. Везде создание деревянных сооружений в погребениях — признак высокого статуса покойника.

Развитие погребальной дружинной традиции условно можно разделить на два этапа. 1-й — конец IX — вторая половина X в. (период становления и институционализации древнерусской дружины) характеризуется большой вариативностью форм обряда (включая существование «богатых» и «рядовых» дружинных погребений), значительным разнообразием в наборе предметов вооружения; 2-й — примерно с конца X в. (период унификации

¹ *Eisenschmidt S. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdänemark. Universitätsforschungen prähistorischen zur Archäologie. Bonn., 1994.*

² Поздние камерные погребения на Руси не без основания связывают с распространением христианства (*Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 138—151.*)

дружинной погребальной культуры) все эти признаки нивелируются, погребальный инвентарь в большинстве случаев исчезает из погребений (что связано в том числе с влиянием христианства), набор предметов вооружения становится достаточно однотипным (что связано, вероятно, с изменением статуса самой дружины и ее внутренней стратификации). В течение XI в. облик «дружинной культуры» Древней Руси значительно изменяется. С конца X — начала XI в. о Древней Руси уже можно говорить как о государственном институте. В период Владимира Святославича — Ярослава Владимировича происходит окончательное оформление государственной территории, что отчасти привело к изменению прежних механизмов управления. Дружинная организация, бывшая в X в. практически единственной опорой великокняжеской власти, теряет часть своих функций; развивается городская структура, подчиненная власти Киева; появляется фиксированное право. Можно предположить, что в этот период происходит определенная унификация «дружинной культуры» и нивелировка наиболее ярких ее признаков. Этот процесс был вполне закономерен: во многих европейских средневековых обществах яркая и эклектичная дружинная культура периода формирования этого социального института постепенно унифицировалась с оформлением нового феодального общества¹. Христианизация, затронувшая в первую очередь социальные верхи древнерусского общества, значительно способствовала этой нивелировке. Кроме того, произошел постепенный переход от тактики и сопутствующей воинской экипировки (и, шире, субкультуры) «морской

¹ См.: Лебедев Г.С. Этюд о мечах викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 299; Кулаков В.И. История Пруссии до 1238 г. М., 2003. С. 211; Anne Pedersen. Similar Finds — Different Meanings? // *Burial & Society. The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data*. Aarhus, 1997. P. 180—182.

пехоты» «руси» и варягов (удачно названных в византийских источниках «росами-дромитами»¹) к всаднической, многое позаимствовавшей из мира Степи культуре русской дружины второй половины XI в.

Возвращаясь к проблематике ранних дружинных древностей начального периода русской истории, нужно указать несколько принципиальных моментов, практически не учтенных в историографии, но важных с точки зрения интерпретации феномена дружины в Древней Руси.

Во второй половине IX — середине X в. Киев еще не был единственным политическим центром Древней Руси. Киев и Новгород были столицами рода Рюриковичей, контролировавших самый значительный торговый путь «из варяг в греки». Альтернативными центрами власти являлись Чернигов, Смоленск (Гнездово), Полоцк, Туров; независимость от Киева сохраняли вождества славянских племен (восточных северян, вятичей, радимичей, стремились к автономии древляне). В «Повести временных лет» упоминаются также самостоятельные скандинавские династии, независимые от Рюриковичей, — Тур в Турове и Рогволд в Полоцке. Можно также реконструировать имя независимого князя Чернигова Черна² и предположить имя легендарного славянского

¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских цариц / Перевод, статьи, комментарии Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С. 175. (Кн. VI. 39). «Дромитами» (от греч. «бег») россы называли за способность быстро передвигаться пешком, видимо, за долгие пешие переходы и бег в строю. Этот эпитет также фонетически перекликался с греческим обозначением кораблей.

² Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю. Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995; Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999 (Сб. МАЭ. Т. LVII). Имя последнего князя Чернигова, похороненного в Черной Могиле, возможно,

основателя Галича, чье имя было оноματοпозитически связано с названием птицы «галица»¹.

На обширных территориях Восточной Европы могли действовать и самостоятельные воинские коллективы, иногда довольно многочисленные. Через Восточную Европу проходили крупнейшие торговые пути, связывавшие арабский Восток и Северную Европу. Именно торговля и захват военной добычи интересовали на территории Древней Руси предводителей «вольных дружин»², значительную часть которых составляли скандинавы.

Таким образом, в X в., помимо дружин князей Киева, на территории Древней Руси действовали и независимые дружины, следы которых должны фиксироваться археологией. Возможным памятником такого рода является поселение Сарское-2, расположенное в 200 м от Сарско-

сохранилось в названии кургана, зафиксированном в Ипатьевской летописи — «Чернь». См.: *Щавелев А.С.* Особенности княжеских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные) // *Святылища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 106—110; *Щавелев А.С., Щавелев С.П.* Черная Могила // *Вопросы истории.* 2001. № 2. С. 134 — 141; *Щавелев А.С.* Имя Черниговского князя X века в фольклоре и истории // *Уваровские Чтения IV. «Богатырский мир: эпос, миф, история».* Муром, 14—16 апреля 1999 г. Муром: Муромский историко-художественный музей. Муромский институт Владимирского государственного университета, 2003. С. 41—42. См. статью А.С. Щавелева настоящего издания.

¹ Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. *Котляр Н.Ф., Франчук В.Ю., Плахонин А.Г.* СПб., 2005. С. 80, 194. В летописи есть упоминание о «Галичине могиле», с которой была как-то связана легенда «о начале Галича, откуда ся почал».

² На возможность существования независимых, «вольных» дружин указал один из соавторов этого текста А.С. Щавелев, параллельно к близким выводам о существовании дружин, альтернативных княжеским, пришел А.В. Хлевов. Позже эта идея была воспринята Е.А. Шинаковым.

го городища, племенного центра мери. Это поселение существовало не более одного летнего сезона. Здесь, на небольшой площадке (около 300 кв. м), прослежены следы одной-двух легких построек и открытого очага. Мощность культурного слоя очень незначительна, нет обычных для поселения остатков хозяйственной деятельности, мало керамики, но при этом найдено достаточно большое количество предметов вооружения: стрелы, пластины от доспеха, кольчужные кольца, копье-рогатина и др. Этот сезонный лагерь, просуществовавший очень недолгое время в начале X в., принадлежал, по всей видимости, дружинникам, проходящим по торговым путям через Сарское городище¹.

Уникальным памятником, на котором археологически зафиксировано присутствие дружины в IX в., является городище Супруты, расположенное на одном из притоков Оки — р. Упе. Супруты находились на одном из важных участков Донского торгового пути, соединявшего Каспий с районами Подесенья и Верхнего Поднепровья. Около начала — первой половины IX в. на Супрутах был организован дружинный отряд, причем произошло это, вероятно, при участии или по инициативе Хазарского каганата. Хазария контролировала значительную часть восточной торговли, выступая посредником между арабскими странами и Европой; Донской путь и значительная часть Волжского торгового пути находились под контролем каганата. При этих условиях вполне объяснима заинтересованность хазар в опорных пунктах на ключевых участках водных путей (учитывая, что под хазарским влиянием находилась значительная часть восточнославянских земель Левобережья Днепра). На Супрутах в большом количестве встречены предметы салтовского,

¹ *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 99—103.

скандинавского и финно-угорского происхождения, что свидетельствует о межэтнических и торговых контактах. О присутствии здесь дружины (возможно, конной) говорит необычайно большое количество находок деталей конской сбруи (как салтовского, так и скандинавского характера), предметов вооружения, фрагментов поясных наборов¹.

Земледелие не играло на Супрутах важной роли — здесь был центр ремесленного производства большого региона, производились (или перепродавались) орудия труда, было активно развито ювелирное дело. Супрутская дружина обеспечивала деятельность торгового пути, собирала пошлины с торговых караванов и, возможно, выступала посредником при сборе дани с местного населения в пользу Хазарского каганата.

Супрутский контрольный центр гибнет в результате разрушительного штурма около 910-х гг., после чего Донской путь угасает и основное движение серебра осуществляется только через Волгу. Вероятно, инициаторами похода на Супруты были дружины русов, контролировавшие Волжский торговый путь в Верхнем Поволжье (Тимерево, Михайловское, Петровское)². Именно они были заинтересованы в главенстве Волжского пути. В качестве гипотезы можно предположить, что этот рейд для уничтожения инфраструктуры Донского пути был предпринят из Ярославского Поволжья как реакция на агрессивные действия каганата в отношении «верхневолжской руси». Как известно из арабских источников (ал-Масуди, Ибн Исфендийар), около 909—912 гг. русы предприняли масштабный набег на Каспий, куда были по договоренности пропущены через территорию Хазарии. На обратном

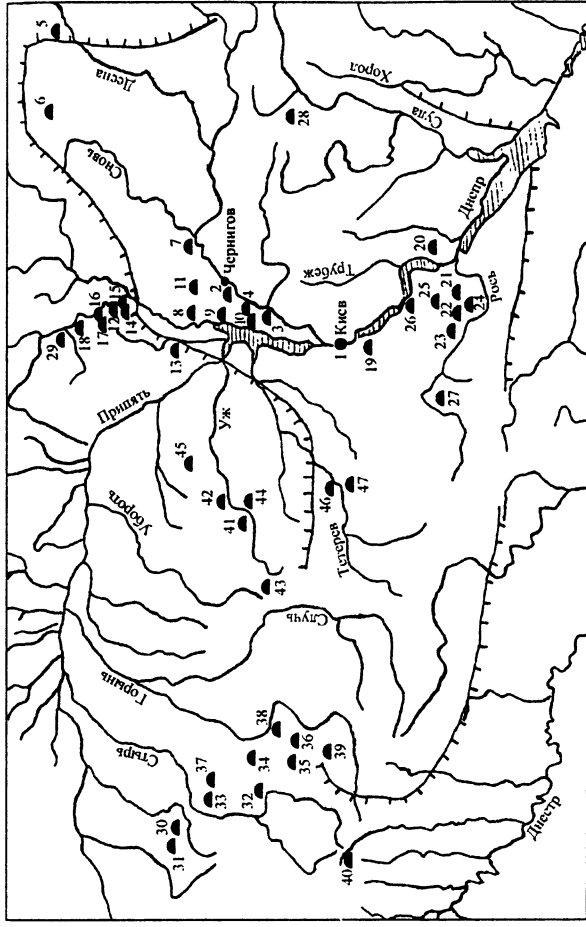
¹ Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 159.

² Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 163—164.

Рис. 9.

Погребения Южной Руси с оружием, камерными захоронениями и «срубамии». X – XI вв. (контуром показана линия границы «Русской Земли» по А.Н. Насонову).

1 – Киев; 2 – Чернигов; 3 – Шестовицы; 4 – Гуцин; 5 – Кветунь; 6 – Левинка; 7 – Седнев; 8 – Любег; 9 – Пересааж; 10 – Табаевка; 11 – Клонов; 12 – Мохово; 13 – Микулиги; 14 – Колпень; 15 – Сенское; 16 – Заружелье; 17 – Дубовицы; 18 – Козлово-Курганье; 19 – Китаев; 20 – Леплява; 21 – Поток; 22 – Липовец; 23 – Кагарлык; 24 – Зеленки; 25 – Бурты; 26 – Краснополка; 27

– Яблониовка; 28 – Липовое; 29 – Гориводы; 30 – Горка Полонная; 31 – Усиги; 32 – Мокрое; 33 – Теремное; 34 – Пересопница; 35 – Белев; 36 – Старожуков; 37 – Ставок; 38 – Колоденка; 39 – Понябель; 40 – Поддорцы; 41 – Коростень; 42 – Сингаи; 43 – Андреевиги; 44 – Барды; 45 – Овруг; 46 – Коростышев; 47 – Быково

пути их дружины были перебиты мусульманской гвардией каганата. Отсутствие упоминаний об этом походе в «Повести временных лет» (которая освещала в первую очередь действия князей Киева) и относящееся к этому же времени уничтожение Супрут и Донского пути (который также снабжал каганат зерном с территорий северян) позволяют предположить, что поход на Каспий, а затем на Супруты был осуществлен дружинами, обосновавшимися в Верхнем Поволжье. Эти памятники (Тимерево, Михайловское, Петровское), являясь одним из ярчайших очагов «дружинной культуры» Древней Руси X — начала XI в., по всей видимости, на протяжении X в. не зависели от набирающего силу великокняжеского Киева. В этот период они даже находятся за пределами внимания летописи. Ряд курганов наиболее полно изученного Тимеревского могильника имеет отчетливые связи с Аландскими островами. В 17 погребениях Тимерева встречены кольцевые или полукруглые каменные кладки, характерные для погребений на Аландах (могильник Кварнбакен); также в курганах Ярославского Поволжья встречены культовые слепленные из глины кольца и «бровые лапы», которые также встречаются на Аландских островах. Тимерево, Михайловское и Петровское находились на одном из важных участков торгового пути, ведуще-

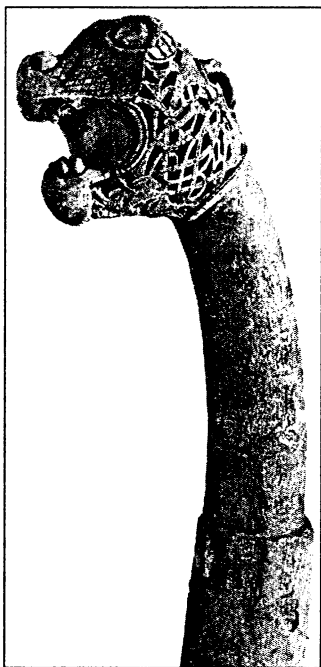

Рис. 10. Деталь носовой части корабля из погребения в Осеберге (Норвегия), вторая половина IX в.

го. В этот период они даже находятся за пределами внимания летописи. Ряд курганов наиболее полно изученного Тимеревского могильника имеет отчетливые связи с Аландскими островами. В 17 погребениях Тимерева встречены кольцевые или полукруглые каменные кладки, характерные для погребений на Аландах (могильник Кварнбакен); также в курганах Ярославского Поволжья встречены культовые слепленные из глины кольца и «бровые лапы», которые также встречаются на Аландских островах. Тимерево, Михайловское и Петровское находились на одном из важных участков торгового пути, ведуще-

го через Волгу на Балтику и проходящего через богатые пушниной районы Юго-Восточного Приладожья, где следы пребывания скандинавов (торговцев и воинов) известны с последней четверти IX в. Волжский путь сформировался гораздо раньше Днепровского и долгое время был ведущей магистралью движения арабского серебра. По нему проходили многочисленные торгово-военные отряды, один из которых, по всей видимости, описал Ибн-Фадлан в своих записках в 920-х гг.

Деятельность «полунезависимой дружины» в первой половине — середине X в. могла быть связана также с крупнейшим торгово-ремесленным поселением Восточной Европы — Гнездовом. Предметы вооружения здесь встречены в 115 погребениях из примерно тысячи раскопанных курганов. Около 30 курганов содержат захоронения в камерах. По подсчетам, основанным на количестве женских скандинавских украшений в погребениях, скандинавы составляли не менее четверти населения Гнездова¹. Около середины X в. Киев уже начинает заявлять о себе как о политическом центре, однако характер контактов Гнездова со Средним Поднепровьем в этот период не совсем ясен. Можно предположить, что до середины X в. Гнездово было относительно независимым от великокняжеской власти Киева и подчиняется власти Рюриковичей только около 950—960-х гг.²

¹ *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

² *Нефедов В.С.* Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Смоленск, 1998. С. 38—39; *Мурашева В.В., Енисосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 70.

Однако наиболее яркие памятники «дружинной культуры» соотносятся с центрами «руси» Среднего Поднепровья. В начале X в. (или на рубеже IX—X вв.) здесь появляется целый ряд памятников, с которыми связано большое количество воинских погребений. Помимо раннегородских центров Киева и Чернигова, это могильники и поселения, расположенные в основном в междуречье Днепра и Десны (Шестовицы, Гущин, Седнев, Пересаж, Табаевка, Клонов, Звеничев). По материалам этих памятников прослеживается формирование и этапы развития эклектичной «дружинной культуры».

В политическом отношении Среднее Поднепровье и междуречье Десны и Днепра явились тем ядром, которое стало основой дальнейшей экспансии «руси» на протяжении X—XI вв. В рамках этой первоначальной территории сформировался и великокняжеский домен, получивший название «Русская Земля»¹. Погребальные памятники дружины маркировали центры и границы этого домена и позволяют проследить этапы становления Киева как политического центра Древней Руси, победившего в конкуренции с альтернативными династиями и вооруженными группами.

Формирование раннегосударственной территории, безусловно, требовало создания опорных пунктов, содержащих воинские контингенты. В последние десятилетия X в. — первой половине XI в. домениальная территория киевских великих князей — «Русская Земля» — значительно расширяется, что можно зафиксировать и по данным археологии. По ее границам на подчиненных власти Киева землях Южной Руси распространяются дружинные памятники, расположение которых совпадает с границами, реконструированными по летописным источникам XII—XIII вв.

¹ Насонов А.Н. «Русская Земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Некоторые из таких «пограничных форпостов» могут быть интерпретированы как «дружинные лагеря». На северо-восточной границе, в районе Среднего Подесенья (к северо-востоку от так называемой Сновской тысячи) расположены Левенка и Кветунь — памятники, связанные с продвижением руси на территорию радимичей, а затем и вятичей. На правом берегу Днепра, севернее устья Сожа, расположена целая группа памятников с дружинными погребениями, вытянутыми по западной границе расселения радимичей (Мохово, Колпень, Сенское, Заужелье, Дубовицы, Козлово-Курганье, Гориводы). По всей видимости, здесь находились «пограничные» пункты Руси, которые должны были стать опорой для подчинения радимичей Киеву в конце X—XI вв.¹

На Правобережье Днепра, на границе древлян и Руси в бассейне р. Тетерев, известны два памятника с воинскими погребениями — Коростышев и Быково, где из предметов вооружения преобладают копья типа I². Учитывая распространенное мнение о скандинавском характере копий этого типа, можно осторожно предположить, что на границе с древлянами Киеву служили какие-то наемные скандинавские контингенты.

Крайним западным рубежом великокняжеского домена, если исходить из летописных данных XII—XIII вв., был Плеснеск (Подгорцы), где известны два богатых камерных погребения рубежа X—XI вв. Оба они парные (похоронены мужчина и женщина), включают представительный для этого этапа развития дружинных древностей набор оружия (меч, топор и кольчуга в одном

¹ Фетисов А.А., Щавелев А.С. Русь и радимичи: к истории взаимоотношений // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004. С. 282—289.

² Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. 1893. № 11. С. 43—44, 57.

погребении; меч и топор в другом) и содержат богатый погребальный инвентарь, среди которого золоченый и серебряный браслеты, золотой и серебряные перстни, серебряные височные кольца и нательные крестики¹. Важное значение этого памятника определялось не только его расположением на западной границе великокняжеского домена, но и прохождением здесь одного из вариантов «баваро-хазарского» пути через водораздел Западного Буга и Припяти. Это направление в целом было одним из приоритетных в политике Киева: в период, когда в Подгорцах появляются камерные погребения (в конце X — начале XI в.), киевские князья ведут на западе борьбу за «Червенские города».

В конце X в. и на протяжении XI в. появляются «дружинные лагеря»-крепости на границах со Степью. На южной границе «Русской земли», южнее устья р. Трубуж, в конце X в. появляется укрепленное городище Леплява, в некрополе которого также присутствуют воинские погребения. Здесь значительно преобладало мужское население (женские захоронения могильника едва достигают 30 %)². В XI в. в Поросье, на южной границе «Русской Земли», появляется достаточно крупный воинский лагерь — Яблоновка. Многие погребения могильника имеют явно кочевнические черты. По мнению авторов раскопок Яблоновки, это был дружинный лагерь, аналогичный по своему назначению более раннему Шестовицкому комплексу и возникший с началом интенсивного использования кочевых контингентов в целях обороны юга Руси³.

¹ Населення Прикарпаття і Волині за дробі розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976. С. 174.

² Шинаков Е. А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X вв. Київ, 2004. С. 308—309.

³ Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 55—56.

Также известны памятники, созданные по инициативе центральной власти для контроля волоков и второстепенных речных путей. Одним из наиболее ярких примеров таких памятников является поселение на р. Кема в районе Белого озера. Отсюда начиналась система водно-волоковых путей, открывавшая дорогу в бассейн Онежского озера и Северной Двины. Около 30—40 гг. XI в. здесь, недалеко от устья р. Ковжа, появилось поселение, в котором жило примерно 70—100 человек. Задачей этого коллектива был контроль важного узла речных коммуникаций, сходящихся на Белом озере. Материалы могильника Кеми показывают, что мужская часть населения в два раза превосходила по численности женскую (на обычных поселениях доля мужчин и женщин примерно равна)¹. Этот коллектив проявлял значительную торговую активность — здесь сконцентрировано большое количество монетного серебра и привозных вещей, не имевших распространения в сельской округе региона. Во многих погребениях могильника найдено оружие, среди которого наиболее часто встречаются топоры. При этом среди погребенных с боевыми топорами мужчин нет ни одного старше 35 лет. Этот контрольный пункт на Кеме прекратил существование около 1070-х гг., когда политическая ситуация изменилась и необходимость в нем отпала². В пунктах, подобных поселению на Кеме, функции «дружинных лагерей» были выражены наиболее полно.

Облик дружинных курганов конца X — первой половины XI в. значительно отличается от воинских погребений X в., что связано с христианизацией и общей унификацией «дружинной культуры» (см. выше). Во всех случаях — это ингумации в могильных ямах; в пода-

¹ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990. С. 119.

² Там же. С. 121—124.

вляющем большинстве эти захоронения малоинвентарны или безынвентарны; по сравнению с X в. значительно изменяется набор вооружения — теперь это в основном топоры, реже встречаются копья, практически не встречаются стрелы.

Итак, по итогам нашего обзора можно обозначить основные вехи развития дружинной государственности Древней Руси. В IX—X вв. — территория будущей империи Рюриковичей представляет собой «лоскутное одеяло» славянских вожеств, владений разных скандинавских правителей и ищущих добычи дружин. Основная активность воинских отрядов сосредотачивается вокруг торговых путей — меридиональных — Волжского и Днепровского и широтного из Хазарии и Волжской Булгарии в Германию. Род Рюриковичей, поставивший под свой контроль «путь из варяг в греки», сумел в течение X в. ликвидировать другие, начавшие оформляться, династии (Чернигов, Смоленск-Гнездово, Полоцк, Туров) и в течение XI в. подчинить все восточнославянские племена, создав относительно единое государство. «Датой рождения» его может считаться либо время правления Владимира Святославича (980-е гг.), либо время правления двух братьев Владимировичей, Мстислава и Ярослава (1026 г.).

А «Сага о йомсвикингах» дает редкую возможность увидеть процессы становления ранних государств с точки зрения участников этого процесса — дружинников, которые и не подозревали, что были «пехотой великой войны», движущей силой грандиозного исторического процесса.

САГА О ЙОМСВИКИНГАХ

I

В Дании правил конунг по имени Гормⁱ, известный лишь своей бездетностью. Он был могущественным монархом, он был любим своими людьми. Когда произошла эта история, он уже долго управлял своей страной. В это же время жил в Германии ярл Арнфинн, который держал свое владение как фьеф от императора Карлаⁱⁱ. Арнфинн и Горм были друзьями и ходили в викингские походы вместе. У ярла была очень красивая сестра, которую он любил больше, чем ему следовало, и она родила ему ребенкаⁱⁱⁱ. Но это дело держалось в тайне, и ярл отослал младенца прочь, наказав посланным с ним людям не оставлять его до того момента, пока они не узнают, какая судьба его постигла. Они пришли в Данию, в лес, где, как они узнали, охотились конунг Горм и его дружинники. Они положили ребенка у подножия дерева и спрятались неподалеку. Когда наступил вечер, конунг вернулся домой со своей дружиной, за исключением двух братьев; одного из них звали Халльвард, а другого Хавард. Эти двое возвращались последними. Они выбрали путь по побережью и, услышав детский плач, направили свои шаги в этом направлении, чтобы узнать, в чем там дело. Они нашли мальчика у подножия дерева, на ветках которого висело большое полотнище. Ребенок был запеленут в покров из дорогой материи, а его головка была повязана

шелковой лентой, на которой висело золотое кольцо. Дружинники выбрали ребенка и повезли его домой. Когда они вернулись, конунг пил, сидя за столом. Они рассказали конунгу о своей находке и показали ребенка. Король пришел в восторг от мальчика и сказал: «Это мальчик знатного рода и это хорошо, что вы его выбрали». Он крестил мальчика и назвал его Кнут в честь узла, которым было привязано золотое кольцо к ленте на его голове^{iv}.

Конунг нашел ему приемных родителей, которые горячо полюбили приемыша. Позже, в старости, конунг Горм даровал своему приемному сыну свои владения, после чего умер. Кнут стал править этими землями и был там почитаем.

У него был сын, которого называли Горм. Сначала его звали Гормом Глупым, но со временем — Гормом Старым или же Гормом Могущественным^v.

II

В Хольмстейне тогда правил ярл именем Харальд, известный как Харальд Умник, он был мудрым человеком. У него была дочь по имени Тюра, которой не было равных ни в красоте, ни в толковании снов. Он ее горячо любил и в управлении страной полностью полагался на ее советы.

Когда Горм вырос и принял правление над страной, он собрал большую армию на границе с Хольмстейном, с намерением просить руки дочери ярла Харальда. В случае отказа он собирался опустошить его землю^{vi}. Но когда ярл Харальд и его дочь услышали о приближении конунга Горма и его намерениях, они послали людей встретить его и пригласить на пиршество. Конунг принял это приглашение. Когда Горм сделал свое предложение ярлу, тот ответил, что Тюра должна решать сама,

«так как она много умнее меня». Тогда конунг обратился со своим предложением к ней. Она дала такой ответ: «Я не буду принимать решение сразу. Сначала ты должен вернуться домой с дорогими и почетными дарами. И если ты действительно хочешь на мне жениться, то, когда вернешься домой, ты должен построить дом, такой, в котором тебе подходит спать, там, где раньше не стояло никаких построек. В этом доме ты должен спать первые три ночи зимы. Если тебе что-нибудь приснится, запомни точно, что, и дай мне знать об этом. Тогда я отвечу твоим послам, приезжать ли тебе за мной как невестой, или же нет. И ты можешь не приезжать, если тебе ничего не приснится»^{vii}.

Так конунг Горм и отправился восвояси, с великолепными подарками и стал нетерпеливо ждать подходящего момента проверить ее мудрость. Вернувшись домой, он точно выполнил все ее наставления. Он проспал в новом доме три ночи в начале зимы, приказав трем сотням своих людей быть при этом на чеку на случай предательства^{viii}. Затем конунг послал людей к ярлу пересказать им с дочерью свои сны. Когда она услышала о его снах, то велела людям конунга передать ему, что выйдет за него замуж. Послы рассказали конунгу, как все вышло, и он был в восторге от этих новостей. Он быстро собрался выступить с большим войском, приказав своим людям готовить свадьбу. Так он прибыл в Хольмстейн. Когда ярл Харальд услышал о его прибытии, то приготовил пир горой ради этого, и свадьба была отпразднована.

III

На свадебном пиру они развлекали друг друга так: конунг Горм рассказывал свои сны, а невеста конунга Тюра толковала их. В первую ночь, сказал конунг, ему

приснилось, что он стоит вне дома и смотрит на свои владения. Ему казалось, будто бы море отхлынуло от берегов так далеко, что он уже не мог видеть воды, и все проливы и фьорды высохли. Затем он увидел трех белых быков, выходящих на сушу из моря. Быки съели всю траву на земле и после этого исчезли назад в море. Во втором сне ему почудились другие три быка, на сей раз багрово-коричневые. У них были огромные рога, которыми они прокладывали себе путь в море на пути к земле. И они втроем съели всю траву на берегу и вернулись в море. В третьем сне конунг увидел других трех быков, выходящих из моря. Они были черные, и были больше прежних, с огромными рогами. Они также съели всю траву на земле, и ушли обратно в море. И он услышал такой громкий треск, что, казалось, его можно было услышать в любом уголке Дании. Он понял, что этот звук вызвало море, возвращаясь в свои берега. «А теперь, моя невеста, — сказал Горм, — я хочу, чтобы ты истолковала мои сны на развлечение гостям!» Она согласилась и ответила: «Когда три белых быка вышли из моря на берег, это предвещало приход трех зим с такими суровыми морозами, что в Дании пропадет весь урожай. Когда же следующие три быка, багрово-коричневые, вышли, это значило, что будут еще три зимы почти без снега и это в свою очередь не сулит ничего хорошего. Приход же черных быков знаменовал еще три зимы, которые будут столь тяжки, что никто не припомнит страшнее. И наступит такой голод, ужаснее которого не придумаешь. Огромные рога быков означали, что многие лишатся всего своего добра^{ix}. Потом ты слышал грохот, когда пошел отлив: это значит, Дания станет ареной борьбы сильных мужей, которые очень близки тебе. Если бы тебе приснился в первую ночь сон третьей ночи, война бы разгорелась в твою жиз-

ненную пору, и я бы за тебя не вышла бы замуж. Ну, а к голоду я приготовлюсь»^x.

IV

Конунг Горм послал к ярлу Харальду с приглашением на пир по случаю йоля^{xi}, которое ярл каждый раз принимал. Посланцы конунга вернулись домой, а ярл стал готовиться к путешествию. Когда он со своими людьми достиг Лимфьорда, то они заметили там странное дерево. На нем они разглядели зеленые яблочки и цветок. Ярл сказал: «Перед нами просто чудо для такого времени года, ведь мы уже видели большие румяные яблоки здесь в разгар лета. Давайте вернемся»^{xii}. Так они и сделали. Ярл остался на сей раз дома.

Конунг был озадачен, когда ярл не явился к нему на праздник. Через год он опять послал людей к ярлу со сходным приглашением, которое ярл принял. Когда же он со своими людьми прибыл в Лимфьорд, то они увидели множество собак за бортом корабля. Во чреве ближней собаки лаяли щенки. Услышав их лай, ярл сказал, что это большое чудо и что надо вернуться домой. Так они и сделали.

Прошла зима, и на третий год конунг послал людей пригласить ярла на пир середины зимы, и тот согласился приехать. Доплывши до Лимфьорда, он увидел две волны, идущие навстречу друг другу, а море при этом окрасилось кровью. «Это большое чудо. Возвращаемся», — сказал ярл. И этот йоль они провели дома.

Конунг Горм был разгневан из-за того, что ярл опять пренебрег его приглашением. Он решил отомстить ярлу и его стране за оскорбление. Когда жена конунга Тюра услышала об этом, она сказала, что на-

падение на ярла до добра не доведет. И добавила, что знает план получше. Конунг послушал ее. Посланцы были отправлены к ярлу, дабы узнать причины его отсутствия. Ярл немедленно прибыл к конунгу, который принял тестя учтиво. Они немедленно начали разговор. Конунг спросил, что же помешало ярлу приехать раньше, и почему он так его оскорбил, пренебрегая приглашениями. Ярл ответил, что сделал это не из вражды к конунгу, но совсем по иным причинам. Он поведал конунгу обо всех чудесах, им увиденных. «Сказать ли тебе, о, конунг, что значат все эти странные события?» — спросил ярл^{xiii}. Конунг согласился послушать.

Ярл сказал: «Я впервые увидел чудо с зелеными яблоками, которые росли на дереве в середине зимы, в то время как старые яблоки валялись в снегу. Я думаю, это предвещает смену веры в этих землях. Красота зимних яблок говорит о том, что новая вера будет прекрасна, а старые верования уйдут, как уходит снег. Второе чудо, — когда щенки лаяли в утробе матери, предвещает, что юноши потеряют уважение к старшим и станут дерзкими. Быть может, тогда они больше станут влиять на управление государством, чем старшие мужи, хотя последние гораздо мудрее. Но я не думаю, что дерзкое поколение уже родилось, потому что щенки еще не появились на свет. Потом мы столкнулись с кровавой бурей на море, вызванной двумя сшибшимися волнами. Это предвещает столкновение двух великих людей здесь, в этой стране, которое приведет к великой войне и жестоким боям, которые, может быть, начнутся именно в этом фьорде»^{xiv}. Конунг понял слова ярла и решил, что он говорил мудро. Разговор их кончился. Конунг больше не гневался, но все же решил, что настоящая причина отсутствия ярла на прежних празднованиях йоля —

неуважение, и послал людей в засаду, чтобы те убили ярла. Ярл оставался в гостях, пока конунг этого хотел, а затем поехал домой.

V

Немного времени спустя ярл Харальд даровал свои владения приемному сыну Кнуту. Сам же отправился странствовать и где-то в пути принял христианство. И больше не возвращался в свою родную страну.

Когда Харальд, сын Горма, стал подрастать, он все больше перечил отцу. Харальд снаряжал корабли и уходил в викингские походы, хотя зимовать возвращался в Данию.

В то время Ательстан был королем Англии — добрым и прославленным правителем^{xv}. В конце его правления в Англию вторглась датская армия во главе с Кнутом и Харальдом, сыновьями Горма, и грабила во всех уголках Нортумбрии. Они покорили большую часть королевства и объявили, что эта земля — их наследство от сыновей Рагнара Кожаные штаны^{xvi} и прочих их предков. Король Ательстан собрал большую армию и двинулся с нею на братьев. Он нагнал их севернее Кливленда и увидел множество данов. Сыновья Горма шли побережьем Скарброу, где они и сразились с Ательстаном и победили. После чего они собрались идти на юг, к Йорку. Тогда многие англичане присоединились к войску братьев, и те почувствовали себя всесильными. В один прекрасный день, когда жарко палило солнце и оба короля и их люди плавали между кораблями, на берег высыпали вражеские воины и осыпали их стрелами. Кнут был смертельно ранен и поднят на борт. Когда англичане прослышали про это, то собрали многочисленную армию. Вскоре к ней прибыл и король Ательстан. Присоединившие-

ся было к викингам местные воины вернулись обратно к нему, и получилось, что даны уже не посмели высадиться в Англии из-за усилившегося ополчения англичан. Поэтому-то даны ушли восвояси.

В это время конунг Горм оставался в Ютландии. Харальд немедленно направился туда и поведал все своей матери. Конунг Горм поклялся, что если он еще раз услышит о смерти своего сына Кнута, то Харальд и его люди, которые принесли весть об этом, умрут. Жена конунга повесила в комнатах серые занавеси. Все люди в зале замолкли, когда конунг занял свое место и спросил: «Почему все молчат? Есть ли новости?» Жена конунга сказала: «Государь, у тебя было два ястреба, белый и серый. Белый полетел далече, стая ворон напала на него и стала клевать и рвать. И теперь белого нет, но серый вернулся, и он добывает пищу для твоего стола». И сказал конунг Горм: «Убыло мощи Дании, коли погиб мой сын Кнут». Жена конунга ответила: «Правду сказал, о, король». И все согласились с этим. Конунг Горм заболел и умер на следующий день. Он правил сто лет. Огромный курган насыпан над ним^{xvii}.

Харальд был признан королем всеми подданными его отца. Он справил великую тризну по отцу и жил мирно.

VI

В это время в Норвегии правил Харальд Серый Плащ^{xviii} и Гуннхильд, его мать. Ярл Хакон Сигурдарсон покинул эту землю на десяти кораблях и избрал долю викинга. Осенью он прибыл в Данию и просил дружбы конунга Харальда. И тот одарил его дружбой конунга. Ярл и его сто двенадцать человек провели зиму у конунга.

У Кнута, сына конунга Горма, остался сын Харальд, известный как Харальд-Чайка. Он вернулся из викингского похода чуть позже Хакона, с десятью кораблями и грудой сокровищ. Он также присоединился к дружине конунга. Зимой конунг Харальд Гормссон и ярл Хакон задумали набег на владения Харальда, конунга Норвегии и его матери Гуннхильд. И весной они вошли войной в Лимфьорд и его конунг был зарублен Харальдом-Чайкой, как это рассказывается в «Саге о конунгах». Но затем Харальд-Чайка сам был повешен ярлом Хаконем. После этого ярл Хакон стал править Норвегией единолично, но платил дань Дании^{xix}.

Вскоре после этого император Оттон^{xx} пришел из Германии в Данию с огромной армией, ему помогал Олав Трюггвасон^{xxi}. Они заставили короля Харальда и ярла Хакона принять христианство, и вся Дания перешла в новую веру. Но ярл быстро вернулся к обычаям предков, и Норвегия больше не платила дань Дании.

VII

В области Дании под названием Фюн жил человек по имени Токи. Его жену звали Торве. У него было два сына, старшего звали Аки, младшего Палнир. Еще один его сын, старше их, но незаконнорожденный, звался Фелнир. Токи был стар и скоро заболел и умер. За этим вскоре последовала и смерть его жены. Два брата — Аки и Палнир поделили наследство, а Фелнир спросил, что же достанется ему? Они были готовы отдать ему треть скота, но не земли, поскольку и такую долю считали щедрым даром для него. Но Фелнир потребовал треть от всего, как будто законный сын и наследник их отца. Братья от-

казали. Фелнир ушел ни с чем и стал дружинником и советником конунга Харальда^{xxii}. В этой роли он был мудр, коварен и язвителен. Он начал наговаривать на Аки конунгу. В то время никто из благородных мужей не пользовался таким уважением, как Аки Токиссон. Каждое лето он уходил в викингские походы и почти всегда побеждал. Фелнир нашептывал конунгу, что тот не может самовластно править Данией, пока Аки Токиссон жив. Он так ловко оговаривал Аки, что конунг очень на того гневался.

Готланд был местом, где Аки всегда ждал дружественный прием, он очень дружил с тамошним ярлом Оттаром. Однажды он отправился туда на пир, взяв два корабля и сто двенадцать человек, богато одетых и хорошо вооруженных. Ярл одарил его чудесными дарами. После чего он возвращался домой. Только конунг Харальд услышал, что Аки недалеко, он снарядил десять кораблей с шестьюстами воинами и велел им подстеречь Аки на обратном пути и убить его и его людей. Люди конунга устроили засаду. Аки и его воины не ждали этого. Противники ворвались на корабль Аки, подрубили мачты и сбросили на людей Аки паруса и поубивали их по одному. Всю добычу они отвезли своему конунгу, который обрадовался и сказал, что теперь Аки не помешает ему править единолично. Фелнир радовался, что так вышло, — теперь его месть братьям за несправедливый дележ наследства совершена.

VIII

Печальные новости достигли области Фюн, и когда Палнир услышал их, то затаил злобу глубоко в своем сердце. Хотя решил, что отомстить такому человеку, как конунг, задача слабо исполнимая.

Был такой мудрый и богатый человек по имени Сигурд — молочный брат этих братьев. Палнир просил у него совета, как ему быть дальше. Сигурд сказал, что он попросит руки женщины для него. Когда Палнир поинтересовался, кто же она, тот ответил, что это Ингеборг, дочь ярла Оттара из Готланда. Палнир ответил: «Я боюсь, что не получу этой женщины, но я попробую посвататься к ней, потому как, если я все-таки добьюсь ее руки, у меня появится возможность отомстить». Сигурд был готов к путешествию на Готланд. Взяв корабль и 60 человек, он отплыл на север, в Готланд. Сигурд рассказал о своих намерениях ярлу и просил руки его дочери для Палнира. Он добавил, что Палнир ничего не потерял в Фюне и что он на пороге смерти от своей печали. Все закончилось тем, что ярл дал свое согласие и разрешил сыграть свадьбу в Дании. Сигурд возвратился домой и рассказал обо всем Палниру, который выслушал его с радостью и удивлением.

Они подготовили грандиозный пир в Фюне и не считались с затратами. Ярл с сопровождающими лицами прибыли в срок, и свадьбу отпраздновали очень достойно. Затем Палнир и Ингеборг возлегли на брачное ложе. Она вскоре заснула и увидела сон, который поведала наутро Палниру. «Мне приснилось, что я стою здесь, в этом доме, и на мне серая, как тень, одежда. К ткани, что я пряла, были привязаны грузила. Когда один из них упал, я увидела, что это человеческая голова. Я узнала эту голову». Когда Палнир спросил ее, чья же это оказалась голова, Ингеборг сказала, что конунга Харальда Гормссона. Палнир заключил: «Этот сон скорее хорош, нежели плох». «Я тоже так думаю», — ответила она.

Когда пир кончился, ярл Оттар с большими подарками уехал назад в Готланд.

IX

Палнир и Ингеборг сильно полюбили друг друга. У них родился сын, названный Пальнатоки. Он вырос в Фюне и с ранних лет был силен, умен и знаменит. Пальнатоки едва достиг совершеннолетия, как его отец заболел и умер. Он с матерью стали заниматься хозяйством. Каждое лето он уходил в набеги и прославился — в этом он походил ни на кого другого, как на своего дядю Аки.

В это время в Уэльсе правил ярл Стефнир, у него была мудрая и знаменитая дочь Алов. Пальнатоки высадился в Уэльсе и начал разорять земли Стефнира. Когда об этом услышала Алов, она и Бьерн, ее советник уэльсец, решили пригласить Пальнатоки на пир и воздать ему большие почести. Они предложили также, чтобы он считал их своими союзниками и не разбойничал бы на их земле. На пиру Пальнатоки попросил руки Алов, и она согласилась. Пир превратился в свадебное торжество, и Стефнир сделал Пальнатоки ярлом и дал ему половину своих владений, а остальным завещал ему владеть после своей смерти. Пальнатоки жил там лето и зиму. Но как пришла весна, он сказал Бьерну Уэльсцу: «Я собираюсь отправиться домой в Данию, но я хочу, чтобы ты остался править здесь вместо меня». После чего Пальнатоки и его жена Алов переехали в Фюн, что в Дании. Там он жил в своих владениях, и его считали вторым после конунга по достоинству, власти и мудрости.

X

Конунг Харальд объезжал свои земли^{xxiii}. Пальнатоки приготовил пир, на который пригласил конунга и тот принял приглашение. Они долго пировали. Жен-

щина по имени Аса, известная как Саум-Аса^{xxiv}, прислуживала конунгу. Она была бедна и глупа. Конунг покинул пир с богатыми дарами. Следующим летом Саум-Аса оказалась беременна и Пальнатоки спросил ее, кто отец ребенка. Та ответила, что это не кто иной, как конунг. «Тогда ты не будешь работать, пока дитя не родится», — решил Пальнатоки. Она родила мальчика, которого назвали Свейн, и он стал известен как Свейн, сын Саум-Асы^{xxv}. Он вырос в Фюне, и Пальнатоки заботился о нем.

Когда Свейну было три года, старый конунг Харальд приехал в Фюн на пир. Пальнатоки с Саум-Асой придумали некий план. Весь день конунг сидел за столом, и вот Аса подошла к нему, ведя мальчика, и сказала: «Великий конунг, у меня вот есть сын и я объявляю, что никто, кроме вас, не может считаться отцом ему». Конунг тут же спросил, кто она. Она назвалась. Тогда конунг заявил: «Ты грубая, глупая женщина, больше никогда не говори такого, а то тебе придется плохо». Пальнатоки вмешался в разговор и заявил: «Если она думает, что это правда, почему бы ей, о, конунг, не сказать об этом. Она не худшая из женщин, и ради вас же самого я беру ее под защиту». Конунг ответил: «Не думал я, что ты примешь не мою сторону в этом споре. Ну да ладно». Пальнатоки добавил: «Я воспитал его так, как следовало бы воспитать твоего сына». Конунг ответил: «Не могу сказать, что я благодарен тебе за это». «Это ничего не значит, — заявил Пальнатоки. — Давай закончим разговор».

Конунг уехал на сей раз без даров, и отношения у него с Пальнатоки стали натянутыми.

Вскоре Алов родила сына, названного Аки. Он вырос с отцом в Фюне.

XI

Свейн оставался в Фюне, пока ему не исполнилось пятнадцать лет. Потом Пальнатоки велел ему отправляться на поиски его отца конунга, требовать у него людей себе в отряд и провозглашения всем людям, что Свейн его сын, а понравятся Харальду такие требования или нет, не имеет значения. Свейн поступил в согласии с советом своего отчима. Конунг Харальд ответил ему: «Я вижу по тебе и по твоим словам, что истории о твоей матери не лживы. Ты глуп и слаб». На это Свейн отвечал: «Я бы и рад был иметь более знатную мать, да вот ты не помог мне в этом. А я ведь, без сомнения, твой сын. Теперь ты дашь мне три корабля, а мой отчим еще три. А если ты мне их не дашь, то я отомщу тебе, как смогу и как позволит судьба».

Конунг ответил: «Я думаю, что, выполнив твою просьбу, я раз и навсегда отделаюсь от тебя». Так Свейн получил три корабля и 120 человек от конунга, а Пальнатоки дал ему еще три корабля. Остаток лета Свейн разбойничал во владениях отца, бонды очень жаловались на его бесчинства, но конунг ничего не предпринимал. Так продолжалось до осени, пока Свейн не отправился в Фюн, провести зиму у Пальнатоки.

Когда пришла весна, Свейн снова нашел конунга Харальда, и все повторилось, как в прошлом году. Свейн получил еще 6 кораблей у конунга и 6 у Пальнатоки. И опять Свейн опустошал владения отца, но теперь еще яростней и беспощадней. Он грабил области Съеланд и Халланд и убил многих людей. Новости об этом разносились далеко. Бонды отправились к конунгу жаловаться на свои несчастья. Но конунг ничего не сделал, чтобы им помочь. А Свейн опять возвратился по осени к Пальнатоки и зимовал у него.

Когда пришла весна, Свейн собрался в поход и снова последовал совету отчима. Он нашел конунга и потребовал 12 кораблей. Тот произнес: «Ты настолько храбр, что я не знаю равного тебе, — ты осмелился прийти ко мне, будучи убийцей и вором. Но я никогда не приму тебя к себе и не признаю сыном». Свейн ответил: «Разумеется, я твой сын, никто не будет этого отрицать. И не жалею своих кораблей. А не то, коль мне откажешь, я завоюю все вокруг, а ты не уйдешь отсюда подобру-поздорову».

Конунг ответил: «Ты человек, с которым трудно иметь дело, и настолько храбр, что, может статься, в самом деле знатного происхождения. Получи же, что желаешь, и убирайся с глаз моих навеки». Свейн на тридцати кораблях приехал к Пальнатоки, тот принял его с распростертыми объятиями. Пальнатоки сказал: «Видно, мой совет пошел тебе на пользу. Поскольку твои силы так выросли, этим летом пора бы и прекратить разбои в Дании. Конунг больше не станет прощать набегу. Но ты не отступай, даже если на тебя пошлют войско, я всегда поддержу тебя. Этим летом я хочу навестить тестя — ярла Стефнира в Уэльсе. Я возьму с собой 9 кораблей». Они расстались и разошлись по домам.

Свейн разбойничал в Дании еще пуще: убивал, грабил и сжигал дома. Люди дрожали перед ним и молили конунга о защите. Тот решил, что дальше так продолжаться не может. У него было готово к плаванию 50 ладей, и он отправился на поиски Свейна. Осенью они встретились у Борнхольма. Было так поздно, что темнота не дала начать битву сразу. Ранним же утром тот и другой связали свои корабли и бились до вечера. И десять кораблей конунга Харальда и 12 кораблей Свейна оказались захвачены противниками. Вечером Свейн поставил свои корабли в

бухте на якорь, а конунг расставил свои вокруг, чтобы Свейн не мог бежать. Пальнатоки высадили на берег тем же вечером с двадцатью четырьмя кораблями. Он причалил на другой стороне мыса и поставил шатры. После чего Пальнатоки пошел по берегу один, взяв лук и колчан со стрелами.

Конунг Харальд с одиннадцатью людьми тоже вышел на берег вечером, и они вошли в рощу развести костер, чтобы согреться. Ночь уже наступила, и было темно. Пальнатоки увидел огонь в лесу и, обойдя их стоянку кругом, узнал, кто перед ним. Он натянул лук и выстрелил в конунга, и тот рухнул замертво. Пальнатоки вернулся к своим людям. А люди Харальда в недоумении спорили, что же им делать. Фелнир сказал: «Мой совет: все мы расскажем одинаково, что король погиб в битве — это сгладит нашу вину, что не сберегли его». И они поклялись хранить свою тайну.

А Пальнатоки созвал двадцать своих мужей и заявил, что идет к Свейну. Он пересек с ними мыс и стал обсуждать со Свейном, что делать дальше. Свейн просил Пальнатоки дать на сей счет нужный совет. А Пальнатоки, промолчав о смерти конунга, сказал: «Он, конунг, не дает нам времени строить планы. Мы объединим свои силы и ударим по ладьям конунга. Я не хочу попасть в ловушку, расставленную конунгом, и погибнуть». Они так и сделали, атаковали врагов. Три корабля конунга перевернулись и лишь лучшие пловцы спаслись.

Пальнатоки и Свейн со своими людьми прорвались в образовавшуюся брешь и соединились с основным отрядом Пальнатоки.

Следующим утром они снова атаковали флот конунга и тогда поняли, что конунг мертв. Тогда Пальнатоки заявил противникам: «У вас есть две возможности: или биться с нами дальше, или принять Свей-

на своим конунгом». Люди конунга приняли второе. А после Пальнатоки и Свейн создали тинг, на котором Свейна провозгласили конунгом всей Дании.

ХІІІ

Теперь, когда Свейн стал конунгом, он счел себя обязанным провести достойную тризну по своему отцу, на которую он пригласил Пальнатоки. Тот отказался, сказав, что умер его тесть Стефнир и он принимает в наследство его владения. Поминальный пир осенью не состоялся, а Пальнатоки уплыл из страны. Он оставил Аки, своего сына, править в Фюне и просил Свейна покровительствовать ему. Конунг обещал поддерживать его во всем, что бы тот ни делал.

Пальнатоки отправился в Уэльс и стал там править, и так прошел год.

Следующим летом конунг Свейн послал людей пригласить Пальнатоки на тризну, но тот снова отговорился, сказавшись больным.

Когда же и следующим летом конунг Свейн стал готовить тризну, Пальнатоки снова был приглашен, и ему передали, что если он опять не явится, то навлечет на себя немилость конунга. Пальнатоки отвечал, что на сей раз он все-таки приедет. Конунг устроил пир и пригласил кучу гостей. Когда же гости собрались, Пальнатоки не появился, хотя солнце уже садилось. Гости расселись, а конунг оставил противоположное своему месту почетное сиденье пустым, и свободными оставались до сотни мест на боковых лавках. После чего все начали пировать.

Вернемся же к Пальнатоки и Бьерну Уэльсцу. У них было с собой три корабля и 120 человек, половина из них данов, а другая — уэльсцев. Они высадились вечером во владениях конунга. Погода была отлич-

ная. Когда они вытащили корабли на берег, перевернули их и привязали, положили сушить весла, то направились в зал, где пировал конунг. Пальнатоки со своими людьми вошел и приветствовал конунга. Тот в свою очередь радушно приветствовал его и указал пришедшим их места. Все пировали. Фельнир долго шептался с конунгом. И король по ходу этого разговора изменился в лице, его щеки заалели как кровь.

XIV

Король кликнул отрока, стоящего у его стола. Фельнир дал тому стрелу и велел показать каждому в зале, пока кто-нибудь не опознает хозяина этого оружия. Сначала он показывал ее за главным столом, потом ближе к двери. Затем пошел по другой стороне стола и спросил Пальнатоки, не узнает ли тот стрелу. Тот сразу сказал, что не может не узнать свою стрелу.

Как только он потребовал ее себе, в зале наступила гробовая тишина. Конунг Свейн спросил: «Где же ты оставил эту свою стрелу?» Пальнатоки ответил: «Я был всегда верен тебе и честен с тобой, мой приемный сын; не обману тебя и на сей раз. Я оставил стрелу в теле твоего отца, которого застрелил».

Конунг закричал: «Вперед, мои люди, убейте Пальнатоки и его спутников — теперь наша дружба кончилась». Все вскочили, доставая оружие. Пальнатоки выхватил меч и разрубил советника Фельнира надвое. Затем он со своими людьми с боем пробился из зала — среди пирующих нашлось много его друзей, которые не старались слишком мешать ему. Когда они вышли из зала, оказалось, что один уэльсец отсутствует. Пальнатоки сказал: «Я не могу ждать этого скотта, уходим к кораблям». Но Бьерн заявил: «Я не

брошу своего, зайду-ка я еще раз». И он бросился обратно в дом. Там люди конунга набросились на оставшегося уэльсца и практически разорвали его на части: Бьерн вошел и поднял его на плечи, хотя тот был уже мертв, — вытащить его ради своей славы. После чего все они взошли на корабли, налегли на весла и уплыли прочь, не останавливаясь до самого Уэльса. Конунг Свейн продолжил пир, хотя и весьма опечалившись, что все так вышло.

XV

Следующим летом Алов, жена Пальнатоки, заболела и умерла. Пальнатоки не захотел оставаться в Уэльсе и оставил там править Бьерна. Сам он снарядил тридцать кораблей и ушел в викингский поход. Он разорял Шотландию и Ирландию, проведя в войнах и грабежах три года, завоевав себе богатство и славу.

На четвертое лето Пальнатоки поплыл на восток к Вендланду; к тому времени он имел сорок кораблей.

В то время конунгом Вендланда был Бурицлейв^{xxvi}. Он слышал о Пальнатоки и был обеспокоен его набегами, а Пальнатоки неизменно побеждал, и считалось, что он никому не уступит. Конунг решил послать людей, чтобы те нашли Пальнатоки и пригласили его к нему и сказали, что конунг будет ему другом. Конунг добавил к приглашению, что предлагает ему землю под названием Йом в его стране и обеспечит его поселение там, а за это Пальнатоки будет защищать свою округу и всю страну. Пальнатоки принял предложение и поселился там со своими людьми. Вскоре там был построен большой, хорошо укрепленный град. Часть города находилась на мысу и окружена была морем. Там была гавань, где могло разместиться триста шестьдесят длинных ладей, да так, что все

они находились бы под прикрытием городских укреплений. Все там было устроено так хитро, что вход в гавань перекрывала большая каменная арка. На входе в бухту были установлены железные ворота, которые запирались изнутри. На вершине арки стояла башня, в которой были установлены катапульты. Город звался Йомсборг^{xxvii}.

После этого Пальнатоки по советам мудрых людей издал йомсборгские законы, предназначенные для увеличения славы и мощи этого города, насколько это было возможно. Первая часть законов гласила, что ни один человек не может стать здесь членом дружины, если он старше 50 и моложе 18 лет; члены этой дружины должны быть в возрасте между этими годами. Когда кто-то захочет к ним присоединиться, кровное родство в расчет не принимается. Ни один человек не имеет права убежать от какого бы то ни было противника, даже если тот столь же доблестен и хорошо вооружен, как и он. Каждый дружинник обязан мстить за другого, как за своего брата. Никто не может сказать слова страха или испугаться, как бы плохо ни сложилась ситуация. Любую ценность, без различия — маленькую или большую, которую они добудут в походе, обязательно отнести к знамени, и кто этого не сделает, должен быть изгнан, никто не имеет права устраивать свары. Если придут какие-либо вести, никто не должен торопиться повторять их всем и каждому, так как только Пальнатоки там объявлял новости.

Ни один из них не должен был держать женщину в их городе, и никто не должен отлучаться из города дольше, чем на три дня. И если в их ряды вступал человек, убивший отца, или брата, или другого родственника того, кто был членом их дружины, или его самого, и когда это становилось известно после его принятия

в ряды здешней дружины, то Пальнатоки имел право последнего решающего слова, как и при любом другом разногласии, возникающем среди них.

Так они жили в городе и строго соблюдали свои законы. Каждое лето они уходили в набеги на разные земли и стяжали славу. Они считались великими воинами, и им было мало равных в то время. Они были известны как йомсвикинги.

XVII

В это время в Съеланде правил ярл Харальд, известный как Харальд Колпак. Его так прозвали, поскольку он носил островерхую шапку, украшения которой стоили десять марок золота. Его жену звали Ингеборг. Одного из их сыновей звали Сигвальди, другого Торкель Высокий, а их дочь звали Това.

Борнхольм же управлялся человеком по имени Весети, его жену звали Хильдигунн. Одного их сына звали Буи, а другого Сигурд Рьяный; их дочь звали Торгунн. Аки, сын Пальнатоки, жил в Фюне. Конунг Свейн относился к нему со всем уважением и просватал ему Торгунн. Сыграли свадьбу, и у них родился сын Вагн. Вагн вырос дома. Когда ему исполнилось всего несколько лет, люди уже заговорили, что из-за его характера с ним тяжелее будет справиться, чем со всеми его сверстниками. Он постоянно дрался и кричал^{xxviii}. Жил он или дома, или у Весети, своего деда в Борнхольме. Но вскоре и тут, и там решили, что справиться с ним невозможно. Буи был единственным родственником, с которым Вагн ладил, — он всегда слушался только Буи, но никогда не последовал совету кого бы то ни было другого. Он вырос статным, могучим и производил на всех окружающих сильное впечатление. Буи же, его дядя, был молчали-

вым, гордым и таким сильным, что люди и не ведали пределов его мощи; еще он был ужасно безобразен и невероятно ловок. Сигурд Рьяный был статен, и очень горделив и замкнут. Сигвальди, сын ярла Харальда, был бледным человеком с уродливым носом. Но был он очень высок и весьма проворен, а также невероятно зорок. Торкель, его брат, был силен и выделялся среди всех высоким ростом. Оба брата были мудрыми людьми^{xxix}.

XVIII

Сигвальди и Торкель спросили своего отца, не присоединиться ли им к дружине Йомсборга. Отец одобрил эту идею, подтвердив, что настало время братьям проявить себя. Они просили его обеспечить их оружием и провизией, но ярл заявил, что они либо останутся дома, либо сами добудут себе все, что нужно. Они решили поехать, снарядив, как смогли, два корабля и сто двадцать человек. По пути они высадились на Борнхольме, захватили самый богатый хутор и награбили провизии для своих кораблей.

Остаток плавания до Йомсборга прошел у них без происшествий. Пальнатоки со свитой обычно выходил на башню, стоявшую над входом в гавань, чтобы узнать, кто входит в бухту. Прослышав о прибытии братьев, он взошел на башню и спросил, кто ведет эти ладьи. Сигвальди ответил: «Два брата, сыновья ярла Харальда Колпака, командуют ладьями, и мы хотим присоединиться к твоей дружине с теми из своих людей, которых ты пожелаешь принять». Пальнатоки посоветовался с дружиной и ответил, что знает их род и что они доброго происхождения. Они предоставили Пальнатоки судить об этом. Затем ворота открылись, и они вплыли в город. Потом их людей подвергли ис-

106

пытаниям, половину признали достойными, а половину отослали назад. Оба брата были приняты в дружину.

XIX

Теперь вернемся к Весети, чей хутор они ограбили. Удержав сыновей от погони и прочих скоропалительных действий, он отправился искать конунга Свейна — рассказать ему, что произошло. Конунг посоветовал ему до поры до времени ничего не предпринимать. «Я пошлю весть ярлу Харальду Колпаку, — сказал он, — и узнаю, не заплатит ли он вергельд^{xxx}, который тебя удовлетворит, за поступок своих сыновей. И я советую тебе взять такой откуп». Весети отправился домой, а конунг Свейн послал людей вызвать ярла Харальда, который и явился к своему конунгу. Конунг поведал ему о том, что сотворили его сыновья во владениях Весети, и просил заплатить возмещение ущерба с тем, чтобы сохранить мир в стране. Ярл ответил: «Я ничего от этого набега не выиграл, ничего не взял себе, — почему же я должен возмещать убытки от их поступка, даже если правда, что юноши взяли нескольких коров или овец, чтобы прокормиться!»

Конунг сказал: «Ну, тогда можешь отправляться домой, — ты знаешь мое пожелание, и принимай то решение, которое лучше сбережет остаток твоих лет и твое имущество в столкновении с Весети и его сыновьями». Ярл же ответственвал, что не боится Весети и его сыновей. После чего уехал к себе домой.

Когда Весети и его сыновья узнали о разговоре, состоявшемся между конунгом и Харальдом, они снарядили три корабля и 240 человек — лучших, каких могли подыскать. После чего поплыли в Съеланд. Они разграбили три лучших хозяйства ярла Харальда

и вернулись восвояси. Когда об этих грабежах узнал ярл Харальд, он послал людей к конунгу Свейну, с просьбой рассудить их с Весети по его, конунга, разумению. Конунг Свейн решил: «Ярл Харальд должен пенять на себя, раз не послушался моего прошлого совета. Я отказываюсь принимать решение в этой распре». Посланцы передали слова короля Харальду. Ярл произнес: «Раз конунг не хочет за нас вступитья, мы сами будем решать это дело». Ярл Харальд собрал десять кораблей и поплыл к Борнхольму, разорил там три хутора Весети, такие же богатые, как и разоренные у него самого. После чего ярл Харальд вернулся домой в добром расположении духа.

XX

Весети, прослышав про этот набег, отправился к конунгу и тот принял его отменно. Весети сказал: «Судьба распорядилась так, что может случиться большая война между ярлом и мной, коли ты не вмешаешься». Конунг ответил: «Я собираюсь на тинг в Исфьорде, куда я вызову ярла Харальда. Я устрою там тяжбу между вами». С тем Весети и вернулся домой.

Пришло время тинга, и конунг отправился туда с дружиной, поскольку хотел иметь решающий голос в этом деле. С ним прибыло 50 кораблей. Ярл Харальд в свою очередь успел туда с 20 кораблями. Весети же явился только с пятью кораблями, а его сыновья не приехали. Ярл поставил шатры достаточно далеко от моря, а Весети на самом морском берегу, за устьем реки, что текла вдоль поля тинга. Когда наступил вечер, люди увидели 10 кораблей, которые плыли со стороны владений ярла Харальда. Корабли пристали, и воины с них пошли на тинг. Во главе новоприбывших

были сыновья Весети. Буи был роскошно одет — он захватил богатый наряд во владениях ярла Харальда. Там же он награбил два сундука золота — в каждом было по тысяче марок^{xxxі}. Они с братом пришли на тинг полностью вооруженные и в доспехах^{xxxіі}.

Буи заявил: «Если ты можешь сражаться и у тебя есть хоть капля мужества, я советую тебе, ярл, брать оружие, а я готов биться с тобой прямо сейчас». Конунг Свейн услышал слова Буи и решил, что убудет его чести, если начнется сражение. Конунг поставил свою дружину между врагами, чтобы не допустить рукопашной. Он напомнил о необходимости взаимного согласия, о посреднической роли конунга и его суде, но Буи отказался отдавать сундуки золота, объявив их вергельдом. Всем стало ясно, что он не бросит этих слов на ветер. Наконец конунг Свейн объявил условия примирения: «Ты, Буи, вернешь владельцу богатые одежды, а сундуки с золотом сохранишь у себя. Вы со своими дружинниками заплатите за три хутора, разоренные вами в последний раз. Ярл отдаст свою дочь Тову замуж за Сигурда Рьяного и три хутора в приданое за нее». С этими условиями все согласились. Весети подарил треть своих владений Сигурду, который остался очень доволен своей женой. Они поехали с тинга прямо на свадебный пир, куда пригласили конунга Свейна. Свадьбу Сигурда и Тovy отпраздновали очень пышно. Весети вернулся домой и жил в мире.

XXI

Но его сыновья недолго жили дома. Буи хотел ехать в Йомсборг, чтобы еще больше увеличить свою славу. Сигурд желал к нему присоединиться, несмотря на женитьбу. Братья снарядили два корабля и 120 чело-

век. Так как их намерения совпали с выбором сыновей Харальда Колпака, они приплыли в Йомсборг и причалили в бухте. Хевдинги^{xxxiii} со свитой вышли навстречу, и Сигвальди узнал новоприбывших. Буи объяснил, зачем приехал, и просил принять его с братом в дружину Пальнатоки. Тут Сигвальди спросил: «Чем кончилась ваша вражда с Харальдом Колпаком?» Буи отвечал: «Долгая история у этой вражды, и не место ее сейчас пересказывать». Но Пальнатоки прервал его: «А что, рискнем принять их так, без объяснений? Я бы взял их — мало кто среди нас сравнится с ними!» Соратники отвечали ему: «Мы рады принять их, если ты того хочешь. А если это старое дело вспомнится, пусть тогда его рассудит твое решение, как всегда здесь водится». После чего ворота отворились, и Буи с братом ввели ладьи во внутреннюю гавань.

Затем испытали их людей, пятьдесят приняли в дружину, а сорок отослали обратно. Йомсвикинги жили в своем граде, и все более росла их слава — каждое лето уходили они в походы и совершили много славных деяний.

XXII

Что касается Вагна, то он оставался с отцом и Весети, своим дедом. Он был столь буйным, что к девяти годам уже убил трех человек. Он жил дома до двенадцати лет. Затем он попросил отца дать ему людей для похода. Тот рад был предоставить ему корабль и 60 человек, а Весети дал еще одну длинную ладью и такую же команду. Никто не был в этом отряде старше двадцати и моложе восемнадцати, кроме самого Вагна^{xxxiv}. Он заявил, что сам добудет оружие и еду. Они уплыли недалеко, как у них кончились запасы. Тогда они прошли по всей Дании, грабя безжалост-

но, и скоро у всех было отличное оружие и доспехи. Они покинули Данию, полностью готовые к битвам и с большими запасами.

Они приплыли в Йомсборг рано поутру, подплыли к каменной арке. Хевдинги вышли навстречу и окликнули их. Вагн же спросил, кто из них Пальнатоки. Тот выступил вперед и поинтересовался, кто это так вызывающе себя ведет. «Я не буду скрывать свое имя, — услышал он в ответ. — Я Вагн, сын Аки. Я пришел предложить тебе мечи моих людей. Дома тоже не считали, что я учтив и покладист». Тогда Пальнатоки сказал: «А тебе не кажется, что ты тут не уживешься, раз дома тоже с тобой не справлялись?» Вагн ответил: «Видать неправду о тебе, родич, рассказывают, раз таким, как мы, нет места в твоём войске!»

Пальнатоки спросил хевдингов: «Ну, что посоветуете — примем их?» «По-моему, — сказал Буи, — не надо их брать, хотя до этого он и уважал меня более других родичей». Пальнатоки сказал: «Вагн, родич, мои люди против, а твои родичи поддерживают остальных!» Вагн ответил: «Не ожидал я такого от тебя, родич Буи». Но Буи произнес: «Однако я так считаю!» Вагн спросил: «А что скажут сыновья Харальда Колпака?» Сигвальди сказал: «Мы оба согласны, что лучше будет, ели ты никогда к нам не присоединишься». Тут Пальнатоки спросил: «А сколько ж тебе лет?» Вагн ответил: «Не буду врать, мне двенадцать лет». Пальнатоки сказал: «Ты не подходишь по нашим законам, ты много моложе, чем положено в нашей дружине! Вот и причина, почему тебя не возьмут в нее».

Вагн сказал: «Я не нарушу ваших обычаев, об этом не стоит даже говорить, ведь я готов помериться силой с любым восемнадцатилетним или даже более старшим».

Пальнатоки ответил: «И не помышляй, родич. Давай лучше я пошлю тебя в Уэльс, к Бьерну, и ты как мой родич получишь там половину владений». Вагн сказал: «Щедрое предложение, но я отказываюсь». «Чего же ты хочешь добиться, родич, — удивился Пальнатоки, — раз отвергаешь столь щедрый дар?»

«Свое желание я только что высказал, — заявил Вагн. — Я вызываю Сигвальди Харальдссона с двумя кораблями в бухту и там посмотрим, кто кому равен! И давайте договоримся, что если он побежит или отступит, — мы приняты. А нет, то мы уплывем ни с чем. До этого я никого из вас не оскорблял, но пусть Сигвальди бьется с нами, если он и вправду неустрашимый воин и у него сердце мужчины, а не суки^{xxxv}!» Пальнатоки сказал: «Слышал, Сигвальди, что Вагн говорит, и он не откажется от дерзкого вызова. Ну, видно, тебя ждет трудное дело. Но сказано слишком много, и я не могу остановить тебя. Бейся с ними в полную силу. Но постарайся не убить Вагна, хоть он и не тот человек, с которым легко иметь дело».

XXIII

После чего Сигвальди и его люди вооружились и вышли в бухту на двух кораблях. Сразу же завязалась жаркая битва. Вагн и его люди так яростно кидали камни, что сигвальдову отряду пришлось только защищаться. Корабли сцепились, но люди Вагна все метали камни, не давая противникам даже обнажить мечи. Дошло до того, что Сигвальди отступил на берег набрать камней, но Вагн преследовал их и не отставал. И на берегу его противники находились под градом камней, и Сигвальди продолжал отступать. Ряды его воинов стали редеть. Битва складывалась явно не в его пользу.

Пальнатоки и остальные наблюдали за схваткой с башни. Когда Пальнатоки увидел, какой оборот принимают события, он приказал Сигвальди прекратить сражение, поскольку-де не стоит неудачу превращать в разгром. «Я решил принять Вагна и его людей, хоть он и моложе, чем допускают наши обычаи. Я думаю, уже видно, что из него выйдет великий воин». Все согласились с этим, и сражение закончилось, а Вагна и его людей приняли. Тридцать человек Сигвальди пало, и лишь несколько человек у Вагна, хотя раненых оказалось много с обеих сторон. Вагн с тех пор везде сопровождал йомсвикингов и был хевдингом корабля. Никто не выказал себя более великим воином, нежели он. Так прошло три года.

XXIV

Когда Вагну исполнилось пятнадцать лет, Пальнатоки заболел. Он послал людей позвать князя Буррицлейва. Когда тот посетил его, Пальнатоки сказал: «Сдается мне, князь, что эта болезнь последняя для меня». Князь сказал на это: «Мой тебе совет — выбери человека, который займет твое место, и будет вести здесь дела, как и ты до сих пор. Сделай его правителем града. И пусть йомсвикинги остаются здесь!» Пальнатоки сказал, что, по его мнению, Сигвальди самый подходящий вождь для йомсвикингов. «Но думаю, — добавил он, — что все тут пойдет наперекосяк после меня». Князь заключил: «Твои советы всегда шли нам впрок, и мы выполним твою последнюю волю. Пусть старые законы будут нерушимы в этом граде».

Сигвальди аж подпрыгнул, узнав, что принимает командование, и бурно радовался тому, что стал вождем. Пальнатоки завещал своему родичу Вагну половину

Уэльса в управление совместно с Бьерном Уэльсцем, и велел ему смотреть за дружиной. Вскоре Пальнатоки умер, и все сказали, что это большая потеря.

Не успел Сигвальди стать вождем дружины, как порядок среди йомсвикингов стал нарушаться. Женщины оставались в граде на две, три ночи подряд, мужчины в свою очередь пребывали вне городских стен дольше, чем при жизни Пальнатоки. Время от времени йомсвикинги калечили друг друга, и произошло несколько тайных убийств.

XXV

У князя Бурицлейва было три дочери. Старшую звали Астрид, она была самой красивой и мудрой из женщин. Вторую звали Гуннхильд, третью Гейра — она вышла замуж за Олава Трюггвасона. Сигвальди отправился к князю и объявил ему, что собирается либо уйти из Йомсборга, либо получить Астрид в жены. «Я считаю, — сказал князь, — что она должна выйти замуж за кого-нибудь познатнее тебя. Но мне необходимо, чтобы ты остался. Мы обсудим твоё требование». Князь позвал свою дочь Астрид и спросил, как она отнесется к замужеству с Сигвальди. Астрид ответила: «Сказать по правде, я никогда бы не вышла замуж за него. Но прежде чем он назовет меня женой, пусть избавит нас от дани, которую наши земли платят конунгу Дании. Или же привезет сюда конунга Свейна, чтобы тот оказался в твоей власти». Князь все это передал Сигвальди, который все еще хотел жениться на Астрид. Сигвальди согласился на эти условия, которые оба скрепили клятвой. Сигвальди должен был выполнить свою часть соглашения до Рождества, в противном случае князь освобождался от обещания. С тем Сигвальди и вернулся в Йомсборг.

Вскоре он велел снарядить три корабля, вооружиться шестидесяти людям и поплыл в Съеланд. Там он узнал, что конунг пирует недалеко оттуда. Сигвальди поставил корабли на мысу в безлюдном месте, поблизости от хутора, где гостил конунг Свейн и его 720 воинов. Сигвальди подготовил корабли к отплытию, развернул их носами к морю и поставил цепочкой вдоль мыса. Затем он послал людей сказать конунгу, что смертельно болен и хочет перед кончиной сообщить конунгу нечто жизненно важное.

Они нашли конунга и передали ему сообщение. Конунг сразу же отправился на зов со всеми своими людьми. Сигвальди же лег на крайнем из стоящих на мысе кораблей. Он сказал своим людям: «Когда тридцать человек взойдут на ближний к земле корабль, поднимайте трап и скажите, что корабль и так перегружен. Я думаю, конунг будет среди первых. Когда же двадцать человек перейдут на средний корабль, снова поднимите сходни».

Конунг взошел на борт, а люди Сигвальди сделали, как он сказал. Когда конунг и девять его человек взошли на крайний корабль, то конунг спросил, может ли Сигвальди говорить. Тот ответил, что очень слаб. Конунг подошел к его ложу и снова задал тот же вопрос. Сигвальди прошептал: «Наклонись ко мне». Когда же король наклонился, Сигвальди схватил его за плечи и руку и заорал своим людям, чтобы те гребли, что есть сил. Те так и сделали. А люди конунга на это смотрели с берега. Конунг спросил: «Ну и что дальше? В чем смысл твоего предательства?» Сигвальди ответил: «Я не предаю тебя, но ты погостишь у нас в Йомсборге. Мы тебе окажем полное уважение и гостеприимство». Конунг ответил: «Ну что ж, я принимаю любезное приглашение».

Они прибыли в Йомсборг, и йомсвикинги устроили пир, и называли себя людьми конунга. Затем Сигвальди сказал, что он добивается для него руки дочери князя Бурицлейва по имени Гуннхильд. Она-де самая красивая. А сам он женится на ее сестре Астрид. Теперь он отправляется к князю обговаривать условия женитьбы конунга. Тот поощрил его так и сделать. Сигвальди и 120 человек пошли к Бурицлейву и все обсудили с ним. Сигвальди заявил, что завоевал право на Астрид. Решив, что делать дальше, они с князем разошлись.

Конунг Свейн спросил у Сигвальди, как все прошло. Тот ответил, что все в его, конунга, власти: «Бурицлейв ведь не отдаст дочь, пока ты не освободишь землю от дани, которую он тебе платит. Это поддержит твою честь, коли ты женишься на дочери князя, который никому не платит дани!» Сигвальди был настойчив, и конунг согласился.

Обе свадьбы назначили на один день. Свейн отправился на свадьбу с йомсвикингами. Пир был столь роскошен, что подобного никто и не помнил в Вендланде. Первый вечер невесты были под фатами, но на второй они стали женами и сняли покрывала. Конунг Свейн всматривался в лица невест пристально, поскольку до сих пор не видел ни одной. Сигвальди говорил, что конунгова невеста красивее, но конунг этого не увидал и начинал понимать, что Сигвальди обманул его. Конунг разгадал замысел Сигвальди, но пока все шло в пользу йомсвикингов, поскольку конунг хотел сохранить достоинство. Пир закончился, и конунг отправился домой с женой, тридцатью кораблями, свитой и богатыми дарами. А Сигвальди с женой и йомсвикингами вернулись в Йомсборг.

XXVI

Вскоре пришла весть из Дании, что ярл Харальд Колпак, отец Сигвальди и Торкеля, умер. Хеминг, их брат, был еще ребенком. Конунг Свейн послал за Сигвальди с приглашением на тризну по отцу. Братья же ответили, что пусть-де конунг готовит поминальный пир и может для него сколько угодно использовать их имущество. А они, дескать, придут в начале зимы. Многие считали, что это неразумно, поскольку не видно было крепкой дружбы между Свейном и Сигвальди. Но братья решили ехать. Йомсвикинги собрались с ними на 180 кораблях. Они поплыли в Сьеланд. Конунг Свейн приветствовал их и пригласил на пир, там было множество гостей.

В первый же вечер йомсвикингам подавали самое крепкое пиво, которое они без усталости поглощали. Когда Свейн увидел, что они напились и стали разговорчивы, он сказал: «Всем весело здесь, но я придумал новое развлечение, это состязание запомнится надолго!» Сигвальди ответил: «Мы все твои люди, я думаю, ты покажешь пример, а мы за тобой последуем». Конунг произнес: «Я знаю, на таких пирах есть обычай давать клятвы, которые бы увеличили славу участников. А вы известны всему миру, ваши клятвы должны далеко превзойти обещания всех прочих. Я же начну. Я клянусь, что в течение трех лет свергну Этельреда^{xxxvi}, короля Англии — или убью, или изгоню его, а сам захвачу его владения. Теперь твоя очередь, Сигвальди, и пусть твоя клятва затмит мою».

Тот сказал, что так и будет. «Король, я клянусь, что в течение трех лет стану грабить Норвегию со столькими людьми, скольких соберу. Я свергну ярла Хакона, или убью его, в противном случае мое безжизненное тело останется в Норвегии».

Конунг заметил: «Звучит неплохо, это смелая клятва. Удачи тебе и выполни ее достойно. Твоя очередь, Торкель Высокий, что ты достойного скажешь?» Тот произнес: «Я думаю о своей клятве... Я последую за братом — поплыву за килем его корабля».

«Хорошо сказано и выполни же это, — отозвался конунг. — А ты, Буи Большой? Теперь твоя очередь сказать что-либо выдающееся!» «Я клянусь, — сказал Буи, — что я последую за Сигвальди и буду со всей храбростью биться с ним до конца».

«Я так и думал, — сказал конунг. — Это была достойная клятва. А теперь, Сигурд Рьяный, твоя очередь». «За этим дело не станет, — отвечал Сигурд, — Я тоже последую за братом и не отступлю, пока он не отвернет от своей цели или не погибнет».

«Того я и ждал от тебя, — сказал конунг. — Теперь ты, Вагн, — продолжил конунг, — я очень хочу услышать твою клятву, все твои родственники проявили себя». Вагн ответил: «Вот моя клятва — я последую за Сигвальди и Буи, своими родичами, в этом походе и буду биться до конца вместе с Буи, пока тот жив. Вторая часть клятвы такая — когда я попаду в Норвегию, то убью Торкеля Глину и пересплю с Ингеборг, его дочерью, без согласия ее родственников».

Бьерн из Уэльса был там с Вагном. И конунг спросил: «А ты что обещаешь, Бьерн?» Тот ответил: «Я сопровожу Вагна, моего приемного сына, и буду биться за него!»

Так кончился обмен клятвами, и все улеглись спать.

Сигвальди повалился спать рядом со своей женой Астрид и глубоко заснул. Когда он проснулся, Астрид спросила его, помнит ли он свою клятву. Тот сказал, что ничего не помнит. Она сказала: «Ничего страшного, но, тем не менее, для тебя это будет плохая

новость». И она поведала ему все. «Мы должны вести себя мудро и осмотрительно, — сказал Сигвальди. — А как, ты думаешь, мне поступить? Ты всегда вела себя умно и находчиво». «Даже не знаю, — ответила она. — Я что-нибудь придумаю, но если ты сейчас не получишь помощи у Свейна, ты никогда ее не получишь». После чего они придумали, как поступить.

XXVII

Конунг Свейн и йомсвикинги расселись в зале, и у Сигвальди было хорошее настроение. Конунг спросил, помнит ли Сигвальди свою клятву. Сигвальди сказал, что ничего не помнит. Король ему все пересказал из вчерашнего. Сигвальди заметил, что человек бывает не в своем уме, когда так напьется, и спросил у короля: «А чем ты мне можешь выполнить такую клятву?» Конунг ответил, что намеревается дать ему 20 кораблей. Сигвальди возразил: «Хороший дар для крестьянина, но не для конунга». Конунг насупился и сказал: «Сколько ж надо тебе кораблей?» Сигвальди изрек: «Нетрудно ответить — шестьдесят ладей. Я же соберу, сколько смогу, хотя мои силы и меньше, да и не все из нас вернутся теперь назад». Конунг заключил: «Корабли будут готовы, как только ты сам соберешься». «Все складывается к лучшему, — заявил Сигвальди, — мы выступаем после пира, готовь ладьи».

Конунг помолчал, но сказал, вопреки ожиданию, быстро: «Все будет готово, хоть ты и собрался быстрее, чем я ожидал». Затем Астрид, жена Сигвальди сказала: «Нет надежды разбить ярла Хакона, коль он будет готов к битве, поэтому надо напасть на него врасплох». И они прямо во время пира готовились к походу.

Това, дочь ярла Харальда, говорила Сигурду, своему мужу: «Прошу тебя следовать за твоим братом Буи со всем мужеством, он много сделал мне добра. И я ему обязана». «Здесь присутствуют два человека, — обратилась она к Буи, — которых я дам тебе. Одного зовут Хавард Дровосек, другого Аслак Камнедробитель». Буи принял эту поддержку и горячо поблагодарил за нее. Он передал Аслака Вагну, своему родичу. Пир подходил к концу, и йомсвикинги собрались в плавание. У них было 120 ладей.

XXVIII

Им повезло с ветром, и они прибыли в Вик, в Норвегии. Вскоре вечером они подплыли к городу Тонсберг, не зная, кто там правит. Гейрмунд Белый был лендр-маном конунга^{xxxvii} и управлял в этом городе. Когда йомсвикинги подплыли к городу, они уже успели пограбить в округе, убили многих и забрали ценности. Жители города оказались разбужены неприятным известием. Гейрмунд и все, кто спал в его доме, вышли на башню, поскольку рассчитывали выдержать длительную осаду. Йомсвикинги окружили башню и стали ее ретиво ломать и валить. Гейрмунд понял, что ее защитники долго не продержатся, и решил спрыгнуть с башни на дорогу. Он спрыгнул и удержался на ногах. Вагн стоял рядом и ударил его, отсек ему кисть руки, на пальце которой было золотое кольцо. Несмотря на рану, Гейрмунд побежал к лесу. Он бродил по лесам шесть дней, пока не нашел селения. Затем он пошел на север и как мог спешил, идя день и ночь. Он узнал, что ярл Хакон пирует со 120 людьми на Тенистом Хуторе. Он пришел туда вечером, когда ярл сидел за столом. Гейрмунд вошел и приветствовал ярла. Ярл спросил, кто он, и он назвался. Ярл

120

спросил, есть ли новости. Тот ответил: «Немного, но те, что есть, могут стать очень важными!» «В чем же дело?» — спросил ярл. Лендерман доложил: «Войско высадилось на востоке Вика, они убивают и грабят без пощады». Ярл сказал: «Я вижу, ты не будешь праздно болтать о войне, коли вести были бы не проверены. Но кто ведет эти отряды?» Гейрмунд ответил: «Вождя их зовут Сигвальди, я слышал еще имена Вагна и Буи. И я получил подарок от них». Он поднял раненую руку и показал обрубок. Ярл опечалился: «Плохая рана. А ты знаешь, кто ее нанес?» Гейрмунд ответил: «Отлично знаю. Они говорили: “Хороший удар, Вагн!” — когда он поднимал мою кисть и снимал с нее кольцо. Я думаю, это те, кто известны как йомсвикинги». Ярл произнес: «Полагаю, ты прав в этом предположении. И это те люди, с которыми я стал бы воевать в последнюю очередь».

XXIX

Ярл покинул пир и отправился в Раумсдаль. По всем своим землям он разослал посланцев со стрелой — знаком войны. Послал он людей и к сыну Свейну, правящему на севере в Транделаге, чтобы тот собирал воинов. Ярл Эйрик отправился на север, в Намдаль, затем он с севера собрался в Северный Мер и на острова. Эрлинг, сын ярла, ездил вдоль и поперек Рогаланда, организуя ополчение, а ярл Хакон сам затем поехал в Южный Мер и Раумсдаль. Наконец, весь их флот собрался у острова Хот, у мыса под названием Хьерунгаваг, и было у них больше 360 кораблей. Они решали там, что делать дальше.

Что же до йомсвикингов, то они плыли на север вдоль побережья. Все отступали перед ними, а тех, кто им попадался, они убивали, и все вокруг нещад-

но грабили. Так они плыли на север и миновали земли Стада, и пристали у островов Херей. И до тех пор они ничего не слышали о ярле Хаконе. Вскоре там же собрался весь их флот, и у них уже явно не хватало припасов. Вагн поплыл со своим отрядом к острову Хот. Он и его люди встретили человека, гнавшего трех коров и двенадцать овец. Вагн спросил, как его зовут. Тот ответил, что его зовут Ульв. Вагн приказал: «Гони скот на берег». Ульв спросил: «Кто эти люди?» И Вагн сказал ему. Ульв воскликнул: «Если вы — йомсвикинги, я думаю, что недалече есть много скота, которого вы можете зарезать!» Вагн спросил: «Говори, что ты знаешь — где ярл, и мы вернем тебе твой скот». Ульв ответил: «Он причалил вчера вечером на одном корабле в Хьерунгаваг на другой стороне острова». Вагн сказал: «Пойдешь с нами и покажешь путь».

Ульв взошел на борт с Вагном, и часть йомсвикингов поплыла к островам Херей. Йомсвикинги готовились к тяжелой битве, несмотря на заверения Ульва. Со временем Ульв понял, что они предполагают встретить больше врагов, чем он наболтал, и тогда он прыгнул за борт и поплыл. Но Вагн схватил метательное копье и попал ему между лопаток — тот сразу умер.

Йомсвикинги увидели, что в бухте кораблей тьматьмушная. Они построили свои корабли в боевой порядок. Сигвальди с дружиной находился посреди, его брат Торкель рядом. На северном фланге — Буи и Сигурд, его брат, на южном — Вагн Акисон и Бьерн Уэльсец.

Острова Хьерунгаваг располагались так: посреди залива риф, а чуть севернее — остров под названием Примсигнд. Хьерунд лежал чуть южнее.

Ярл увидел йомсвикингов и построил свои корабли напротив них. Ярл Свейн Хаконарсон, Гудбранд из

Дамуса и Стюркар с острова Грима оказались против Сигвальди. Скегги Эйрир, Сигурд Кусочек Мяса из Халогаланда и Торир Олень против Торкеля. Торкель же Длинный, Халлстейнн Старуха и Торкель Глина — против Буи; Арнмот и его сыновья Арни и Фит против Сигурда Рьяного; ярл Эйрик Хаконарссон, Эрлинг из Скугги и Гейрмунд Белый против Вагна. Эйнар Маленький и Хавард из Флутрунеса против Бьерна Уэльсца. А ярл Хакон остался вне боя, чтобы помочь, кому потребуется. В дружине ярла находилось четверо исландцев. Один из них — Эйнар Ярлов Скальд. Он взошел на нос корабля и сказал: «А я не прочь присоединиться к Сигвальди, скуповат наш ярл». А затем произнес:

*Я поищу ярла, который не прозь
Волков кормить игрою меча.
Я поищу щиты с круглым узором
На высокобортных кораблях Сигвальди.
Сгибатель змей раны меня не удержит,
Когда я увижу воина;
Я принесу мой щит королю морских лыж.*

Ярл понял, что Эйнар хочет перейти к противнику, и позвал его к себе. Затем ярл взял чудесные весы из сверкающего серебра, полностью позолоченные. Еще он достал две гирьки, золотую и серебряную, — на каждой был выгравирован человек. Их называли жребиями судьбы. Особенность этих гирек была в том, что, когда ярл клал их на весы и высказывал пожелание узнать, сбудется ли то, что он задумал, — эти гирьки начинали дрожать в чашах весов и издавали тихий звон. Ярл подарил весы Эйнару и тот был счастлив этим. После его звали Эйнар Звон Весов^{xxxviii}.

Второй исландец по имени Вигфус, сын Глума Убийцы. Третий — Торд Левша и четвертый — Торлейв Поморник, сын Торкеля из Фьорда Дюри. Он вырезал себе в лесу дубину и обжег ее на огне для прочности. Он всюду носил ее с собой, и когда всходил на корабль ярла Эйрика, тот спросил его: «Зачем тебе эта дубина?» Торлейв ответил:

*В руках моих готовая
Дробилка костей Буи,
Угроза для Сигвальди,
Погибель викингов
Хакона защита.
Если буду жив,
Дубина принесет
Несчастье данам^{xxxix}.*

Вигфус был также на корабле ярла Эйрика. Он взял свое копье, наточил его и произнес:

*Предвидим отличную схватку,
Бурю Одина, рядом стугит его посох.
Пусть друг женщин дома лежит.
Скажу, огонь уж любят мужгины женщин,
Их объятья и теплый кров.
А мы тогили копья и ждали другого.*

XXXI

Два флота сошлись и началась жаркая битва, все сражались, не жалея себя. Говорят, что самая страшная сеча шла между Сигвальди и ярлом Хаконном — ни одна сторона не уступала другой. Не видно было побеждающего и в схватке ярла Эйрика с Вагном. А на другом фланге Буи и его брат наносили противнику столь могучие удары, что все бежали от них. Там

корабли сцепились, и Буи устроил переполох в рядах ярловых войск. Когда ярл Эйрик это увидел, он тут же развернул свой отряд и атаковал Буи. Битва продолжалась. Все, что смог сделать ярл в этот момент, это снова выровнять ряды своих кораблей.

Затем ярл Эйрик услышал рев Вагна и его людей, двинулся туда. Тут ярл совершил истинный подвиг и, убивая всех врагов подряд, прорвал их ряды так, что разогнал всех противников на этой стороне. Его корабль Железный Бок напал на отряд Вагна, и битва снова закипела. Все, кто был там, согласны, что не видывали рукопашной схватки, свирепее этой.

XXXII

Тогда Вагн и Аслак Камнедробитель прыгнули на палубу корабля Эйрика и устроили с двух сторон там такую резню, что все попятались от них. Аслак был без шлема, но оружие отскакивало от его головы, как будто то был кусок китового уса^{хl}. Погода стояла отличная, и солнце припекало, многие сбросили одежду. Вагн и Аслак убили многих на корабле ярла, который без толку кричал на своих людей. Наконец Вигфус Вигаглумссон схватил тяжеленную наковальню и метнул ее в голову Аслаку. Острый конец наковальни попал ему в голову, и тут Аслак рухнул мертвым. Тем временем Вагн шел с другой стороны, круша на своем пути всех и вся. Торлейв Поморник бросился на него и ударил своей дубиной. Удар пришелся на шлем и был столь могуч, что шлем раскололся. Вагн прислонился к планширу и заколол Торлейва мечом. Затем он прыгнул за борт на свой корабль и продолжил храбро биться.

Затем ярл Эйрик вывел свой корабль из сражения, поскольку многих его людей постреляли из лу-

ков. Ярл Хакон в свою очередь отступил на берег со своими отрядами, и сражение ненадолго затихло. Когда ярл Хакон встретил сына, то сказал: «Вижу, пока битва идет не в нашу пользу. Как я и думал, это гиблое дело — биться с этими людьми. Наши старания бесплодны, надо что-то придумать. Я выйду на берег, а ты оставайся при ладьях на случай их атаки».

Ярл вышел на берег острова Примсигнд и пошел в лес. Он оборотился лицом к северу^{xi}, пал на колени и стал молиться. В своих молитвах он призывал свою небесную покровительницу Торгерд, Невесту Хельги^{xii}. Но она гневалась и оставалась глуха к его мольбам. Она отвергла его жертвы, и Хакон понял, что дела хуже, чем он думал. Он даже предложил ей человеческие жертвы, но и их она отвергла. Наконец, он предложил ей своего седьмого сына Эрлинга, и эту жертву она приняла. Ярл отдал мальчика рабу Скофти, чтобы тот убил его.

После чего ярл вернулся к кораблям и ободрил своих людей: «Теперь я точно знаю, что мы победим. Вперед, удвоим натиск! С нами сестры Торгерд и Ирпа, мы победим!» Ярл взошел на свой корабль и изготовился к битве. Они пошли вперед, и снова началась рукопашная. Тут на севере стали собираться тучи и, когда день пошел к вечеру, облака закрыли все небо. Ударили молнии, грянул гром, начался страшный шторм. Йомсвикингам пришлось бороться со стихией, но буря оказалась столь сильна, что люди не могли устоять на ногах. Пока была жара, многие сбросили одежду, а теперь подморозило. Но они продолжали бой. Йомсвикинги метали камни, стрелы и короткие копья. Но ветер относил их снаряды назад, и они вместе со стрелами врагов неслись на них самих^{xiii}.

Хавард Дровосек первым увидел Невесту Хельги среди людей Хакона, но и те, что был наделен «вторым зрением»^{xiv}, в свою очередь увидели ее. Когда град поутих, они увидали и стрелы, летящие в йомсвикингов из пальцев чаровницы, и каждая находила себе цель. Это рассказали Сигвальди. Тот изрек: «Я так и думал, что бьемся мы не только с людьми. Но сражаться продолжим, несмотря ни на что».

Когда шторм почему-то поутих, ярл Хакон снова призвал Торгерд, еще раз напомнив, какую жертву он ей принес. Опять началась буря, еще сильнее и яростней прежней. Как только она началась, Хавард Дровосек увидел двух женщин на корабле ярла, колдующих на пару. Тут Сигвальди произнес: «Я отступлю и мои люди тоже. Мы не клялись биться с троллями. А то нам придется еще хуже, ведь их теперь двое». Сигвальди развернул свои корабли и крикнул Вагну и Буи, чтобы и те отступали. Вагн же сказал, что их предводитель достоин всяческого презрения, раз отступает.

И тут Торкель Длинный прыгнул со своей ладьи на корабль Буи и неожиданно рубанул его. Никто не успел и глазом моргнуть. У Буи оказались отрублены губы и подбородок, так что во все стороны полетели зубы. Буи выговорил: «Пожалуй, датская женщина в Борнхольме, чего доброго, откажется теперь меня целовать!» Буи ответил ударом на удар. Торкель поскользнулся на палубе и, пытаясь уклониться, упал. Но удар застиг его лежащим и перерубил талию, так что две половины Торкеля и остались лежать порознь. Тут же Буи схватил сундучки с золотом и заорал: «За борт, люди Буи!» — и прыгнул в море со своим золотом.

Когда Сигвальди покинул свой флот, Вагн сказал такую вису:

*Бросил Сигвальди в беде нас.
Малодушно сбежал,
Спасая шкуру в Дании.
Быстрый он человек,
Вскоре падет в объятия жены,
А Буи бросился храбро в пугину.*

Сигвальди чувствовал жгучий стыд за то, что, первым дав клятву, теперь бежал, оставив других. Тут Вагн метнул копье в Сигвальди, но попал в его рулевого и тот упал мертвым за борт. Торкель Высокий уплыл из боя вместе с Сигвальди, а Сигурд Рьяный после прыжка Буи. Все они решили, что выполнили обет. И на 24 кораблях они отплыли назад, в Данию.

[А говорят еще, что] Сигмунд Брестиссон, великий воин, прыгнул вперед, на корабль Буи и напал на него. Кончилась их схватка тем, что он отрубил у Буи обе кисти. Тогда Буи подхватил под мышки обрубками рук свои шкатулки и закричал: «За борт, люди Буи!»

XXXIV

А Вагн и его люди продолжали защищаться. Все, кто еще мог сражаться из йомсвикингов, собрались на его ладье. Ярл Эйрик и многие другие хевдинги норвежцев бросились на них со своими дружинами, и там завязалась сеча. Коротко говоря, перевес был явно на стороне норвежцев. Люди Вагна погибали один за другим. Остались в живых лишь восемьдесят из них. Когда пришла ночь и стало так темно, что невозможно стало сражаться, ярл Эйрик отозвал всех своих людей, и они отплыли поодаль. Они поставили охрану у своих кораблей и позаботились о безопасности своего ночлега. Им можно было похвастаться великой победой. Они взвесили выпавшие тогда гра-

128

дины, чтобы узнать силу Торгерд и Ирпы. Одна из градин потянула на целый эйрир.

Вагн и Бьерн Уэльсец решали, что же им делать. «Мы должны, — сказал Вагн, — или дожидаться здесь, пока рассветет, и тогда они нас захватят, или же высадиться сейчас на берег — устроить у них переполох, а затем постараться прорваться». Они взяли мачту с реей, и все 80 человек ухватились за них и поплыли во тьме к врагам. Они доплыли до камней, и большинство из них на ногах не стояло от ран и холода. Они не смогли идти дальше, а десять из них там же и умерло за эту ночь.

XXXV

Когда рассвело, норвежцы сидели и перевязывали раны. Вдруг они услышали пение тетивы, и стрела поразила Гудбранда, родственника ярла, который тут же умер. Они бросились к ладьям и обыскали их. На корабле Буи они нашли еще живого Хаварда Дровосека, хотя у него были отрублены ступни. Он спросил: «Кого это я тут убил?» Ему ответили, кого. Хавард вздохнул: «Не та у меня удача, как хотелось, я-то метил сразить ярла». Его тут же убили.

Ярл Эйрик подошел к Торлейву Поморнику и спросил: «Чего это ты выглядишь так, будто стоишь на пороге смерти?» Он ответил: «Кто его знает, почему; разве по причине раны, что мне нанес меч Вагна после того, как я стукнул его дубиной». Ярл сказал: «Потеряв тебя, твой отец будет страдать». Эйнар Звон Весов услышал это и произнес вису:

*Когда отметины ран огня
На рубящем золото видны,
Ярл говорит человеку
Морских коней с южных вод:*

*«Пастух коней колец моря,
Отец твой страдает от этой утраты,
Коль ты умираешь». Мы знаем об этом.*

Тут Торлейв скончался.

XXXVI

Затем норвежцы увидели много людей на прибрежных камнях. Ярл послал воинов взять их в плен. Норвежцы окружили их, но йомсвикинги уже не в силах были сопротивляться. Их — человек семьдесят — увели вглубь берега и привязали к одной веревке. Корабли привели к берегу и бывшее там добро поделили. Затем ярловы люди достали еду и начали пировать, хвастать напропалую. Торкель Глина вызвался быть палачом йомсвикингов. Трех смертельно раненых из них отвязали от веревки, рабы схватили их, закрутив их волосы на палки. Торкель же собрался отрубать головы. Он сказал: «Ну, что, изменится цвет моего лица перед этим делом? Многие говорят, что так случается, когда человек обезглавит троих»^{xiv}. Ярл Эйрик заметил: «По тебе этого не видать, цвет лица не меняется, но все же заметно — ты не совсем в себе».

Затем отвязали четвертого и закрутили его волосы на палку. Этот был очень тяжело ранен. Торкель спросил: «Что ты думаешь о своей смерти?» «Я готов к смерти, — прозвучал ответ, — ведь у меня та же судьба, что и у моего отца». Торкель поинтересовался, в чем там было дело. «Он погиб от одного удара». Тогда Торкель отрубил и ему голову.

Затем вывели вперед пятого. Торкель спросил и у него, что тот думает о смерти. Он ответил: «Я забуду законы йомсвикингов, если испугаюсь смерти и ска-

жу слова о своем страхе. Никто не избежит смерти». Торкель отрубил ему голову. Он и его люди решили тогда задавать тот же вопрос каждому из пленных, перед тем как убить, дабы посмотреть, так ли храбры эти люди, как о них говорят. Они сочли бы достаточным подтверждением йомсвикинговской славы, коли ни один из них не скажет о страхе.

Шестого обреченного вывели вперед и накрутили на палку его волосы. Торкель задал ему тот же вопрос. Он ответил, что лучше умереть с достоинством, «а ты, Торкель, будешь жить с позором». Торкель отрубил ему голову.

Когда вышел седьмой, Торкель повторил свой вопрос. «Я не боюсь смерти, — заявил этот йомсвикинг. — Но сделай одолжение, нанеси мне быстрый удар. Вот у меня в руке нож. Мы, йомсвикинги, частенько спорили, может ли человек что-либо осознавать, если ему очень быстро отрубят голову. Давай-ка, попробуем. Если, расставшись с головой, я воткну нож, значит, я что-то еще чувствовал, а если он упадет — то ничего». Торкель ударил и голова жертвы покатилась, упал и нож.

Затем подняли восьмого, и Торкель повторил вопрос. Когда над ним занесли оружие, он сказал: «Овца». Торкель взял его за руку и спросил, что он сказал. Тот ответил: «Если бы не те овцы, что вы позвали вчера, мы бы вас побили». «Странный парень», — сказал Торкель и обрушил на него удар.

Затем тот же самый вопрос Торкеля услышал девятый пленник. Он ответил: «Я так же безразличен к смерти, как мои сотоварищи. Но я не дам себя забить, как овцу. Я встречу удар лицом к лицу. Ударь прямо в лицо и гляди хорошенько, побледнею ли я, — мы и об этом часто спорили». Ему это позволили, Торкель стал с ним лицом к лицу и ударил его по голове. Тот

не побледнел, но глаза его закрылись, когда смерть настигла его.

Затем вывели десятого, и Торкель повторил вопрос. Тот ответил: «Подожди-ка, пока я облегчусь». «Разрешаю», — сказал Торкель. Когда тот закончил свое дело, то заявил: «Обстоятельства нарушают наши намерения. А собирался-то я переспать с Торой Скагадоттир^{xlvi}, женой ярла». И он завязал битаны — веревочки на штанах. Ярл Хакон сказал: «Рубите ему голову без разговоров, у него безнравственные помыслы». Торкель отрубил ему голову.

XXVII

Следующим вывели юношу с золотыми волосами. Торкель задал ему свой вопрос. Он ответил: «Это было лучшее дело моей жизни. Мне бы очень хотелось совершить еще такое же, не хуже тех, кто пал прежде меня. Но я не хочу, чтобы меня вели на смерть рабы, а пусть это будет воин не менее знатный, чем ты. Найди кого-нибудь, это легко. И держите волосы подальше от шеи, а то волосы мне кровью перемажешь». К нему подошел дружинник и намотал его волосы себя на руки. Торкель замахнулся мечом. Тогда юноша резко откинулся назад, и удар пришелся по рукам державшего его воина. Торкель отрубил ему обе руки по плечи. Юноша встал и спросил: «Чьи это руки зацепились за мои волосы?» Ярл Хакон сказал: «Нехорошо получилось, убейте его и всех остальных, с этими людьми нельзя по-хорошему». Ярл Эйрик добавил: «Надо узнать сначала, кто они. Кто ты, юноша?» Тот представился: «Меня зовут Свейн». Ярл спросил: «А кто твой отец?» Он ответил: «Известен как сын Буи». Ярл спросил: «И сколько же тебе лет?» Тот ответил: «Если переживу этот год, будет восемнадцать».

Ярл ответил: «Переживешь» — и объявил его своим дружинником. Ярл Хакон сказал: «Не пойму, зачем оставлять его в живых, коль он причинил нам такой позор, но решать тебе. Продолжаем рубку голов!»

Наконец, отвязали очередного йомсвикинга, но ноги ему связали. Он был молод, могуч и очень ловок. Торкель спросил, что он думает о смерти. «Это-то меня не волнует, — ответил он, — но вот я выполнил только первую часть клятвы, осталась вторая». Ярл спросил, как его зовут. «Я зовусь Вагн», — отвечал он. «А кто твой отец?» — снова спросил ярл. Тот ответил, что он сын Аки. Ярл снова спросил: «Что это за клятва, которая не дает тебе спокойно умереть?» «А такая, — рассказал он, — что обещал я по прибытии в Норвегию, что возлягу с Ингеборг, дочерью Торкеля Глины, без согласия ее родственников, а самого Торкеля убью». «Не бывать этому!» — закричал Торкель. Он бросился к нему и ударил мечом, который держал обеими руками. Но Бьерн Уэльсец толкнул Вагна ему под ноги, так что Торкель покатился наземь. Удар пришелся мимо, и Торкель замешкался. Он выпустил меч, который, отлетая, рассек пути Вагна. Вагн вскочил, схватил меч и зарубил Торкеля Глину. Вагн заявил: «Теперь я выполнил еще одну часть клятвы, я доволен!» Ярл Хакон закричал: «Убейте его, не дайте убежать!» Ярл Эйрик вмешался: «Он не собирается никого больше убивать». Ярл Хакон сказал: «Тогда я не буду вмешиваться, раз ты все собираешься решать сам». Ярл Эйрик подытожил: «Вагн — великий воин, и я думаю, он заменит Торкеля Глину». Тогда Вагн сказал: «Только если всех нас пощадят, я приму жизнь. У нас будет одна судьба».

Ярл Эйрик отозвался на это так: «Я совсем не против, но сначала хочу поговорить с ними». Он подошел к Бьерну Уэльсцу и спросил его имя. Тот сказал.

Ярл спросил: «А не ты ли тот Бьерн, который храбро вернулся в зал короля Свейна? И еще: что заставило тебя, седого старика, напасть на нас? Может, вы все и вправду наши смертельные враги? Примешь ли ты от меня жизнь?»

Бьерн ответил: «Да, приму, если Вагн, мой приемный сын, и все остальные пленники тоже будут помилованы».

Ярл Эйрик заключил: «Посмотрим, что можно сделать». Он просил отца даровать оставшимся йомсвикингам жизнь. Ярл Хакон разрешил ему поступать по собственному разумению. Йомсвикингов освободили и скрепили договор с ними взаимными клятвами.

XXXVIII

Затем ярл Эйрик разрешил Вагну поехать в Вик и жениться на Ингеборг, если он захочет. Вагн там провел зиму. А весной отправился на юг, в Данию, в свои владения в Фюне, и долго там оставался. Много славных людей вело свой род от него и Ингеборг, которая была достойной женщиной.

Бьерн же отправился в Уэльс, где и правил до своей кончины, и о нем шла слава великого воина.

Когда Сигвальди вернулся в Данию, он отправился в свои земли в Съеланде. Астрид, его жена, ждала его и истопила для него баню, стала его мыть. Она сказала: «Я думаю, что некоторые йомсвикинги вернулись из боев не с такой целой кожей, твою кожу можно усыпать пудрой». От ответил: «Не знаешь ты, о чем говоришь. Но можешь дожить до того времени, когда узнаешь, каково мне сейчас. Так что прими все, как есть».

Сигвальди правил Съеландом и славился мудростью. О нем рассказывается во многих сагах^{xlvii}.

Торкель Высокий был искушенным человеком, что много раз подтверждал. Сигурд Рьяный правил в Борнхольме и слыл достойным человеком. Многие люди происходят от него и Товы.

Буи, часто говорят, превратился в змея и охранял свое золото. Лучшее тому свидетельство — что этого змея видели в Хьерунгаваге. Хотя, может быть, это какая-то иная нечисть поселилась возле утопленного золота и появлялась там с тех пор^{xlviii}.

Ярл Хакон широко прославился битвой с йомсвикингами, но его правление в Норвегии продлилось недолго. Знаменитый конунг Олав Трюггвасон вторгся в Норвегию — история о том, как ярл Хакон расстался с жизнью, рассказывается в королевских сагах. Вся Норвегия была крещена при конунге Олаве.

Так кончается сага об йомсвикингах.

ПРИМЕЧАНИЯ К «САГЕ О ЙОМСВИКИНГАХ»

ⁱ Конунг Горм — «мифический» дед Горма Старого, упоминается также в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (Сахо, IX). Однако у Саксона отца Горма Старого зовут Харальдом, причем специально поясняется, что его свершения и подвиги «наполовину забыты». В «Саге о йомсвикингах» отца Горма Старого зовут Кнут. В обоих случаях, видимо, имена отца Горма Старого реконструированы средневековыми авторами, которые ориентировались на распространенный обычай называть внука в честь последнего умершего родственника, чаще всего деда (*Успенский Ф.Б. Имя и власть. Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001; Успенский А.Ф., Литвина Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 31—70*). Скорее всего, таким же образом реконструировано по аналогии с именем внука и имя деда Горма Старого — Горма. В обоих источниках упоминаются два сына Горма Старого — Харальд и Кнут. Судьбы сыновей Горма Старого в двух текстах в целом совпадают. Кнут гибнет, а Харальд наследует престол.

ⁱⁱ Германский император Карл — речь идет о Карле Великом. Время правления Карла Великого является здесь условным и собирательным «эпическим временем»,

«славным героическим прошлым», неким сказочным доисторическим периодом. Однако Карл Великий (742—814 гг.), осуществляя экспансию на Запад, неоднократно выступал и как противник, и как союзник древнейших датских правителей.

ⁱⁱⁱ Мотив инцеста — один из распространенных элементов эпического повествования, обычно в эпосе дети от инцестуозных браков отличались исключительными качествами. В «Саге о Вельсунгах» брат и сестра Сигмунд и Сигни зачали наследника рода Вельсунгов, выдающегося героя Синфьетли.

^{iv} Слово *knútr* означает «узел». Здесь в тексте контаминируются два мотива «оставленного ребенка» и «обретенного младенца-короля». Первый из них хорошо известен в качестве одного из основных мотивов волшебной сказки, второй в скандинавской традиции наиболее ярко воплощен в повествовании о происхождении норвежской династии Скильдингов (Скьельдингов), предка этой династии младенца-Скильда прибывает к берегу в лодке. Подразумевается, что Скильд прибывает из страны либо альвов, либо богов-асов. В «Саге об Инглингах» он назван сыном Одина, у Саксона Грамматика — внуком героя-эпонима Дана, в «Беовульфе» — сыном неизвестного Скева. В «Саге о йомсвикингах» к фольклорным мотивам добавлена «историзирующая» рационализация: ярл Арнфинн велит проследить, что станет с ребенком, вероятно, он заранее рассчитывает, что его подберет его друг Горм. А конунг Горм оценивает богатый инвентарь колыбели и делает вывод, что ребенок из хорошего рода и его стоит взять на воспитание. Кстати, и детализирующий мотив «роскошных пеленок» и «сопроводительных» драгоценностей присутствует и в рассказах о легендарном прародителе династии Скильде. Обычай «аталычества», т.е. передачи ребенка на воспитание, был широко распространен, однако, если это делалось официально,

символически принимающий мальчика человек признавал себя уступающим в статусе его отцу. Так, например, сын норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого Хакон (Добрый или Воспитанник Адальстейна) был обманом посажен на колени (обряд взятия на воспитания) английскому королю, который чуть не убил его, но испугался мести со стороны сыновей Харальда. Дядькой при Хаконе выступал некий Хаук Длинные Чулки, который и «провернул» эту интригу. Судьба Хакона удивительным образом напоминает биографию русского князя Владимира Святославича. Оба были сыновьями от рабыни, обоих воспитывали дядьки — Добрыня и Хаук. Оба были крещены и прославились как устроители своих государств.

^v Горм Старый — легендарный конунг Дании, правил приблизительно между 936 и 950 гг. В настоящее время признается реальным основателем и первым правителем Датской державы. Он упоминается в исторических источниках (в хрониках Адама Бременского и Саксона Грамматика), также известен поминальный камень, который Горм воздвиг в память о своей жене Тюре, названной в высеченной на камне эпитафии «красой Дании». Известен и раскопан курган Горма, останки которого его сын Харальд Синезубый перенес в церковь и, вероятно, посмертно окрестил. На стеле, воздвигнутой Харальдом, также упоминаются Горм и Тюра: «Конунг Харальд воздвиг этот камень по своему отцу Горму и своей матери Тюре. Харальд подчинил себе всю Данию и Норвегию и обратил всех данов в христианскую веру». Обычай крещения останков правителей и перенесения их в храмы зафиксирован на Руси, в 1044 г. были крещены и перенесены в Десятинную церковь останки братьев Владимира Святого Ярополка и Олега, погибших в княжеской распре. Строительство первых церквей на месте элитных погребальных комплексов практиковалось и на Руси,

именно на месте дружинного могильника была возведена Десятинная церковь в Киеве (Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004, № 1. С. 35–45).

^{vi} Агрессивное сватовство — реальность традиционного общества и один из центральных эпических мотивов. Мотив агрессивного сватовства является одним из инвариантов древнейшего «бродячего сюжета» «борьбы за женщину». Самый известный пример в русской летописной традиции — сватовство киевского князя Владимира Святославича к византийской царевне Анне (ПВЛ. С. 50). Владимир свое сватовство начал с осады и взятия города Корсунь, и только после этого начал переговоры о свадьбе с византийском двором.

^{vii} Перед нами контаминация общефольклорных мотивов вещего сна и гадания о суженой (ср. русскую поговорку «На новом месте — невеста снится»). У Саксона Грамматика приведен другой вариант, согласно которому Тюра просит Горма не лишать ее девственности в первые три ночи после свадьбы, в течение которых она видит вещие сны (Сахо, IX).

^{viii} Возможно, перед нами рудимент более ранней версии сюжета, в котором конунг строил дом и спал в нем, не уезжая из земли ярла. В этом случае строительство дома и три ночи в нем были предсвадебными испытаниями жениха.

^{ix} Рог в традициях индоевропейских народов считался символом изобилия, поскольку рог был метонимическим символом быка. Питьевые рога — ритоны — были широко известны у разных народов в Евразии, в том числе у скандинавов.

^x Образ быка в индоевропейской традиции был связан с культом плодородия.

^{xi} Праздник середины зимы у скандинавов, день зимнего солнцестояния, в христианское время совпадал с Рождеством Христовым.

^{xii} Мотив «внеурочного цветения» — типично сказочный, современному читателю он известен по сказке «Двенадцать месяцев».

^{xiii} В предыдущем случае в качестве толковательницы слов и активной героиней выступила Тюра, а ярл отказывается решать вопрос с женитьбой. В этот же раз в качестве знатока толкований выступает ярл. В саге дублируются образы «мудрой невесты» и «мудрого тестя». Возможно, перед нами следы сводки нескольких версий в одной саге.

^{xiv} Мотив выдвижения «юных» и отлучение от власти старых мужей присутствует в «Повести временных лет» и в Предисловии к Новгородской первой летописи, отражающем Предисловие к реконструируемому текстологами «Начальному своду» 90-х гг. XI в., предшествовавшего ПВЛ. Такие мотивы отражают процесс превращения дружины из «братства воинов», ориентированного на вождя, в страту раннефеодального общества, со своей внутренней иерархией. Одновременно меняются задачи дружинников, кроме воинской службы и торгово-дипломатических миссий, они начинают все больше выполнять задачи «функционеров» раннего государства. В некрологе князю Всеволоду Ярославичу (ум. 1093) летописец, передавая мнение старой дружинной знати, отмечает: «[Всеволод] нача любити смыслъ уных, светъ творя с ними, си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавали...» В Предисловии к Начальному своду, созданному примерно в это же время, звучат аналогичные «ноты» протеста против «феодальной действительности»: «[древние князья и их мужи] не збираху многа имения ни творимых виръ ни продаж въскладаху на люди но оже будяше правая вира а ту возмя дааше дружине на оружье». В «Саге об Эгиле Скаллаgrimссоне» описыва-

ется «образцовая феодальная карьера», которую сделал сын Эгиля Торольв в войске Харальда Прекрасноволосого (сын Хальвдана Черного, норвежский конунг в 863—928 гг.). Очень характерно, что Эгиль не одобряет выбор сына, в саге отмечается, что, став королевским ленником, Торольв попытался занять место более достойное, чем его отец и старший брат. Таким образом, новые возможности социальной мобильности, которые предоставляет правитель, одновременно отчуждают дружинника от родовых связей (*Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 59—62).

^{xv} Этельстан — английский король Этельстан (ок. 895 — 27 октября 939 г.), правил с 924 г.

^{xvi} Рагнар Кожаные Штаны — сын Сигурда Кольца, IX в., легендарный викинг, прославился походами на Англию и Францию. Был взят в плен англичанами и брошен в яму со змеями.

^{xvii} Курган Горма был хорошо известен в историческое время — его сын Харальд Синезубый после принятия христианства эксгумировал тела отца и матери Тюры и переместил их в могилу в нововозведенной церкви. До этого Горм и Тюра были похоронены в одном кургане в общей погребальной камере. Тюра «краса Дании» умерла раньше мужа, который поставил в ее память поминальный камень. Харальд Синезубый тоже воздвиг подобный камень по своим родителям.

^{xviii} Харальд Серый Плащ, сын Эйрика, норвежский конунг в 960—965 гг.

^{xix} Хакон Могучий, сын Сигмунда, первоначально ярл Хладира, норвежский правитель (ок. 970—995, ум. 995).

^{xx} Оттон — германский император Оттон II (правил с 973 по 983 г.). Война между Харальдом и Оттоном II закончилась прорывом Датского вала и поражением Харальда.

^{xxi} Олав Трюггвасон — родился примерно в 968 или 969 г., погиб в сражении в 1000 г., норвежский конунг в 995—1000 гг. Был одним из самых знаменитых конунгов и воинов (в сагах отмечается его умение метать сразу два копья обеими руками) своего времени. Отец Олава был убит в борьбе за власть с сыновьями Эйрика Кровавой Секиры. Олав совершил походы практически во все уголки тогдашней ойкумены — в Англию, Ирландию, Уэльс, Францию, на Русь (где служил при дворе русского князя Владимира Святославича и способствовал крещению Руси), на побережье Балтики. Около 995 г. он принял христианство. Примерно в это же время он захватил норвежский престол, изгнав ярла Хакона. Примерно в 999 или 1000 г. Олав погиб в морском сражении, проиграв объединенному войску датского конунга Свейна, шведского конунга Олава Шетконунга и ярла Эйрика, сына ярла Хакона. Однако после его смерти ходили рассказы, которым, впрочем, не доверял уже Снорри Стурлусон, что Олав спасся и уплыл на корабле в Вендланд. Предводитель йомсвикингов Сигвальди прибыл на бой в составе войска Олава Трюггвасона, но предал его и в битве не принял участие, что в очередной раз спасло ему жизнь.

^{xxii} Изгои — люди, изгнанные из рода за различные преступления или добровольно разорвавшие родовые связи. Изгои были первостепенными кандидатами в дружинники первых правителей. Характерно, что Русская Правда при оценке жизни разных категорий населения выделяла дружинников-«русинов» («гридей», «ябетников», «купчин»), т.е. окружение князя; «словен», т.е. представителей славянских «племен»; и «изгоев», уже не принадлежащих роду, но еще не попавших в этносоциальную категорию «русь».

^{xxiii} Вейцла — объезд земель, сбор дани и кормление дружины конунга, аналогичен по своим функциям древнерусскому полюдью (об этом типе «блуждающего госу-

дарственного аппарата» см. подробнее: *Кобищанов Ю.М.* Полюдые: явления отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995).

^{xxiv} Это имя и прозвище можно перевести как Аса-Черная или Аса-Коготь.

^{xxv} Именование внебрачных детей по матери известно и в Древней Руси, например, сына галичского князя Ярослава Владимировича звали Олег Настасьич, по имени его матери Анастасии из боярского рода Чагров.

^{xxvi} Имеется в виду один из князей поморских славян «вендов». На дочери славянского князя Мстивоя Тове был женат Харальд Синезубый. Возможно, Мстивой и Бурицлейв (Бурислав?) происходили из одного княжеского рода. Во время конфликта с сыном Свейном Харальд Синезубый скрывался в земле вендов.

^{xxvii} Йомсборг — судя по саге — легендарный город викингов, однако, возможным прототипом этого легендарного локуса является г. Волин, упоминаемый в хрониках как Юмне (Юмнета). Исторический Волин, по данным археологии, представлял собой крупное торгово-ремесленное поселение («вик»), населенное славянами, скандинавами и балтами. Первые укрепления сооружены в IX в., в середине X в. возводятся новые укрепления, к этому же времени относится и крупный могильник.

^{xxviii} Мотив недетского, чересчур взрослого поведения отличает самых знаменитых воинов саг. Самый известный пример — убийство Эгилем Скаллаgrimссоном мальчика, обидевшего его во время игры.

^{xxix} Бледность, молчаливость, зоркость, замкнутость, нелюбовь к домашним животным и хорошие отношения с дикими зверями, высокий рост, экстраординарная сила и ловкость, безобразие или, наоборот, красота — считались у скандинавов (как и у других индоевропейских народов) признаками нечеловеческого происхождения

героев, их родства с оборотнями, альвами, троллями, иногда асами и ванами.

^{xxx} То есть «виру», компенсацию ущерба.

^{xxxi} Чаше всего считали в эйрирах. Эйрир — единица веса, 27 граммов, восьмая часть марки и одновременно денежная единица (золото или серебро, последнее чаше).

^{xxxii} Приход на тинг с оружием — нонсенс и вызов общественным нормам, на время тингов обычно объявлялось перемирие, редкое исключение составляет знаменитая схватка на тинге после убийства Ньяля Сожженного (ок. 1012), чем это событие и запомнилось в качестве экстраординарного эпизода исландской истории.

^{xxxiii} Означает «вождь», «предводитель», «главарь», «глава большого рода», «глава большой области».

^{xxxiv} Дружина знаменитого древнерусского воеводы Свенельда в ПВЛ названа «отроками». Можно предположить, что в отряд воеводы входили исключительно представители определенного возрастного класса — «неженатые юноши», которые отличались от взрослых воинов «мужей» из княжеской дружины.

^{xxxv} Подозрения и обвинения в женственности и пассивном гомосексуализме были самыми тяжкими оскорблениями в дружинах, как и во всех воинских подразделениях, всех времен и народов. В «Старшей Эдде» в перебранках асы периодически в шутку и всерьез попрекают друг друга превращением в существ женского пола и «содомском грехе». (В песне «Перебранка Локи» Один говорит о Локи: «рожал там детей, ты — муж женовидный»; Локи отвечает: «А ты... бил в барабан, колдовал средь людей, как делают ведьмы — ты, муж женовидный»; Ньерд о Локи: «хуже, что ас женовидный, рожавший, на пир наш пришел»; Локи ему отвечает: «Дочери Хюмира в рот твой мочились, как будто в корыто».) В «Саге о Гисли» после отказа от поединка бонд Скегги делает из дерева две фигуры — отказавшегося драться Кольбьерна и

его предполагаемого свойственника Гисли, опоздавшего на поединок, и устанавливает их так, что «один стоит позади другого, и пусть этот срам навсегда остается здесь им в поношение». Гисли в следующем поединке побеждает своего обидчика, мстя за оскорбление. Определение «argg» в древнеисландском означало и «трусливый», и «сексуально извращенный».

^{xxxvi} Этельред — английский король Этельред II Неразумный (968 — 23 апреля 1016 г.). Был действительно изгнан Свейном из Англии, бежал в Нормандию, после смерти Свейна снова избран советом англо-саксонской знати на престол, умер во время войны с сыном Свейна Кнутом Могучим.

^{xxxvii} Означает «держатель земли».

^{xxxviii} Эйнар Звон Весов — сын Хельги (умер ок. 995), знаменитый скальд, служивший при дворе ярла Хакона Могучего. В саге мы находим важную деталь, весы исполняли магическую функцию, с их помощью производилось гадание о будущем. Весы достаточно часто находят в курганах богатых и знатных скандинавов. До сих пор это справедливо считалось исключительно маркером профессии купца, однако, наряду с огнивом и ножом, весы, видимо, выполняли еще и магико-знаковые функции в погребальном ритуале.

^{xxxix} Возможно, йомсвикингов молва приравнивала к берсеркам, которых, по поверью, не берет железное оружие, им-де невозможно нанести раны лезвием клинков. Однако их можно было уничтожить камнями и деревянными орудиями.

^{xl} Берсерк — воин, впадающий в боевое неистовство, нечувствительный к боли. Состояние боевого транса достигалось либо с помощью галлюциногенов, либо вызывалось психическими отклонениями. В скандинавской мифологии Берсерком звали внука героя с хтоническими чертами Старкада, который был известен

безудержной яростью во время боя, а также тем, что дрался без доспехов.

^{xli} По представлениям скандинавов там располагался Хель, и обитали вредоносные духи и существа (тролли, драконы).

^{xlii} Скорее всего речь идет о своеобразных «анти-валькириях», «ночных всадницах», которых упоминает Один в качестве своих противников в «Старшей Эдде». В «Младшей Эдде» есть упоминание «богини» «Торгерд, невесты Хельги». Эпитет «невеста Хельги», наверное, как-то связан с историей о том, как невеста Хельги Сигрун живой вошла в курган за своим женихом.

^{xliii} Типичный эпический мотив, когда заколдованное оружие обращается против своего хозяина, здесь также «рационализирован», движению стрел и копий мешает ветер.

^{xliv} Способность видеть альвов, троллей, асов и видеть истинный облик оборотней, а также различать «проходы» в «иные» миры, где эти сверхъестественные существа обитают.

^{xlv} Возможно, входит во вкус убийств и становится волком-оборотнем.

^{xlvi} Торой, дочерью Скаги.

^{xlvii} В сагах упоминается его сын Гюрд, в рунических надписях упомянут также Гюрд, брат Сигвальди из Йомссейда, видимо, представитель этой же семьи.

^{xlviii} Охраняющий золото человек или альв постепенно превращается в дракона, так в «Старшей Эдде» драконий облик принял брат Регина Фафнир, которого убил герой Сигурд, сын Сигмунда. Согласно «Саге о фарерцах» Буи бился огромной двусторонней секирой, видимо, он впал в боевой транс берсерка, с ним в поединок вступил Сигмунд, сын Брестира. Сигмунд умел драться обеими руками и перебрасывать оружие из руки в руку, этот прием помог ему отрубить кисти Буи, который после этого бро-

сился в море. Разные источники по-разному передают детали этого эпизода — часть называет просто смертельную рану Буи, некоторые версии описания гибели этого вождя йомсвикингов уточняют, что у него были отрублены кисти рук. Может быть, именно эта деталь стала причиной рождения легенды о том, что потерявший конечности Буи стал змеем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. «КРУГ ЗЕМНОЙ» СНОРРИ СТУРЛУСОНА О ЙОМСВИКИНГАХ

(Цитируется по изданию: Снорри Стурлуссон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995. С. 119—125; 158—162; 165—166; 170—171; 391—392).

Снорри Стурлусон считается автором свода королевских саг «Круг Земной» и своеобразного «учебника» скальдической поэзии «Младшей Эдды». Снорри был одним из видных политических деятелей Исландии, происходил из знатного рода, родился в 1178 (1179) г., в 1241 г. он был убит. Грандиозная история норвежских конунгов «Круг» была создана в начале XIII в. По предположению М.И. Стеблина-Каменского, «Сага о йомсвикингах» (по крайней мере ее протограф) была тогда уже записана и, возможно, стала источником «Круга».

1. Сага об Олафе, сыне Трюггви

XXXV

Свейн, сын Харальда конунга, тот, что потом был прозван Вилобородым, потребовал от Харальда конунга, своего отца, чтобы тот поделил с ним власть. Но, как это было и раньше, Харальд конунг не захотел делить попо-

лам датскую державу и уступать ему власть. Тогда Свейн снаряжает себе боевые корабли и говорит, что он хочет отправиться в викингский поход. Когда все его войско собралось и к нему присоединился от йомсвикингов Пальнатоки, Свейн поплыл к Сьяланду и вошел в Исафьорд. А там стоял со своими кораблями Харальд конунг, его отец, и собирался в поход. Свейн вступил с ним в бой. Битва была ожесточенной. К Харальду конунгу стеклось много народу, так что численный перевес оказался на его стороне, и Свейн потерпел поражение и бежал. Но Харальд конунг получил раны, от которых умер.

И вот Свейн был провозглашен конунгом Дании. Тогда ярлом Йомсборга в Стране Вендов был Сигвальди. Он был сыном Струтхаральда конунга, который правил в Сканий. Братьями Сигвальди были Хеминг и Торкель Высокий. Вождями йомсвикингов были тогда также Буи Толстый с Боргундархольма и Сигурд, его брат. Там был также Вагн, сын Аки и Торгунны, племянник Буи и Сигурда. Сигвальди ярл — а он был женат на Астрид, дочери Бурицлава конунга, — захватил Свейна конунга и отвез его в Йомсборг в Стране Вендов. Он заставил его помириться с Бурицлавом, конунгом вендов, и принять его, ярла, решение об условиях примирения. В противном случае, грозил ярл, он выдаст Свейна конунга в руки вендов. Так как конунг знал, что они замучат его до смерти, он согласился на решение ярла: Свейн конунг должен был жениться на Гуннхильд, дочери Бурицлава конунга, а Бурицлав конунг должен был жениться на Тюри, дочери Харальда и сестре Свейна конунга, и оба сохраняют власть в своих державах, и между ними будет мир. И вот Свейн конунг вернулся в Данию с Гуннхильд, своей женой. Их сыновьями были Харальд и Кнут Могучий.

В то время датчане очень грозились пойти походом в Норвегию против Хакона ярла.

Свейн конунг дал большой пир и пригласил на него всех вождей своей державы. Он хотел справить тризну по Харальду, своему отцу. Незадолго до этого умерли также Струтхаральд в Сканей и Весети с Боргундар-хольма, отец Буи Толстого и Сигурда. Конунг послал сказать йомсвикингам, чтобы Сигвальди ярл и Буи и братья обоих приехали справить тризну и по своим отцам на пиру, что дает конунг. Йомсвикинги поехали на пир со всеми своими самыми доблестными людьми. У них было сорок кораблей из Страны Вендов и двадцать — из Сканей. На пир собралось очень много народу.

В первый день пира, прежде чем Свейн конунг взошел на престол своего отца, он поднял кубок в его память и дал обет, что до того, как пройдут три года, он пойдет походом на Англию и убьет Адальрада конунга или прогонит его из страны. Этот кубок должны были пить все, кто был на пиру. Вождам йомсвикингов наливали в самые большие рога и напиток — самый крепкий из тех, что там были. Когда этот кубок был выпит, все должны были выпить кубок в память Христа. И снова йомсвикингам наливали доплна и самого крепкого напитка. Третий кубок был в память Михаила, и все должны были его выпить. После этого Сигвальди ярл поднял кубок в память своего отца и дал обет, что до того, как пройдет три года, он пойдет походом в Норвегию и убьет Хакона ярла или прогонит его из страны. Затем Торкель Высокий, его брат, дал обет последовать за Сигвальди в Норвегию и не отступать в битве, пока Сигвальди будет сражаться. Затем Буи Толстый дал обет пойти походом в Норвегию с ними и не отступать в битве против Хакона ярла. Затем Сигурд, его брат, дал обет пойти походом в Норвегию и не отступать, пока большая часть йомсвикингов будет сражаться. Затем Ваги, сын Аки, дал обет пойти с ними в поход в Норвегию и не возвращаться, пока он не убьет Торкеля Глину

и не ляжет в постель с Ингибьерг, его дочерью. Многие другие вожди тоже дали различные обеты.

Весь день люди правили тризну. А на следующее утро, когда Йомсвикинги отрезвели, они поняли, что наговорили лишнего, и стали совещаться и обсуждать, как взяться за осуществление похода, и решили снаряжаться как можно скорее. И вот они снаряжают свои корабли и войско. А слава об их замысле разнеслась по странам.

XXXVI

Ярл Эйрик, сын Хакона, тоже услышал о том, что произошло. Он был тогда в Раумарики. Он сразу же собрал войско и направился в Уппленд и дальше на север через горы в Трандхейм к Хакону ярлу, своему отцу. Об этом говорит Торд, сын Кольбейна, в драпе об Эйрике:

И окрест летели

Зловещие вести

О походе датском

Полня страхом бондов.

Скоро сведал кормгий

Створы вод: на юге

К Эгирову лугу

Кони вод спустились.

XXXVII

Хакон ярл и Эйрик ярл велют разослать ратную стрелу по всему Трендалегу, дают знать в оба Мера и Раумсдаль, а также на север в Наумудаль и Халогаланд и призывают все ополчение — войско и корабли. В драпе об Эйрике говорится так:

Много быстрых стругов

И ладей по глади

Князь пустил, — так полнись

Хвалой песня скальда

Когда с кругом сеги

Отгий край от вражьих

Ратей он ретиво

Ограждал, друг враний.

Хакон ярл направился сразу в Мер на разведку и для сбора войска, а Эйрик ярл собрал войско и двинулся на юг.

XXXVIII

Йомсвикинги направились со своим войском в Лима-фьорд, а оттуда они вышли в море и приплыли в Агдир с шестьюдесятью кораблями. Затем они сразу же поплыли со своим войском на север в Рогаланд. Они начали разорять страну, как только оказались во владениях Хакона ярла, и так поплыли на север вдоль побережья, все разоряя.

Одного человека звали Гейрмунд. Он плыл на быстроходной ладье, и с ним было несколько человек. Он добрался до Мера и застал там Хакона ярла. Он пришел к нему, когда тот сидел за столом, и сообщил ему, что на юге страны появилось войско, приплывшее из Дании. Ярл спросил, верное ли это известие. Гейрмунд поднял свою руку, на которой была отрублена кисть, и сказал, что это достаточное доказательство того, что в страну вторглось войско. Тогда ярл стал подробно расспрашивать его об этом войске. Гейрмунд сказал, что это йомсвикинги:

— Они перебили много народа и повсюду грабили, — сказал он. — Но они движутся быстро и поспешно. Я полагаю, что очень скоро они нагрянут сюда.

Тогда ярл поплыл по всем фьордам вдоль одного берега и назад по другому. Он плыл день и ночь и послал своих лазутчиков верхним путем через Эйд, а также на север, где Эйрик плыл с войском. Об этом говорится в драпе об Эйрике:

*И, покорны ярлу,
Мгались кони магты,
Встречи в поле сельди
С Сигвальди искали.*

*Гнулаь снасть, но смерти
Мужи не страшились,
Лесом весел тропы
Ската рассекая.*

Эйрик ярл плыл с войском на юг так быстро, как только мог.

XXXIX

Сигвальди ярл плыл со своим войском на север, огибая мыс Стад, и сперва стал у островов Херейяр. Местные жители, которых викинги встречали, никогда не говорили правды о том, что ярлы предпринимают.

Викинги разорjali все на своем пути. Они остановились у острова Хед, сошли на берег и стали грабить. Они отправляли на корабли пленных и скот и убивали всех, способных носить оружие. Когда они возвращались на корабли, к ним подошел один старик, а тут как раз был Буи и его люди. Старик сказал:

— Не так вы ведете себя, как подобает воинам, — гоните к берегу коров и телят. Для вас было бы более удачной охотой взять медведя, который сейчас так близко от медвежьей ямы.

— Что это там сказал старик? — говорят они. — Не можешь ли ты нам сказать что-нибудь о Хаконе ярле?

Старик говорит:

— Он вчера приплыл в Херундарфьорд. У него был один или два корабля, самое большее — три, и он ничего не слышал о вас.

Буи и его люди сразу же побежали к кораблям и бросили всю свою добычу. Буи сказал:

— Воспользуемся тем, что мы только что узнали, и тогда мы первые одержим победу!

Они сели на корабли и вышли в море. Сигвальди окликнул их и спросил, что слышно. Они крикнули, что Хакон ярл во фьорде. Тогда ярл велит сниматься с якоря, и они огибают с севера остров Хед и направляются во фьорд.

XL

Хакон ярл и Эйрик ярл, его сын, стояли в Халлькельсвике. Там собралось все их войско. У них было полторы сотни кораблей, и они уже знали, что йомсвикинги стали у острова Хед. И вот ярлы направились с юга навстречу им, и когда они подошли к заливу, который называется Хьерунгаваг, они столкнулись с йомсвикингами. Обе стороны приготовились к бою. В середине строя кораблей йомсвикингов было знамя Сигвальди ярла. Туда Хакон ярл направил свой натиск. У Сигвальди ярла было двадцать кораблей, у Хакона — шестьдесят. В войске Хакона ярла предводителями были Торир Олень из Халогаланда и Стюркар из Гимсара. На одном крыле йомсвикингов были Буи Толстый и Сигурд, его брат, с двадцатью кораблями. Против них ярл Эйрик, сын Хакона, направил шестьдесят кораблей. Предводителями у него были Гудбранд Белый из Уппленда и Торкель Глина из Вика. На другом крыле йомсвикингов расположился Вагн, сын Аки, с двадцатью кораблями, а против него — Свейн, сын Хакона, и с ним Сгегги из Уппхауга в Ирьяре и Регнвальд из Эрвика на Стаде с шестьюдесятью кораблями. В драпе об Эйрике говорится так:

*К ратным встречам резво
Плыли звери спасти
Датские в исходе
Дальнего похода.*

*От златолюбивых
Их скоро огистил
Ярл, и уносило
Горы трупов море.*

Эйвинд Погубитель Скальдов говорит в Перечне Халлейгов так:

*И навряд
В этой встрече
Повезло*

*Против них
Вожди народов,
И табун*

*Злотворцам Фрейра,
Когда пошли
С кораблями*

*Буруна двинул
Ас брони
На свирепых.*

И вот ряды кораблей сошлись, и разгорелась ожесточеннейшая битва. Много народу гибло с обеих сторон, но гораздо больше гибло в войске Хакона, ибо йомсвикинги сражались храбро, смело и отчаянно и насквозь пробивали щиты оружием. На Хакона ярла натиск был так силен, что его кольчуга вся порвалась, и ему пришлось сбросить ее. Тинд, сын Халлькеля, говорит так:

*Нет, не Герд уборов
Нарядная ярлу —
Громге пламень битвы
Пел - постель стелила.
Когда иссегенный
Был средь войска смелый*

*Плащ. Драконы поприщ
Свейди опустели.
И когда кольчуга
С плег слетела ярла,
Одинов он скинул
Отлиген облигьем.*

ХЛІ

У йомсвикингов корабли были крупнее и с более высоким бортом, но обе стороны наступали очень рьяно. Вагн, сын Аки, стал так теснить корабль Свейна, сына Хакона, что Свейн велел табанить и чуть не обратился в бегство. Тут Эйрик ярл подплыл туда во главе других своих кораблей и стал теснить Вагна. Вагн велел табанить, и корабли вернулись в прежнее положение. Тогда Эйрик возвратился к другим своим кораблям. Теперь люди Эйрика стали табанить, так как Буи перерубил канаты, связывавшие его корабли, и стал теснить корабли Эйрика. Эйрик поставил тогда свой корабль борт о борт с кораблем Буи, и завязался ожесточенный рукопашный бой. Два или три корабля Эйрика теснили один корабль Буи. Но тут вдруг поднялась непогода,

и пошел такой крупный град, что одна градина весила эйрир. Тогда Сигвальди перерубил канаты, связывавшие его корабли, и повернул свой корабль, чтобы бежать. Вагн, сын Аки, окликнул его, призывая вернуться. Но Сигвальди ярл не стал его слушать. Тогда Вагн метнул в него копье и попал в того, кто сидел у руля. Сигвальди ярл уплыл прочь с тридцатью пятью кораблями, и у йомсвикингов осталось только двадцать пять кораблей.

Тут Хакон ярл подвел свой корабль к другому борту корабля Буи, и удары посыпались на людей Буи. Вигфусс, сын Глума Убийцы, схватил с палубы наковальню, на которой кто-то выпрямлял рукоять своего меча. Вигфусс был силач каких мало. Он метнул наковальню двумя руками и попал в голову Аслаку Лысому, так что острый конец наковальни вонзился в мозги. До этого Аслака не брало никакое оружие, и он рубил на обе стороны. Он был приемным сыном Буи и во время боя стоял на носу корабля. Рядом с ним стоял Хавард Рубака. Он был силач и храбрец каких мало. И вот люди Эйрика ворвались на корабль Буи, а потом и на корму, где был Буи. Торстейн Долговязый нанес Буи удар поперек лба и рассек его шлем, так что Буи был сильно ранен. Буи тогда нанес Торстейну удар мечом сбоку, так что тот был разрублен пополам, в поясице. Тут Буи схватил два ларца, полные золота, и крикнул громко:

— За борт, все люди Буи!

И Буи бросился за борт с ларцами, и многие его люди тоже прыгнули за борт, а другие были сражены на корабле, ибо просить о пощаде было бесполезно. Так весь корабль Буи был очищен от людей от носа до кормы, а потом и другие его корабли один за другим.

Тут Эйрик ярл стал теснить корабль Вагна. Он встретил там ожесточенное сопротивление, но в конце концов их корабль был тоже очищен от людей, а Вагн и с ним

тридцать человек взяты в плен и связанными отвезены на берег. Торкель Глина подошел к ним и сказал:

— Ты дал обет, Вагн, убить меня, но похоже на то, что это я убью тебя!

Вагн и его люди сидели все вместе на бревне. У Торкеля была в руках большая секира. Он зарубил того, кто сидел на бревне с краю. Вагн и его люди были связаны так, что одна и та же веревка скручивала их ноги, а руки у них были свободны. Один из них сказал:

— У меня в руке нож, я его воткну в землю, если еще буду понимать что-нибудь, когда у меня будет отрублена голова.

Голова слетела у него с плеч, и нож выпал у него из руки. Среди них был красавец с длинными волосами. Он закинул волосы вперед, подставил шею и сказал:

— Не замажьте мне кровью волосы.

Один человек взял рукой его волосы и стал их крепко держать. Торкель взмахнул секирой. Викинг отдернул голову, и тот, кто держал его волосы, подался вперед. Секира обрушилась на его руки, отсекала их и врезалась в землю. Тут подошел Эйрик ярл и спросил:

— Кто этот красавец?

— Меня зовут Сигурд, — ответил тот, — и я считаюсь сыном Буи.

Эйрик говорит:

— Ты, наверно, и в самом деле сын Буи. Хочешь, я подарю тебе жизнь?

— Смотря кто ее мне дарит, — отвечает Сигурд.

— Тот дарит, — говорит ярл, — кто властен: Эйрик ярл.

— Тогда хочу, — отвечает Сигурд. И с него сняли веревку. Тут Торкель Глина сказал:

— Даже если ты, ярл, дашь пощаду всем этим людям, Вагн, сын Аки, не уйдет отсюда живым!

И он подбежал и замахнулся секирой, но викинг Скарди, который стоял со связанными ногами, покачнулся и

рухнул под ноги Торкелю, и Торкель свалился ничком на него. Тут Вагн схватил секиру Торкеля, взмахнул ей и зарубил Торкеля насмерть. Тогда ярл сказал:

— Вагн, хочешь, я подарю тебе жизнь?

— Хочу, — отвечает тот, — если мы все ее получим.

— Освободить их, — велел ярл, и это было сделано. Восемнадцать викингов было убито, а двенадцать получили пощаду.

XLII

Хакон ярл и многие люди с ним сидели на поваленном дереве. Вдруг зазвенела тетива на корабле Буи, и стрела вонзилась в Гицура из Вальдреса, знатного мужа, который в пышном наряде сидел рядом с ярлом. Люди пошли на этот корабль и нашли там Хаварда Рубаку, который стоял у борта на коленях, так как ступни были у него обрублены. В руке у него был лук. Он спросил у тех, кто пришел на корабль:

— Кто свалился с бревна?

Они сказали, что его звали Гицур.

— Значит, моя удача меньше, чем мне бы хотелось, — говорит он.

— Достаточно велика неудача, — отвечают они, — но теперь тебе ее не увеличить, — и они убили его.

Затем обыскали убитых и снесли всю добычу в одно место, чтобы поделить ее. Тинд говорит так:

Вендов Тунд кользуги

Метил углем рети,

Кусал кости Фенрир

Солнц дракона зыби,

Прежде тем ствол стали —

Смертоносен ратный

Труд — огистил двадцать

Слишком стругов длинных.

После этого войско разошлось. Хакон ярл отправился в Трандхейм. Он был очень недоволен тем, что Эйрик по-

щадил Вагна, сына Аки. Люди рассказывают, что Хакон ярл в этой битве, чтобы одержать победу, принес в жертву богам Эрлинга, своего сына, и тогда поднялась непогода, и йомсвикинги стали терпеть большой урон.

Эйрик ярл отправился тогда в Уппленд и дальше на восток в свои владения, и Вагн, сын Аки, сопровождал его. Эйрик поженил Вагна на Ингибьерг, дочери Торкеля Глина, и дал ему добрый боевой корабль со всем снаряжением и дружиной. Они расстались как лучшие друзья. Вагн отправился домой на юг, в Данию. Он стал потом знаменит, и от него произошло много знатных мужей.

XCIX

Послав гонцов за этим войском, Свейн конунг послал в то же время Сигвальди ярла в Страну Вендов, чтобы разведать о походе конунга Олава, сына Трюггви, и подстроить так, чтобы Свейн конунг и его союзники могли встретиться с Олавом конунгом. Сигвальди ярл поехал своим путем и приехал в Страну Вендов. Он отправился сначала в Йомсборг, а потом встретился с конунгом Олавом, сыном Трюггви. Они очень дружественно беседовали друг с другом, и ярл добился полного доверия и расположения конунга. Астрид, жена ярла, была в большой дружбе с Олавом конунгом, по причине их прежнего свойства, когда Олав конунг был женат на Гейре, ее сестре.

Сигвальди ярл был человек умный и хитрый. Вкравшись в доверие к Олаву конунгу, он всячески старался удержать того от отъезда на запад и придумывал различные причины для этого, а войско Олава конунга было этим крайне недовольно: людям очень хотелось вернуться домой, и они уже давно были готовы к отъезду, и дул попутный ветер. А Сигвальди ярл получил тем временем

тайные сведения из Дании: с востока пришло войско конунга шведов, и войско Эйрика ярла тоже наготове, и оба правителя намереваются плыть на восток, в Страну Вендов. Они решили, что будут подстергать Олава конунга у острова, который называется Свельд. Между тем ярл должен был подстроить так, чтобы они непременно встретили там Олава конунга.

И вот в Страну Вендов дошел слух, что Свейн, конунг датчан, собрался в поход, и вскоре стали поговаривать, что Свейн, конунг датчан, хочет сразиться с Олавом конунгом. Но Сигвальди ярл говорит конунгу:

— Свейн конунг не решится вступить с тобой в битву, имея только войско датчан, ведь у тебя такое большое войско. Но если ты все же опасаясь нападения, то я буду сопровождать тебя с моим войском, — а считалось большой поддержкой, если йомсвикинги присоединялись к правителю, — я дам тебе одиннадцать кораблей с людьми.

И конунг согласился на это предложение. Ветер был слабый, но попутный. Конунг велел сниматься с якоря и трубить поход. Люди стали поднимать паруса, и мелкие суда снялись с места быстрее и выплыли в море. А ярл, который плыл на своем корабле рядом с кораблем конунга, крикнул тому, чтобы тот плыл следом за ним.

— Я хорошо знаю, — говорит он, — где всего глубже в проливах между островами, а это поможет вашим большим кораблям.

Так ярл плыл впереди со своими кораблями. У него было одиннадцать кораблей, а конунг плыл вслед за ним со своими большими кораблями. Их было тоже одиннадцать, а все остальные суда тоже выплывали в море. Но когда Сигвальди ярл приблизился к Свельду, навстречу ему выплыла лодка. Люди в лодке сказали ярлу, что войско конунга датчан стоит там в укрытии и ждет их.

Тогда ярл велел убрать паруса, и они на веслах подошли к острову. Халльдор Некрещеный говорит так:

<i>Семь десятков стругов</i>	<i>Ланей моря сконских</i>
<i>Конунг трендов двинул,</i>	<i>Ярл добыл для битвы.</i>
<i>И один. Князь смело</i>	<i>Мир в секирном звоне</i>
<i>Раздавал удары.</i>	<i>Мужи разорвали.</i>

Здесь говорится, что у Олава конунга и Сигвальди ярла был семьдесят один корабль, когда они выплывали с юга в море.

СИ

Свейн, конунг датчан, и Олав, конунг шведов, и Эйрик ярл были там теперь со всей их ратью. Погода была хорошая, и светило солнце. Все трое правителей взошли на остров со своими дружинами и смотрели, как великое множество кораблей выплывает в море. И вот они видят, как выплывает большой и великолепный корабль. Тут оба конунга сказали:

— Вот большой и очень красивый корабль. Наверно, это Великий Змей.

Но Эйрик ярл отвечает и говорит:

— Нет, это не Великий Змей.

И было так, как он сказал. Это был корабль Индриди из Гимсара. Немного спустя они увидели, как выплывает другой корабль, много больший, чем предыдущий. Тут Свейн конунг сказал:

— Трусит Олав сын Трюггви: не смеет плыть с драконьей головой на носу корабля!

Но Эйрик ярл говорит:

— Нет, это не корабль конунга. Я знаю этот корабль и парус, потому что парус этот полосатый. Это Эрлинг, сын Скьяльга. Пусть плывет мимо. Но для нас было бы

лучше не видеть такого красивого корабля у Олава конунга.

Еще через некоторое время они увидели и узнали корабли Сигвальди ярла, которые повернули к острову. Потом они увидели, как плывут три корабля и один из них — особенно большой. Свейн конунг и сказал, что пора идти к кораблям, так как это плывет Великий Змей. Но Эйрик ярл говорит:

— У них много других больших и великолепных кораблей, кроме Великого Змея. Подождем еще.

Тогда очень многие стали говорить так:

— Эйрик ярл не хочет сражаться и отомстить за своего отца. Это — позор, о котором будут говорить во всех странах: мы стоим здесь с такой большой ратью, в то время как Олав конунг перед нашими глазами уплывает в открытое море.

Некоторое время шли такие разговоры, и тут они увидели, как выплывают четыре корабля, и один из них — очень большой и с позолоченной драконьей головой. Тут встал Свейн конунг и сказал:

— Высоко будет нести меня сегодня вечером Змей! Я буду им править!

И многие стали говорить, что Змей — удивительно большой и красивый корабль, и слава тому, кто велел построить такой корабль. Тогда Эйрик ярл сказал так, что кое-кто услышал:

— Даже если бы у Олава конунга не было ни одного корабля, кроме этого, то Свейн конунг никогда бы не захватил его с одним датским войском.

Люди пошли к кораблям и разобрали шатры. Но когда три правителя разговаривали между собой, как было только что рассказано, они увидели, как выплывают еще три очень больших корабля и за ними — четвертый, и это был Великий Змей. А те большие корабли, которые выплыли раньше и которых они приняли за Змея, так первый

из них был Журавль, а второй — Малый Змей. И когда они увидели Великого Змея, все узнали его и никто не выразил сомнения в том, что на нем плывет Олав, сын Трюгви. И все пошли к кораблям и приготовились к бою.

Три правителя — Свейн конунг, Олав конунг и Эйрик ярл — заключили между собой соглашение, что каждый из них получит треть Норвегии, если они сразят конунга Олава, сына Трюгви, и тому из них, кто первый взойдет на Змея, достанется вся добыча, которую он там захватит, и каждому из них достанутся те корабли, которые он сам очистит от людей.

У Эйрика ярла был удивительно большой боевой корабль, на котором он обычно ходил в викингские походы. Нос и корма у него были обиты толстыми железными листами, доходящими до воды.

СП

Когда Сигвальди и его корабли подплыли на веслах к острову, то Торкель Дюрдиль на Журавле и другие кораблеводители, которые плыли на своих кораблях с ним, увидели, что ярл со своими кораблями повернул к острову. Они убрали паруса, пошли на веслах за ним и крикнули ему, спрашивая, почему они туда поплыли. Ярл отвечал, что он хочет подождать Олава конунга:

— Похоже на то, что нам предстоит битва.

Они стояли с убранными парусами, пока не подошел Торкель Невья на Малом Змее и те три корабля, которые шли за ним. Им было сказано то же самое, и они тогда тоже убрали паруса и стали ждать Олава конунга. Но когда конунг подошел к острову, то вся вражеская рать выплыла на веслах в пролив. Увидев это, люди конунга стали просить его плыть дальше своим путем и не вступать в бой с такой огромной ратью. Конунг громко крикнул, стоя высоко на корме корабля:

— Уберите паруса, не должны мои люди думать о бегстве! Я никогда не бежал из битвы. Пусть бог распорядится моей жизнью, но я никогда не обращаюсь в бегство.

Было сделано, как велел конунг. Халльфред говорит так:

Слово древа сеги

Славное вспомянем,

Что пред громом Грима

Рек герой дружине.

Помыслы о бегстве

Отверг вседержитель.

В памяти пребудут

Те реги всевежно.

СШ

Олав конунг велел трубить сбор всем своим кораблям. Корабль конунга стоял в середине. С одной его стороны стоял Малый Змей, с другой — Журавль. Когда стали связывать носы кораблей, то связали и носы Великого Змея и Малого Змея. Увидев это, конунг громко крикнул, приказывая продвинуть вперед его большой корабль, чтобы он не оказался сзади всех других кораблей. Тогда Ульв Рыжий отвечает:

— Если Змей будет настолько дальше выдвинут вперед, насколько он длиннее других кораблей, то здорово будет доставаться тем, кто стоит на его носу!

Конунг говорит:

— Не знал я, что тот, кто стоит на носу моего корабля, не только рыж, но и труслив.

Ульв говорит:

— Попробуй-ка защити так спиной корму, как я буду защищать нос!

Конунг схватил лук, положил на него стрелу и стал целить в Ульва.

Ульв сказал:

— В другую сторону стреляй, конунг, туда, куда нужнее. Ведь для тебя делаю я то, что делаю.

CIV

Олав конунг стоял высоко на корме Змея. Он возвышался над всеми. У него был позолоченный щит и обитый золотом шлем. Его было легко отличить от других людей. Поверх кольчуги у него был короткий красный плащ.

Когда Олав конунг увидел, как стали строиться вражеские корабли и как стали поднимать знамена перед предводителями, он спросил:

— Кто предводитель на кораблях, которые прямо против нас?

Ему отвечают, что там конунг Свейн Вилобородый с войском датчан. Конунг говорит:

— Этих трусов мы не боимся. Нет духа у датчан. А кто предводитель там за теми знаменами дальше направо?

Ему отвечают, что там Олав конунг с войском шведов. Олав, сын Трюггви, говорит:

— Лучше было бы шведам оставаться дома и лизать свои языческие жертвенные чаши, чем идти против Змея и подставлять себя под наше оружие. А чьи это большие корабли, что стоят слева от датчан?

— Там, — отвечают ему, — ярл Эйрик, сын Хакона.

Тогда Олав конунг говорит:

— У него есть причина сражаться с нами. С этим войском битва будет жестокой. Они — норвежцы, как и мы.

CV

И вот конунги велют начинать бой. Свейн конунг поставил свой корабль против Великого Змея. Дальше в сторону моря поставил свои корабли Олав Шведский, и они двинулись на крайний корабль конунга Олава, сына Трюггви. А с другой стороны поставил свои корабли Эйрик ярл. Разгорелась ожесточенная битва. А Сигвальди ярл отошел со своими кораблями назад и не участвовал в

битве. Скули, сын Торстейна — он был тогда при Эйрике ярле, — говорит так:

*Там, у Свельда, смело
Мы сталью встречали
Гордого в немирье
Дротов полководца*

*Возле горя фризов
Млад, изведал славу
В битве скальд, но ныне
Видно, старость рядом.*

А Халльфред говорит об этих событиях так:

*Княжий надежды
В дожде дротов тренды
Обманули. Силы
Вождя поредели.*

*В одиночку в сеге
Князь с двумя князьями
— Чуден нам сей подвиг —
Сталь сшибал, и с ярлом.*

СХІ

Кольбьерн Окольниковый поднялся туда, где стоял конунг. У него была такая же одежда и такое же оружие, как у конунга. Кольбьерн был очень статен и красив. Снова завязалась ожесточеннейшая схватка на корме. Но так как на Змей вошло столько людей из войска ярла, сколько вмещал корабль, и корабли ярла со всех сторон окружили Змей, и слишком мало оставалось народу, чтобы защищаться от такой огромной рати, то, как ни могучи и храбры были люди конунга, большинство из них вскоре погибло. И тогда они оба — сам Олав конунг и Кольбьерн — прыгнули в море, один — с одного борта, а другой — с другого. А люди ярла поставили мелкие суда вокруг Змея и с них убивали тех, кто прыгал в море. Когда же сам конунг прыгнул в море, они хотели схватить его и доставить Эйрику ярлу. Но Олав конунг, прыгая, поднял щит над собой и потонул в пучине. А Кольбьерн, прыгая, опустил щит, чтобы защититься от копий, которые летели с более низких судов, и упал в море так, что щит оказался под ним. Поэтому он не потонул так быстро и был

схвачен. Его втащили на лодку и думали, что это конунг. Его доставили ярлу, но когда ярл увидел, что это — Кольбьерн, а не Олав конунг, он подарил Кольбьерну жизнь. В это время все люди Олава конунга, которые еще были в живых, стали прыгать за борт со Змея. Халльфред говорит, что Торкель Невья, брат конунга, из всех этих людей прыгнул за борт последним:

*Сеятель увидел
Камней персти: пусты
Змей — смело в битву
Он шел — и Журавль.*

*Тогда лишь, не дрогнув,
В страшной драке лезвий
Бросил Торкель волка
Свай и вплавь пустился.*

СХII

Как было написано раньше, Сигвальди ярл присоединился в Стране Вендов к Олаву конунгу. У самого ярла было десять кораблей, а на одиннадцатом были люди Астрид, конунговой дочери, жены Сигвальди ярла. Когда Олав конунг прыгнул за борт, то раздался победный клич всего войска, и только тогда ярл и его люди опустили весла в воду и начали грести, направляясь туда, где шел бой. Об этом говорит Халльдор Некрасивый:

*Нагрянули венды
Отовсюду. Тогат
Зубы великанши
Крышки Христ на рати.*

*Волки рвали трупы,
Громко сталь бряцала,
Полководец бился,
А полки бежали.*

2. Сага об Олаве Святом

Х

Потом Олав поплыл в Данию и встретился там с Торкелем Высоким, братом ярла Сигвальди. Торкель присоединился к Олаву, так как он как раз собрался в поход.

Они поплыли на юг вдоль берега Йотланда к тому месту, которое называется Судрвик, и захватили много викингских кораблей.

Эти викинги, которые с большими дружинами постоянно были в походах, называли себя конунгами, хотя они и не правили землями. Олав напал на викингов, и произошла большая битва. Олав одержал победу. Сигват так говорит об этом:

*И четвертый вскоре
Спор мезей затеял
Вождь, — молвой прославлен
Бой его геройский —
Когда там у данов
Дружины в ужасном
Судрвике нещадно,
Мир поправ, сражались.*

3. Сага о Магнусе Добром

XXIV

Магнус конунг направился со своим войском на север Норвегии и оставался там всю зиму. С приходом весны Магнус конунг собрал большое войско и двинулся на юг, в Данию. Когда он прибыл туда, из Страны Вендов до него дошло известие, что венды в Йомсборге вышли у него из повиновения. Там у датских конунгов — они-то и основали Помсборг — было большое владение, подчиненное ярлу, и Йомсборг стал сильной крепостью. Когда же Магнус конунг узнал эти новости, он собрал в Дании много боевых кораблей и летом отплыл в Страну Вендов вместе со всем своим войском, и была то огромная рать. Так говорит Арнор Скальд Ярлов:

*Слушай песнь о том, наследник
Княжий, как носил ты красный
Щит на вендов. Индевельий
Киль вы на воду спустили.
Дождались тогда несгастий
Венды. Мне другой не ведом
Вождь, чтоб к пажитям их, волны
Бороздя, вел больше стругов.*

Когда Магнус конунг прибыл в Страну Вендов, он направился к Йомсборгу и захватил его, перебил множество народа, пожег крепость и все вокруг, подвергая все разграблению. Так говорит Арнор Скальд Ярлов:

<i>Ты огнем прошел по землям,</i>	<i>Нехристи тряслись от страха,</i>
<i>Князь. Не ждал спасенья жалкий</i>	<i>Не хранили их и стены</i>
<i>Люд. За Йомом взвились клубы</i>	<i>Крепостные. Ты им жару</i>
<i>Дыма к небу, войнолюбец.</i>	<i>Задал всем, гроза народов.</i>

Множество народу в Стране Вендов признало власть Магнуса конунга, но намного больше было таких, которые бежали. Тогда Магнус конунг возвратился в Данию и подготовился к зимовке, распустив по домам войско датчан и большое ополчение, которое пришло с ним из Норвегии.

Приложение II. «САГА О ЛЮДЯХ С ПЕСЧАНОГО БЕРЕГА», О ЙОМСВИКИНГАХ

(Цитируется по изданию: Исландские саги. Т. II. / Перевод, общая редакция и комментарии А.В. Циммер-

линга. М., 2004. С. 65). Герой саги, будущий йомсвикинг Бьерн, был знаменитым исландцем, истории о его приключениях были очень популярны, он был известен как враг знаменитого Снорри Годи и любовник его сестры, а также как боец, принявший участие в крупнейших сражениях своего времени.

Бьерн же, после того как вышел в море, отправился вначале в Данию, а оттуда в крепость Йомсборг. В то время предводителем йомсвикингов был Пальнатоки. Бьерн вступил в их сообщество и потому стал прозываться Бойцом. Он находился в Йомсборге, когда Стюрбьерн Сильный взял эту крепость. Бьерн также отправился в Швецию в тот раз, когда йомсвикинги поддержали Стюрбьерна. Он принимал участие и в битве на Полях Фюресвеллир, где пал Стюрбьерн, а после нее бежал в лес вместе с прочими йомсвикингами. И покуда Пальнатоки был жив, Бьерн неизменно находился при нем во всех испытаниях и считался отличным воином и мужем редкой отваги.

Приложение III.

ИБН-ФАДЛАН О ПОХОРОНАХ РУСА

Цитируется по изданию: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии А.П. Ковалевского. Под редакцией И.Ю. Крачковского. М.— Л., 1939).

Ахмад ибн ал-Аббас Ибн-Фадлан — арабский путешественник второй половины X века, побывавший в 921—922 гг. на берегах Волги и оставивший воспоминания об этом путешествии. Фадлан был секретарем посольства, возглавляемого Сусаном ар-Расси. Посольство было отправлено в Волжскую Булгарию арабским халифом ал-Муктадиром, в ответ на просьбу правителя *Булгарии* Алмуша о помощи против хазар и о консультациях по вопросам исламской веры и дальнейшему прозелетизму

среди болгар. Фадлан в Булгарии видел отряд купцов-русов, он описал их образ жизни, одежды, украшения, внешний вид, верования и погребальный обряд русов.

В связи с описанным Ибн-Фадланом обрядом погребения знатного руса актуален вопрос об археологических свидетельствах пребывания скандинавов на территории Волжской Булгарии. Таковые существуют. В 1870—1890 гг. была исследована курганная группа у села Балымер. Здесь, в 20 км. к югу от Болгара, в небольшой группе из 25 насыпей на берегу Волги, на высокой береговой террасе, были открыты погребения, имевшие прямые аналогии с курганными древностями Средней Швеции эпохи викингов (Бирка) и раннегородскими памятниками Древней Руси (Тимерево, Гнездово, Шестовицы и др.). 15 раскопанных курганов имели куполообразную форму, высоту насыпи до 0,9 м, ширину до 8,5 м. Зафиксированы остатки кремации на месте на уровне горизонта. В двух случаях кремация совершена на невысокой подсыпке. Один из курганов (№ 13) выделяется богатством погребального инвентаря: на удлиненно-овальном кострище (размером около 4 × 1,5—2 м, мощностью до 11 см) здесь найдены согнутый пополам меч типа E, глиняный сосуд; за пределами кострища — поясная и уздечная бляшки, остатки кожаной поясной сумки с бронзовыми деталями гарнитуры, кресало, кремь и железный футляр для трута. Примечательно, что после сожжения кострище частично было стребено к центру. И. Измайлов, подробно исследовавший материалы этого погребения, исходя из вытянутой овальной формы кострища достаточно крупных размеров, не исключает присутствия здесь лодки (или ее части) во время сожжения, хотя ладейные заклепки не фиксируются, либо не сохранились в погребальном костре¹. Это погребение и вся

¹ *Измайлов И.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 191—194.

группа курганов достаточно узко датируются первой половиной X в.

Уже А.А. Спицын интерпретировал эти курганы как скандинавские, принадлежащие русам, приходившим в Волжскую Болгарию для торговли¹. В целом облик погребального инвентаря кургана № 13 Балымерского могильника сходен с «дружинными курганами» Древней Руси; обряд порчи оружия традиционно признается скандинавским этническим индикатором и типичным обрядом, характерным для дружинных погребений. Резко выделяясь на фоне местных погребальных традиций Волжской Булгарии, Балымерские курганы, как считают некоторые исследователи, стоят ближе всего к погребениям Ярославского Поволжья (Тимерево, Михайловское, Петровское)².

«...И (еще прежде) говорили, что они делают со своими главарями при их смерти (такие) дела, из которых самое меньшее (это) сожжение, так что мне очень хотелось присутствовать при этом, пока (наконец) не дошло до меня (известие) о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания. А это бывает так, что для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его (мертвого) в него и сжигают его (корабль), а для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят их на три трети, —

(одна) треть (остаётся) для его семьи, (одну) треть (употребляют на то), чтобы для него на нее скроить

¹ Спицын А.А. Венгерские вещи X в. в России // Известия Археологической комиссии. 1914. Вып. 53. С. 107.

² Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992. С. 106; Измайлов И. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 197.

одежды, и (одну) треть, чтобы приготовить на нее набид, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них (кто-либо из них) умирает, держа чашу в своей руке. И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: "Кто из вас умрет вместе с ним?" Говорит кто-либо из них: "Я". И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех, кто поступает (так), (это) девушки. И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: "Кто умрет вместе с ним?" И сказала одна из них: "Я". Итак, поручили ее двум девушкам, чтобы они оберегали ее и были бы с нею, где бы она ни ходила, до того даже, что они иногда мыли ей ноги своими руками. И принялись они (родственники) за его дело, — кройку одежды для него, за приготовление того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему. Когда же пришел день, в который будет сожжен (он) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль, — и вот, (вижу, что) он уже вытасчен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева (материала) хаданга (белого тополя) и другого (дерева), и поставлено также вокруг него (корабля) нечто вроде больших помостов (амбаров?) из дерева. Потом (корабль) был протасчен (дальше), пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходиться, и говорили речью (которой) я не понимаю. А он (мертвый) был далеко в своей могиле, (так как) они (еще) не вынимали его. Потом они принесли скамью, и поместили ее на корабле и покрыли ее стегаными матрацами, и парчой византийской, и подушками из парчи визан-

тийской, и пришла женщина старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье постилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма (?) большая (и толстая), мрачная (суровая). Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева (с деревянной крыши) и удалили в сторону (это) дерево и извлекли его (мертвого) в изаре, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набид и (некий) плод и тунбур. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял и не изменилось у него ничего, кроме его цвета. Итак, они надели на него шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и хафтан парчевый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку (калансуву) из парчи, соболевою. И они понесли его, пока не внесли его в ту палатку (кабину), которая (имеется) на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками и принесли набид, и плод, и благовонное растение и положили его вместе с ним. И принесли хлеба, и мяса, и луку, и бросили его перед ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним (букв. к его боку). Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом (они) разрезали их обоих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров (быков) и разрезали их обоих также и бросили их обоих в нем (корабле). Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих в нем (корабле). А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин (данной) юрты и говорит ей: «Скажи своему господину: "право же, я сделала это из любви к тебе"». Когда же пришло время после полудня, в пят-

ницу, привели девушку к чему-то, что они (уже раньше) сделали наподобие обвязки (больших) ворот, и она поставила обе свои ноги на руки (ладони) мужей, и она поднялась над этой обвязкой (обозревая окрестность) и говорила (нечто) на своем языке, после чего ее спустили, потом подняли ее во второй (раз), причем она совершила то же (действие), что и в первый раз, потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же, что сделала (те) два раза. Потом подали ей курицу, она же отрезала ее голову и забросила ее (голову). Они взяли (эту) курицу и бросили ее в корабле. Я же спросил у переводчика о том, что она сделала, а он сказал: "Она сказала в первый раз, когда ее подняли, — вот я вижу моего отца и мою мать, — и сказала во второй (раз), — вот все мои умершие родственники сидящие, — и сказала в третий (раз), — вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему". И они прошли с ней в направлении к кораблю. И вот она сняла два браслета, бывших на ней, и дала их оба той женщине, которая называется ангел смерти, а она та, которая убивает ее. И она (девушка) сняла два ножных кольца, бывших на ней, и дала их оба тем двум девушкам, которые обе (перед этим) служили ей, а они обе дочери женщины, известной под именем ангела смерти. Потом ее подняли на корабль, но (еще) не ввели ее в палатку (кабину), и пришли мужи, (неся) с собой щиты и деревянные, и подали ей кубком набид, и вот она пела над ним и выпила его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его и чтобы войти в палатку (кабину), в которой (находится) ее господин. И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в палатку (кабину), но всунула свою голову между ней и ко-

раблем, старуха же схватила ее голову и всунула ее (голову) в палатку (кабину) и вошла вместе с ней (девушкой), а мужи начали ударять деревяшками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, причем взволновались бы другие девушки, и перестали бы искать смерти вместе со своими господами. Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупились все с девушкой. Потом положили ее на бок рядом с ее господином и двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, и наложила старуха, называемая ангелом смерти, ей вокруг шеи веревку, расходящуюся в противоположные стороны, и дала ее двум (мужам), чтобы они оба тянули ее, и она подошла, держа (в руке) кинжал с широким лезвием, и вот, начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время, как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла. Потом подошел ближайший родственник (этого) мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю, а лицом своим (...), зажженная деревяшка в одной его руке, а другая его рука (лежала) на заднем проходе, (он) будучи голым, пока не зажег сложенного дерева (деревяшек), бывшего под кораблем. Потом подошли люди с деревяшками (кусками дерева для подпалки) и дровами, и с каждым (из них) деревяшка (лучина?), конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева (подпал). И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку, и (за) мужа, и (за) девушку, и (за) все, что в ней (находилось), подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение его (огня). И был рядом со мной некий муж из русов, и вот, я услышал, что он разговаривает с переводчиком, бывшим со мною. Я же спросил его, о чем он говорил ему, и он сказал: "Право же он говорит: "Вы, о арабы, глупы"... Это (?); он сказал: "Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас

самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю) и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас". Тогда я спросил об этом, а он сказал: "По любви господина его к нему (вот) уже послал он ветер, так что он унесет его за час". И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились».

Приложение IV.

Е.А. Шинаков^{1*}. ЭЛИТНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЛАСТЬ (Древность и Средневековье)

Важным, наглядным индикатором того или иного механизма становления, а в итоге — и вида государственности являются военно-политические инструменты, средства их формирования — элитные воинские подразделения. Имеются в виду не народное ополчение, не созданные на основе воинской повинности армии восточных деспотий, не кочевые племена на их службе, а дворцовая и рабская гвардия, индивидуальные и коллективные наемники, государственная дружина, аристократическая и феодално-рыцарская конница.

Разные виды «элитных подразделений» в принципе являются хотя и вторичными, производными, но достаточно надежными и, главное, материально-археологически определяемыми показателями разных форм государственности. Исключения, впрочем, не абсо-

^{1*} Докт. ист. наук, проф.

лютные, составляют два крайних полюса на шкале классификации форм государственности — полисы и классические чиновничье-бюрократические государства. Для обоих последних случаев присуще всеобщее вооружение народа либо в качестве гражданской обязанности и права, либо как разновидность трудовой повинности, налога перед государством. И для них, однако, характерны небольшие полицейские или парадно-гвардейские отряды из рабов либо, наоборот, аристократии.

Прямой противоположностью государствам, в структуру которых (не только военную, но и административную) входили особые воинские подразделения, являются военизированные государства («military government») переходного этапа (эпохи «варварства» или «военной демократии»). Таковы, например, державы инков и зулусов с всеобщей военизацией «своих» и унификацией всех слоев общества перед лицом правителя как принципа и цели. Для них характерны особые типы поселений, выделяемых по половозрастному принципу — мужские военные лагеря — краали. Это же можно отнести и к Риму, где преторианцы — относительно позднее, отнюдь не республиканское явление, отчасти к Швеции и Норвегии, где главную роль даже в XII в. играло народное морское ополчение («ледунг»), а не малочисленные королевские дружины. Скорее исключением, чем правилом, были постоянные элитные формирования (фанатики-«смертники» не в счет) на ранних стадиях государств — религиозных общин, где войско комплектовалось по принципу общинной, а то и родовой солидарности и долга перед богами.

Каждый из видов элитных формирований континирован с конкретными формами государственности и механизмами, к ним приводимыми. Так, рабская гвардия (или отряды из пленных) характерна для чиновничье-бюрократических государств, иногда

с элементами религиозно-общинной и феодально-иерархической государственности (Византия, Турция, Россия). Индивидуальные наемники — также для них либо для феодально-иерархических государств абсолютистской стадии. Военно-корпоративные организации, часто выступающие коллективными наемниками, присущи эпохе «варварства» и входят в механизмы формирования ранних государств и некоторых зрелых (корпоративно-эксплуататорских типа Тевтонского ордена). В последнем случае «элитное» (рыцарское в данном случае) формирование перестает являться таковым, так как становится (наряду с наемниками) единственной вооруженной силой. Являются они и составной частью верхнего уровня власти «двухуровневых» государств. Наемники обоих типов составляли основу войска торговых и сложных городов-государств, но там от выполнения управленческих функций они были устранены. Отметим, что, кроме собственно «дружинных» (переходного и раннего этапа) государств, дружины играют существенную роль и в некоторых «двухуровневых», корпоративно-эксплуататорских и сложносоставных организмах — но только наряду с другими институтами и средствами институционализации власти.

Аристократическая конница, колесничие, тяжелая пехота являлись ударной силой и главным инструментом внутреннего насилия в земледельческих городах-государствах.

Полисы и государства — религиозные общины, в которых существовало всеобщее вооружение народа (граждан), — социально выделенных элитных подразделений, во всяком случае археологически идентифицируемых, не имели. Исключение — парадно-представительские отряды или подразделения из рабов с полицейскими функциями. Аналогично складывается ситуация и с

корпоративно-эксплуататорскими государствами, где весь правящий слой — воины.

Использование именно этих элементов государственности в качестве индикаторов ее формы и уровня перспективно и обладает наибольшими по сравнению с другими частями политической организации и культуры возможностями формализации и «материализации» данных.

Так, каждый из видов можно описать в общем одинаковым набором признаков, у которых будут различаться не столько значение, сколько удельный вес. Значимо, что и сам набор характеристических элементов почти совпадает с комплексом аспектов описания государственности в целом:

- источники (этнические и социальные) комплектования;
- принцип комплектования и форма содержания;
- участие в экономике, наличие посторонних (частно-правовых) источников дохода;
- соотношение военных и управленческих функций, их характер и материальное отражение;
- место и роль в структуре вооруженных сил и административного аппарата;
- отношения с предводителем, правителем; соотношение с понятием «источник власти»;
- социально-значимые цели и морально-психологические мотивы службы;
- степень и характер генеалогической, социально-имущественной, рангово-политической, ритуально-знаковой отграниченности от «общества». Отражение этого в типах жилищ и поселений, эмблематике, погребальном обряде и инвентаре;
- степень и принципы («горизонтальной» и «вертикальной») внутренней дифференциации, ее отражение в материальных проявлениях разных отраслей культуры и быта.

С точки зрения потестарно-политического процесса, «ролевого» (по степени и характеру причастности к власти и управлению) ранжирования и социально-имущественного стратифицирования общества можно выделить семь видов «элитных формирований» и отчасти военной организации государства в целом.

1. Дворцовая гвардия, комплектуемая по признаку военных заслуг, благородства происхождения, иногда — родства или близости с правящим домом. Главная форма «оплаты» — престиж. Варианты — особые «гвардейские ордена» у ацтеков и в Бенине — «орлы», «леопарды». На Среднем Востоке (Иран) и в Византии, политические системы которых обнаруживают безусловное типологическое сходство и, возможно, генетическое родство, это — отряды знатной молодежи («бессмертные»). Особый случай — женская гвардия — гарем правителя Дагомеи: последняя, однако, имеет типологическое сходство с «рабской гвардией».

2. «Рабская гвардия» — иногда главный инструмент перехода от «сложных вожеств» к ранним и зрелым «восточным деспотиям» — должна подчеркнуто отличаться от остального населения и войск. Доказательства — негры-«гулямы» на мусульманском Востоке, мамлюки в средневековом Египте, янычары в Турции. Вариант — использование военнопленных одной страны против другой (армяне и болгары в Византии, иногда — татары, поляки, «литовцы» и турки в России. Впрочем, в этом случае это, скорее, не элитные подразделения, а «штрафные», т.е. ударные в военном, но дискриминированные в социально-политическом смысле. Цель службы — сохранение жизни, желание избежать тягот рабского труда, а затем и улучшить свой социальный статус (вплоть до захвата власти мамлюками в Египте). Характерна изначальная, зачастую искусственно организуемая разноэтничность, заменяемая и компенсируемая корпоративным единством, также ини-

цируемом властью на базе определенной причастности к последней. Статус «рабской гвардии» в обществе не позволяет представителям последней заниматься экономической деятельностью и иметь отдельный от государственного содержания доход.

3. Наемники, рекрутируемые в индивидуальном порядке в особые, постоянно существующие в столицах, прежде всего, иностранные полки, близки предыдущему виду по характеру комплектования, но принципиально отличны по его источникам и изначальному статусу контингента. Другими были и цели, преследуемые при поступлении в иностранную гвардию: чисто экономические, отчасти карьерно-престижные. Для «работодателей» обеих типов гвардий цели были абсолютно одинаковые: получить независимую от «своего» общества и лично им (или занимаемому ими посту) преданную военную силу для использования ее во внутренних конфликтах с «обществом» или иными фракциями правящего слоя. Полки чаще состоят из одной или группы близкородственных национальностей (скандинавских, например). Занятия хозяйством не противопоказаны, но затруднены на месте службы, прежде всего постоянной занятостью последней и отсутствием связей в местном обществе. В то же время хозяйство на постоянной родине может иметься, и именно в него вкладываются полученные путем жалованья и военной добычи средства (варяги в Византии и на Руси, швейцарцы во Франции, генуэзцы в Англии и Франции и т.д.).

Особый социальный слой составляют постоянно проживающие в стране иностранные наемники, обладающие наследственным статусом («ал-ларисийа» у хазар)¹, сохранение и улучшение которого, а не собственно денежное жалованье являются главной целью службы. В неко-

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963. С.194.

торых случаях подобные наемники получают не только доступ, но и постоянное представительство в органах власти («везир» — мусульманин у хазар). Они имеют внутреннее самоуправление и право, чем отчасти напоминают федератов Рима и «своих поганых» Древней Руси.

4. Независимые корпоративно-профессиональные военные организации могут или находиться как целое на службе у государей и республик, либо образовывать свои государства-общины (казацьи «войска», Сечь, владения «морских конунгов», Йомсборг, пиратские «республики»). Не редки были и случаи захвата власти в сложившихся государствах (кондотьеры в Италии, Спарток на Боспоре, викингские «королевства» и «герцогства»). Путем завоевания образовывались корпоративно-эксплуататорские или кастовые государства, иногда перерастающие в феодально-иерархические (владения духовно-рыцарских орденов в Прибалтике, некоторые викингские «королевства», Руанда, Бурунди, отчасти раджпутские княжества в Индии). В последнем случае военно-корпоративные организации имеют не только «допуск» к власти, но и монопольное на нее право, сохраняя при этом внутреннюю «общинность», корпоративность и демократизм, реципрокность взаимоотношений. Вырабатываются особые, наднациональные, профессионально подчеркиваемые черты быта, культуры (в том числе материальной), менталитета, зачастую (но далеко не всегда и не обязательно) — общность религии, ритуалов, атрибутов.

Экономическая деятельность не только не противопоказана членам подобных корпораций, но даже им внутренне присуща, так как последние являются во многом самодостаточными (или эксплуататорскими) организациями. Своеобразной разновидностью подобных цельных, но иногда «невостребованных» организаций явля-

лись дружины князей-изгоев на Руси, для которых овладение каким-либо «столом» (волостью) имело в первую очередь экономическое значение.

5. Классическая дружина — аппарат управления некоторых форм государственности «переходного» и «раннего» этапов — занимает по многим параметрам как бы промежуточное место между первым и четвертым типами «элитных» подразделений, наиболее напоминая некоторые конкретные случаи третьего типа, но при большем участии в управлении и «патриотизме». От «чистых» наемников дружина отличается не только формой оплаты (не столько денежное жалованье, сколько прямое участие в доходах государства путем пиров, получения оружия и одежды из складов и арсеналов, «кормлений» при сборе дани, обслуживание «служебной организацией»), но и целями службы. Они могут быть не только психологическими (престиж, близость к правителю, спесь, резкий отрыв от «низов», к которым многие дружинники первоначально принадлежали), карьерно-политическими (участие во власти), но и экономическими (близость к главному источнику доходов — даням), однако *реализуемыми в своем государстве*, а не за его рубежами. От дворцовой гвардии дружину отличает свобода, принципиальная возможность отъехать к иному предводителю, не считаясь изменником. Свободны дружинники и в плане предпринимательства, что отразилось и в постепенном вкладывании ими денег в землю — приобретении последней на частном праве (не считая «западный» путь условного землевладения, иницируемый государством). Этот фактор сближает дружинников с представителями четвертого (военно-корпоративного) типа элитных подразделений. Дружина также приближается к некоторым из последних по степени обладания монополией на власть. Отличие — в независимых военных организациях источником власти была она как целое, а не ее вождь, а в дру-

жине — все же государь, принимавший ее членов к себе на службу в индивидуальном порядке. Это не отменяло, впрочем, реальной реципрокности в отношениях князя и дружины, которая по инерции расценивала его как «первого среди равных» и ждала от него щедрых даров. Правитель же со временем любым способом стремился доказать свою «особость» — отсюда возникновение в конце дружинных периодов генеалогических легенд (Чехия, Польша, Русь, Скандинавия), канонизация Церковью (как особой силой) основателей или представителей династий. Внутренняя дифференциация дружины была, имела материальное, иногда и атрибутивное выражение, но была второстепенной по сравнению с гранью, в том числе материально-ритуально выраженной, между дружиной и «обществом». Польская дружина отчасти обладала «аристократизмом» и явилась переходным мостиком между военной аристократией переходного этапа и рыцарством феодально-иерархической зрелой государственности.

6. Военная аристократия, вычленяемая по родовому, имущественному, социальному принципам, характерна для этапов как «вождеств», так и «ранних государств» (формы кастовых и земледельческих городов-государств и мегаобщин), но особенно — для промежуточного между ними переходного этапа. В редких случаях (динаты Византии и Армении) существует и в «зрелых» государствах чиновничье-бюрократической формы. Возникает как составная часть процесса возрастного разделения труда и межродовой специализации. Сопровождается полной или частичной (при геронто- или теократии) монополией на власть, но иногда и искусственной устраненностью от нее (нобили у пруссов), и преимущественным доступом либо к частновладельческим источникам дохода (земля с рабами, зависимыми общинниками («низами» его же рода, либо земледельческими родами), пленны-

ми и т.д.), либо к общественным фондам. Имеет четкие внешние и статусно-ранговые отличия (тяжелая конница у йоруба, македонцев, раджпутов и в Византии, колесничество в Шумере, у хеттов, ахейцев и кельтов, возможно, в чжоуском Китае и т.д.). При условии наличия адекватно отражающего в загробном мире жизненные реалии и статус умершего погребального обряда эти различия четко проявляются в материально-ритуальной сфере. Хотя нивелирующие обряд мировые религии затрудняют эту идентификацию.

В некоторых случаях (микенские дворцовые комплексы-крепости) поселения военной аристократии выделяются топографически.

7. Строго военно-специализированным (только тяжелая конница) и юридически сословно-отграниченным элитным подразделением этапа исключительно зрелой государственности является рыцарство феодально-иерархических государств. Отдельные черты, присущие этому сословию (иммунитет, «кодекс чести», геральдика как внешне-сущностное отличие, вассалитет и иерархия, кормление за счет земельных владений (но не вотчин)¹, сословная замкнутость, принцип верности сюзерену) имеются и в некоторых конкретных моделях иных форм зрелой государственности, особенно в переходных от чиновничье-бюрократической, религиозно-общинной и кастовой к феодально-иерархической (Япония, Византия, Сербия, Передняя Азия, Закавказье, Россия, мусульманская Индия, Непал малайско-индонезийский (по А. Тюрину) «тип феодализма Юго-Восточной Азии»). В комплексе же все эти и некоторые иные черты «ры-

¹Именно это отличие наемных военно-корпоративных организаций во главе с князем от слоя, обладавшего землей и властью, вероятно, понимало новгородское правительство, когда запрещало князьям и их боярам иметь владения на территории Республики на частном праве.

царства» встречаются только в странах классической феодально-иерархической государственности, жестко отграниченной рамками лишь некоторых стран Западной и Центральной Европы.

Как и в случае с дружиной, в рыцарстве совпадает военная, социально-экономическая и политическая элита, что находит концентрированное материальное выражение в типах поселений — замках, а также гербах и намогильных сооружениях (сам обряд и инвентарь благодаря христианству не имел отличий от захоронений рядовых прихожан).

Наиболее показательным в изобразительных источниках является сочетание военных атрибутов (шлемы, щиты) с эмблемами, показывающими право на власть (ранг), благородство происхождения, земельную собственность, и конкретными властными регалиями разных степеней (короны, скипетры, штандарты, троны).

Самое методически существенное для сравнения феодальных и дружинных государств — определение отличия рыцарства от дружины. «Соединение особого образа жизни и профессионализма с этической миссией и социальной программой»¹ — вот рыцарь «в идеале». Основная социально-психологическая и организационная особенность рыцарства, например, — юридически лимитированная верность конкретному по титулу сюзерену (посту), закрепленная личной присягой и ритуалом определенному человеку, представителю рода, этим постом и титулом наследственно владеющим с санкции вышестоящего сюзерена. Это также взаимные обязательства сюзерена и вассала и экономическая самостоятельность последнего. В военном аспекте даже в эпоху расцвета (XII—XIII вв.) рыцарство также не могло полностью обходиться без пехоты, особенно лучников и

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

арбалетчиков, ибо «шевалье» были слишком высокоспециализированы (в отличие от самураев, русских дружинников и поместной конницы раджепутов, византийских каваллариев). Легкую пехоту при них составляли либо крестьяне-ополченцы (Испания, Англия, Скандинавия), либо иностранные наемники (генуэзские арбалетчики во Франции) и ландскнехты — «слуги» (Германия)¹. В случае необходимости тяжелую пехоту составляли спешенные рыцари, действовавшие при этом достаточно неуклюже.

Сравним некоторые виды «элитных формирований» в организационно-правовом и социально-экономическом аспектах.

Наемники были верны (в рамках контракта) прежде всего посту, а дружинники и рабская («родовая») гвардия — личности, которой «юридически» принадлежали. В этого типа контингентах корпоративный дух был еще более развит, чем у рыцарей. Дружина все же ближе стоит к «рыцарскому корпусу», так как правитель одновременно является и ее членом, хотя и «первым среди равных». Наемники образуют либо готовые отряды, преданные прежде всего предводителю из своих (генуэзские арбалетчики, кондотьеры, греческие гоплиты — у персов, варяжские отряды на Руси), либо, если набираются индивидуально (швейцарцы и шотландцы во Франции, варяжская гвардия в Византии), то, как правило, подчиняются также наемнику, а затем уже правителю. Еще одна специфика наемников — они не имели никакого отношения к функциям управления, за исключением (иногда) полицейских обязанностей. Это отличает их и

¹ А также рабской гвардии (мамлюки), конников-аристократов (типа иранцев, парфян, монголов, Македонии, йоруба или Пскова), поместной конницы, наемников-кондотьеров и т.д., т.е. видов войск, также обладавших разной степенью *корпоративного* сознания.

от рыцарства, и от дружины, являвшихся не только военными, но (и прежде всего) — административными инструментами. Последнее может относиться и к максимально «демократическим», типа рабской гвардии, и к аристократическим, конным прежде всего, контингентам войск. Последние вообще в одном лице совмещали и лучшую военную силу, и господствующий класс, и политическую власть, и часть аппарата управления (особенно раджпуты в Индии). В этом случае правитель выступал как марионетка, заложник реально властвующих аристократических родов, все же нуждавшихся в нем как символе для народа и в силу соперничества отдельных родов. Рабская гвардия — главный военный инструмент перехода от раннего государства некоторых форм (возникших на базе равноправных союзов племен либо земледельческих протогородов-государств) к зрелой чиновничье-бюрократической государственности. Иногда она и непосредственно приходит к власти, устанавливая военнокорпоративную диктатуру (мамлюки). Совмещением «рабского» и «родственного» принципов явилась «гвардия» «короля» Дагомеи, составлявшая часть его фиктивного рода (в него зачислялись рабы-военнопленные) и «расширенный» гарем. Без «элитных» подразделений обошелся Чака, превратив весь «свой» народ («политических зулусов») в размещенное по «полкам» и краалям войско, дрожащее перед «королем», заинтересованное в ограблении иных народов, престиже, славе, упоении победы: каждый «полк» гордился символами этих побед, своей атрибутикой, «формой» (шкура леопарда и т.д.), даже цветом щитов. Другое дело, что ничто не мешало части «полковых командиров» отделиться и образовать свое «государство» (что и происходило при поражениях зулусских правителей). Развитие Зулусского «государства» было искусственно прервано англичанами, но типологически схожий на синхростадиальном этапе

политогенез свази привел, при действии аналогичных военных инструментов и механизмов, не к феодально-иерархической, а к чиновничье-бюрократической (правда, ранней фазы) форме государственности. В Свазиленде воины этих «цветных полков» были превращены в государственных крепостных, как и смерды на Руси¹.

Внешне запутанная, склонная к дезинтеграции «рыцарская система» была все же довольно устойчива в силу возможностей воспроизводства и автономного существования некоторое время отдельных ее ячеек, спаянных не только правовыми отношениями, но и кодексом рыцарской чести и долга, далеко не всегда являвшихся пустым звуком. Даже в дружинах, чаще всего являвшихся предшественниками рыцарства, «честь» не котирировалась. Ее заменяла выгода, совместная с вождем-правителем заинтересованность в эксплуатации и грабеже, стремление не столько к славе (хотя ценились и «престижные» награды), сколько к обогащению. О том, какое значение имеет концентрация богатств в руках предводителя дружин, князя, конунга, имеется несколько свидетельств. У скандинавов «серебро и золото, спрятанное в земле, навсегда оставались в распоряжении владельца и его рода, воплощая в себе их удачу и счастье, личное и семейное благополучие». «Один повелел, чтобы каждый воин, павший в битве, являлся к нему в Вальхаллу вместе с богатством, которое находилось при нем на погребальном костре или было спрятано в земле»². Отсюда — «безумная жажда богатств и подарков и безумное расточительство». Однако дар обязательно предполагает либо отдаривание, либо

¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

² Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества) // Средние века. 1968. Вып. 31. С.186 —192.

«автоматически ставит в зависимость». В связи с этим предводители дружин, самостоятельные государи или те, кто претендовал на это положение, «предпочитали захватить или купить, но не получать в дар». Подобная система отношений в дружине восходит к потлачу как одному из типов механизмов первоначальной институционализации власти, а именно плутократических. Более же ранние (племенные) дружины чаще возникали в результате действия возрастных и родовых механизмов становления властвования. Даже там, где «дружинного государства» в чистом виде не было — в Дунайской Болгарии, — на раннем этапе сохранялась подобная «этика» в отношениях государя и его воинов. «Хан Тервель, как сказано в словаре Суды, «положил, перевернув, свой щит... и “поставил на него” свой кнут... и сыпал деньги, пока они не скроют и щит, и кнут. Он поставил свое копьё на землю и до верха его и в большом количестве навалили шелковые одежды. Наполнив сундуки золотыми и серебряными монетами, он раздавал их воинам, разбрасывая правой рукой золото, а левой — серебро».¹ Речь шла пока о языческих государях и представлениях. Но вот известная цитата Повести временных лет о взаимоотношениях христианина Владимира Святославовича и его христианской дружины (событие датировано 996 годом). Дружина сказала князю: «Зазорно нам есть деревянными ложками, а не серебряными. И, услышав это, Владимир повелел выковать серебряные ложки, говоря, что серебром и золотом я не добуду себе дружины, а с помощью дружины получу и то, и другое»². В этом эпизоде (при всей его возможной «эпичности» или литературности (пиры Соломона)) наглядно отразилось

¹ Койчева Е. О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С.151—164.

² ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.

отличие дружинной психологии от наемнической: для первых важно было не богатство само по себе, а как показатель положения, чести, оказываемой князем дружине. Вождь (князь, конунг, даже король) зависел от дружины и должен был доказывать свое реальное превосходство и щедрость, сюзерен же, каков бы он ни был, был дан Богом и королем.

Дружина в Европе — продукт переходного от вождеств к раннему государству периода и инструмент формирования последнего, рыцарство же — феодально-иерархической государственности. Для первого («варварского») периода характерно относительное развитие товарного хозяйства и стремление к обогащению как следствие, для второй — натурализация хозяйства и ее последствия — стремление к социальному престижу, титулам и стоящими за ними земельными владениями.

Другой слой — промежуточный между византийскими пограничными военными поселениями «акритами» и рыцарями — появился и при специфических механизмах другого переходного периода (от ранней государственности к феодально-иерархической). Это — слой военных поселенцев мазовецко-прусского пограничья, занимавшихся крестьянским трудом. Тем не менее эти поселенцы считались «шляхтой» и пользовались рыцарскими правами — иметь герб, не платить налогов, вести войны между собой, участвовать в управлении (как при созывах рыцарского «веча — высшего судебного и земельного органа для своего сословия, так и в составе княжеских органов власти»)¹. В этом примере наглядно выступает на первый план не военная и социально-экономическая, а морально-психологическая и политико-правовая природа рыцар-

¹ Руссоцкий С. Мазовецкая государственность в период феодальной раздробленности XIV в. // Польша и Русь. М., 1974. С.140—149.

ства¹. Аристократический «гонор» наиболее явно проступал как раз у весьма «демократических» по реальному положению слоев населения, что в этом сближает их с неимущими самураями-ронидами (правда, для последних нищенство и наемничество были все же почетнее труда земледельцев). Возможно, здесь сыграло свою роль «недемократическое» происхождение польской «большой дружины» — основного источника рыцарства («можновладства») и четкое осознание последним этого факта.

В России же только при зарождении чиновничье-бюрократических тенденций развития практически вернулись к «рыцарскому» опыту Византии: помещики-прониары («воинники» по Пересветову) и переход от стратиотского ополчения к полунаемникам — стрельцы, пушкари, городовые казаки пограничья (типа акритов). Кстати, и «вольное» казачество Запорожья и Дона также представляет собой еще один из образцов военно-политической организации корпоративно-орденского облика, в чем-то в то же время напоминая федератов Рима и Византии. Впрочем, казаки имели предшественников и в отечественной истории. Это были, однако, не традиционно считаемые за главных их «предков» бродники, не имевшие, судя по всему, политической организации и четкой системы отношений с Русью. Более

¹ По этим признакам, а также «по любви к внешней “гербовой”» атрибутике «рыцарей» можно найти не только в Японии, но и у ацтеков, например: *Гуляев В.И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972; *Гуляев В.И.* Город и общество в Центральной Мексике накануне Конквисты // Археология Старого и Нового Света. М., 1982; *Баглай В.Е.* Социально-классовая структура древнеацтекского общества // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 171—194; *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М., 1982 («благородного» малайско-полинезийского сословия (замкнутость, «спесь», рыцарский кодекс)).

напоминают казачьи «войска» с их стройной системой, регалиями войсковых чинов разного ранга, единым корпоративным духом и территорией, не бродников, а районы расселения «своих поганых». Последние, кстати, в отличие от Рима и Византии, но, как и казаки, использовались не только для обороны границ, но для решения внутренних конфликтов (осада Чернигова в 1138 г. Ярополком Владимировичем, сражения под Карачевом (1147) и Белгородом (1159). Участвовали иногда, впрочем, во внутренних войнах и бродники (Лиственская битва 1216 г.). Даже не касаясь военных поселений античности, европейского и азиатского Средневековья, современного Израиля и т.д., можно отметить мимитас (особо доверенные племена, переселяемые инками на завоеванные территории, где они наделялись землей и пользовались привилегиями)¹, итоналли — земли, изъятые у местных, чаще пограничных племен, для содержания ацтекских гарнизонов. Характерно выполнение военными поселенцами функций контроля за местным населением: воины-крестьяне являлись представителями центральной власти. По своим поздним военно-полицейским функциям казачество напоминает особые привилегированные группы кочевников на службе восточных государств. Отличие — в источниках существования и экономических льготах (кочевники не только не платили налогов, как и казаки, но и получали часть налогов с земледельческих общин, пропорционально распределяя его внутри племени)².

Основной же ударной силой и одним из главных институтов управления Киевской Руси, безусловно, являлась дружина.

¹ *Зубрицкий Ю.А.* Инки — кечуа. М., 1975. С. 70.

² *Ашрафян К.З.* Проблемы общественно-экономического строя средневековой Индии. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 91.

Дружины существовали не только в «дружинных государствах». При этом мы имеем в виду не временные племенные дружины, а постоянные отряды воинов-профессионалов при правителях прото- и «ранних» государств, не наемников, но и не рыцарей-землевладельцев на ленном праве. К «комитатам» (как он называет дружину) Ф. Кардини относит «франкских *trustis*, лангобардских *gesinde*, англосаксонских *theod*, русскую «дружину», так же, как и «готских *saiones*, *antrustio* или *gasindes*». Однако в зоне романо-германского синтеза всеобщее вооружение народа в условиях завоевания как пути государствообразования и господства германцев над местным населением сохраняется вплоть до падения этих государств¹, либо (у франков) — до замены народного ополчения феодально-рыцарским. Те небольшие дружины, что существовали, содержались не в силу предоставления части дани или налога с определенной территории (градского округа), как в Центральной и Восточной, частично Северной Европе, а путем земельных пожалований. Данный способ обеспечения «военной аристократии» был экономичнее для казны, но делал ее более независимой от короля и практически «лишал» «дружинного» статуса. И, наконец, но не в последнюю очередь: «дружина» в странах синтеза никогда не выполняла исключительно фискально-административные функции, так как для этого мог использоваться римский аппарат управления, сохра-

¹ Исключение, да и то неполное, — королевство вестготов в Испании. Здесь уже в VI в. народное ополчение готов возглавляли не их племенные вожди, а «специальные должностные лица из рабов фиска», возник зародыш регулярной армии — пограничные гарнизоны, привлекаются к походам испано-римляне (*Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 92—93). С VII в. характер войска меняется полностью. Ими предводительствуют земельные магнаты со своими личными дружинами и зависимыми людьми.

нившийся на местах, органы родо-племенного самоуправления германцев, опирающиеся на вооруженную силу народа, а несколько позднее, с ослаблением или исчезновением тех и других, — двор короля и его должностных лиц — графов и церковную организацию.

«Главным фактором возникновения «варварских королевств» (Западной Европы. — *Е.Ш.*) являлось «образование стратифицированного общества путем завоевания»¹. В этом аспекте данная линия государствообразования более напоминает двухуровневую Болгарию и некоторые корпоративно-эксплуататорские государства, но не более близкие этнотерриториально Чехию, Польшу, Скандинавию и даже Германию.

А.Р. Корсунский считает присущими западноевропейским дружинам эпохи «варварских королевств» следующие специфические черты: 1) наделение дружинников землей; 2) охрана их жизни и достоинства повышенным вергельдом; 3) легальное существование дружин частных лиц.

Один из элементов (третий) более всего восходит к Доминату Рима (вооруженные клиенты, букцеллярии), частично — германской эпохе варварства (дружины хевдингов², отряды знатных эделингов). Другой — вырастает из германского обычного права. Третий (но не первый по списку) — явление абсолютно новое.

В классических «дружинных государствах» первый и третий элементы отсутствуют, второй не является обязательным и ведущим³. Фактически же здесь дружинни-

¹ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. V в.). М., 1984. С. 207.

² Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977. С. 232.

³ Формально-юридически ни в Чехии, ни в Польше, ни даже в Венгрии и Руси рубежа X—XI вв. жизнь дружинника не оценивалась выше жизни простого свободного (рабы не в счет). В «Правде

ки, равно как и их предводители, являлись для простых людей лицами вообще неприкосновенными, и их убийство каралось смертью, так как в центральноевропейской модели ранней государственности судебная власть очень рано стала исключительной регалией верховных правителей¹ и назначенных ими лиц из числа дружинников или управителей имений князя. Главный водораздел здесь проходил между дружиной («внутри» которой был князь) и остальным обществом, иногда с промежу-

Ярослава» и та и другая защищалась одинаковой вирой — в 40 гривен. (Материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1987. С. 11.)

¹ В этом аспекте Русь выбивается из ряда классически «дружинных государств». Здесь именно государство в лице Ярослава Мудрого впервые кодифицирует обычное право славян и «закон русский», дополняя их статьями, регулирующими отношения внутри дружины и охраняющими ее имущество — оружие, одежду, коней. «Правда Ярослава» не носила всеобъемлющего характера, что отличает ее от кодифицированных сборников обычного права германских народов, но все же сам факт государственного закрепления его норм сближает Русь с последними, особенно синхростадиальной, даже значительно отстающей в политическом плане Скандинавией и несколько опережающей Англией. В самом развитом англосаксонском королевстве Кент, где впервые в начале VII в. было записано обычное право, даже король — «еще частное лицо, хотя его жизнь и имущество ценятся выше». В наиболее же патриархальной, подвергшейся воздействию датского права Нортумбрии даже в X в. короля можно было убить, заплатив затем (родственникам и народу поровну) вергельд, лишь вдвое превышающий плату за жизнь эделинга. О том, что король и в это время рассматривается как частное лицо и не только субъект, но и объект права, говорит отсутствие характерных уже для раннего феодализма понятий «государственной измены» и «оскорбления величества». Русские князья, изначально обладавшие судебной властью, в некоторых случаях (например, статьи об изгойстве «Церковного устава Всеволода») ставятся на одну доску в глазах закона (становятся изгоями по разным причинам) не только с купцом и «поповым сыном», но даже и выкупленным холопом (Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. 1976. С. 139).

точным слоем. В странах же романо-германского синтеза таких водоразделов и вертикальных (социально-политических), и горизонтальных (этнических и даже религиозных) существовало несколько, и они образовывали сложную сетку. Регулировать отношения в таком сложном, разноукладном обществе возможно было только с параллельным применением норм римского и обычного германского права, дополняемым корректирующими их с изменившимися реалиями эдиктами королей.

Но главное принципиальное отличие положения дружины в «дружинных государствах» преимущественно Центральной Европы от ее статуса в «варварских королевствах» зоны романо-германского синтеза все же не в этом. В первой форме государственности дружина практически исчерпывает весь не только экономически господствующий, но и политически правящий слой общества, когда родовая знать уже уничтожена, а земле-владельческая еще не народилась (или не создана искусственно).*

Приложение V.

А.С. Щавелев^{1*}. ИМЯ ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЗЯ, ПОГРЕБЕННОГО В ЧЕРНОЙ МОГИЛЕ

Уникальное погребение раннего Средневековья Черная Могила совершено около города Чернигова и традиционно датируется 60-ми годами X века (как по датировкам вещей из комплекса, так и по младшей византийской монете, мало бывшей в обращении, — половине милисиария Константина VII и Романа II (945—959 гг.)). Рекордные по масштабам Восточной Европы размеры погребальной насыпи (высота кургана достигает 11 метров, длина по окружности — 125, диаметр основания — свыше 40, на ее сооружение по

^{1*} *Канд. ист. наук.*

общим подсчетам было потрачено 1500 человеко-дней работы), а также редкий по своему богатству, художественный выразительности и научной информативности инвентарь погребения делают данный археологический памятник, пожалуй, одним из ключевых источников для интерпретации исторического процесса раннего Средневековья.

В историографии¹ неоднократно высказывались различные догадки об имени черниговского правителя, похороненного в Черной Могиле, предлагались и самые разные интерпретации его социального статуса. Первый исследователь кургана Д.Я. Самоквасов приписывал его славянскому князю «племени» северян, Б.А. Рыбаков — князю «племени» полян («поляно-руссов»). Позже в соответствии с концепцией единого древнерусского государства возобладало мнение о том, что в кургане похоронены бояре киевского князя², в частности, погребение

¹ См. обобщающие работы: *Самоквасов Д.Я.* Северянские курганы и их значение для истории // Труды III Археологического съезда в России. Т. 1. Киев, 1878. С. 187—190, 210—224; *Он же.* Могилы Русской земли. М., 1908. С. 190—201; *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. М.—Л., 1949. С. 24—54; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 329—347; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М. — Смоленск, 1995. С. 171—194; *Он же.* Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в ранний средневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 360—369; *Шевченко Ю.Ю.* Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999. (Сб. МАЭ. Т. LVII) С. 9—22; *Щавелев А.С., Щавелев С.П.* Черная могила // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 134—141.

² *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XII вв. М., 1975. С. 72—74; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 94—95; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории... С. 171, 193.

приписывалось воеводе Претичу¹. Но исключительно престижный скандинавский обряд погребения (сожжение в ладье) и богатейший набор оружия и вещей позволяют сделать вывод о княжеском характере захоронения и скандинавском происхождении погребенного. В русле такой интерпретации были предложены отождествления захороненного предводителя с князем «Хлгу», упоминаемым в «Кембриджском документе»², независимым черниговским династом скандинавского происхождения³, с «княгиней» Сфандрой договора «руси» и греков 945 г., со Сфенгом, «братом» Владимира Святославича, упоминаемом в византийских источниках⁴, или просто с анонимным представителем рода Рюриковичей⁵. Идея же о том, что название могилы отражает имя погребенного князя, рассматривалась в качестве практически исключенной версии, опирающейся на поздние легенды, не имеющие под собой какого-либо исторического основания⁶.

¹ *Мачинский Д.А.* Черная могила — поховання воеводи Претича? // Друга Чернігівська обласна конференція з історичного краєзнавства. Вип. 2. Чернігів; Нежин, 1988. С. 15—17.

² *Петрухин В.Я.* Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. IX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1997. С. 69. Ср.: *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X века. Иерусалим; М., 2003. С. 141—142, 147, 151, 163—165, 167.

³ *Новик Т.Г., Шевченко Ю.Ю.* Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск, 1995. С. 96—100; *Щавелев А.С., Щавелев С.П.* Черная могила... С. 139—141.

⁴ *Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю.* Эволюция Чернигова в X веке в контексте киеворусской государственности // Там же. С. 63—66; *Шевченко Ю.Ю.* Княжна-амазонка... С. 17—20. О Сфенге см.: *Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2002. С. 437—438.

⁵ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 165, 251.

⁶ Ее отстаивал только В.А. Пархоменко (*Пархоменко В.А.* Князь Чорний (До питання про добу Сіверянської колонізації Подесенія) //

Между тем уникальное известие Ипатьевской летописи 6655 (1147) г. сообщает о кургане с названием Черная могила: «и ста Изяславъ идеже есть Черная Могила...»¹ Возле нее киевский князь Изяслав назначил встречу своему брату Ростиславу в ходе войны против Святослава Ольговича и его родственников и союзников. Из контекста данного известия вполне ясно, что в этом и последующих эпизодах речь идет действительно об окрестностях Чернигова². Таким образом, традиционное, существующее по сей день название этого кургана вполне аутентично и носит летописный характер. В позднейшей летописной традиции это известие также продолжало фигурировать. Это известие есть практически во всех летописях, отразивших Киевский свод 1198/99 гг. Интересное чтение этого известия дает Ермолинская летопись, в некоторых списках которой стоит множественное число («Черные Могилы»), что перекликается с легендарной

Юбілейний збірник на пошану академіка Д.Й. Багалія. Київ, 1927. С. 379—382; см. также *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности. Л., 1924; *Он же.* Древляне и поляне // ИОРЯС. Л., 1926. Т. XXXI. С. 267—270). Первоначальные публикации пересказов легенд о князе Черном и княжне Черне см.: *Иловайский П.И.* Черниговская старина по преданиям и легендам. Чернигов, 1898. Об эволюции позднесредневековых легенд этого «цикла» см.: *Шевченко Ю.Ю.* Княжна-амазонка... С. 14—17; *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 320.

¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 357.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 357—358. Виднейший знаток летописной географии А.Н. Насонов косвенно признал тождество археологического памятника и летописного топонима, поместив данные наименования под одним номером географического указателя (*Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 147, 210, 390).

традицией, согласно которой погребения «княжны Черны» и «князя Черного» соседствуют¹.

Особо заметим, что изначальная форма названия кургана в Ипатьевской летописи была «Черна Могила» — без последующей буквы «я», вписанной позднее в конце строки². В такой форме имя кургана может восприниматься в качестве краткой формы прилагательного, позднее переправленной на полную — например, по темному цвету сложенной из черноземной почвы насыпи. Но со схожей степенью вероятности форма «Черна» может считаться формой существительного в родительном падеже единственного числа 2-го склонения как ответ на вопрос: «Кого, чья могила?» То есть как родительный падеж от имени собственного — «Чернь» (т.е. «могила Черна») или же именительный падеж женского рода единственного числа краткого притяжательного прилагательного — «чернь» («Черня(а) могила» ср.: «всеволожа дочь»). Сознывая сугубую гипотетичность проделанного построения, все же можно предположить в основе названия данной могилы мужское имя «Чернь» (или «Чернь»), тем более что оно зафиксировано в домонгольскую эпоху — фигурирует в Повести временных лет и в берестяных грамотах, а в «Списке русских городов» конца XIV в. на р. Ирпени упоминается «Черньгород»³.

¹ «Курган княжны Черны» был снесен до археологических раскопок Д.Я. Самоквасова в Чернигове, но, по свидетельству очевидцев, содержал богатый набор вещей, аналогичных погребальному инвентарю Черной могилы (*Ригельман А.А.* О срытом кургане в Чернигове // Черниговские губернские ведомости. 1952. № 44. С. 489—490).

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 357—358, см. примечание «в».

³ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлов; отв. ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996 (Далее ПВЛ). С. 82 (имя «Чернь»); *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 679; *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические Записки. М.— Л., 1952. Т. 40. С. 223.

Косвенным, но важным аргументом в пользу этой версии может служить тот факт, что все остальные курганы, упомянутые в ранних древнерусских источниках, получили названия только по имени погребенных в них правителей¹. В Повести временных лет упоминаются могилы Аскольда и Дира, князей Олега, Игоря, Олега и Ярополка Святославичей, Святополка Окаянного. В более поздних источниках есть сообщения о курганах легендарного основателя Галича и князя Туры. Во всех случаях в письменных источниках отражены аутентичные детали княжеской погребальной практики и точное знание их локализаций².

В летописях отмечены места захоронений захвативших Киев Аскольда и Дира³, а также их убийцы Олега. Причем разные летописи отмечают три места его последнего пристанища: одно в Ладоге, а два в Киеве⁴. Всегда считалось, что тут противоречие, вызванное ошибкой или пристрастной правкой какого-то из источников. Однако в память об основателе русского государства могли

¹ См. подробнее: *Щавелев А.С.* Особенности княжеских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные) // *Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции.* СПб., 2000. С. 106—110.

² Отдельно отметим уникальное сообщение Ипатьевской летописи о захоронении Андреем Юрьевичем (Боголюбским) в 1149 г. своего коня, спасшего хозяина в битве и удостоенного («жалуа комоньства его») похорон в могиле на высоком берегу реки Стырь. Приведенная формула, видимо, повторяет оборот, сопровождавший награждение дружинников-«мужей» («жалуа мужества его»), а обряд отдельного погребения коней был распространен у скандинавов, кочевников и славян еще в языческую эпоху, но, как видим, сохранился в рудиментной форме и в христианский период (ПСРЛ. Т. II. Стб. 391).

³ ПВЛ. С. 14.

⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 109; ПВЛ. С. 425—426.

быть насыпаны кенотафы, не исключено также, что его тело захоронили по частям. Так поступили с конунгом Хальвданом Черным в Скандинавии — чтобы распространить материализованную в этом человеке удачу на разные земли¹.

Курган над останками следующего князя-Рюриковича, Игоря, был насыпан рядом с местом его гибели в земле древлян. Само летописное описание хода погребения указывает на двухэтапное сооружение насыпи, что в свою очередь характерно для больших княжеских курганов Руси и Северной Европы². Последним языческим князем, чья могила сохранилась в поле зрения составителей первых летописей, был Олег Святославич³. Причем точность «устной традиции» на сей счет позволила в 1044 г. (т.е. более полувека спустя) эксгумировать ради крещения кости братьев Владимира Святого Олега и Ярополка, погибших соответственно в 977 и 980 гг. и захороненных, очевидно, по обряду трупоположения⁴. Заметим, что могильный холм над местом первоначального упокоения Олега сохранился

¹ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1995. С. 42. Впервые это сопоставление предложено А.П. Толочко (*Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. Власть. Собственность. Идеология. Киев, 1992. С.17—18). Можно найти в источниках и дополнительные аналогии практике «расчлененного погребения» — так было захоронено тело легендарного героя Грим Эгира (*Панкратова М.В.* Грим Эгир Саги о Хрольве Пешеходе и старолadoжская мифозэпическая традиция // *Ладога и религиозное сознание: Третьи чтения памяти А. Мачинской*. СПб., 1997. С. 7—12; *Мачинский Д.А., Панкратова М.В.* Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга // *Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти А. Мачинской*. СПб., 1996. С. 47—57; так же был захоронен великий герой кельтов Кухулин (*Похищение Быка из Куальнге*. М., 1985. С. 341).

² ПВЛ. С. 27—28.

³ ПВЛ. С. 35.

⁴ ПВЛ. С. 67.

и после перезахоронения его останков, поскольку, согласно ПВЛ, «и есть могила его и до сего дне у Вручего».

В Галицко-Волынской летописи есть редкое упоминание о «Галичине могиле», с которой была как-то связана легенда «о начале Галича, откуда ся почал»¹. Имя основателя Галича, вероятнее всего, этимологизируется от обозначения птицы — «галица», т.е. «галка»². А с могилой, судя по всему, принадлежавшей древнему правителю с эпонимическим именем, были связаны архаичные ритуалы вокняжения в данном городе. Согласно летописному рассказу княжение в Галиче символически было равно стоянию на этом кургане, что позволило обмануть пришедшего князя и формально «сдержать» данное ему слово со стороны представителей местной элиты о вокняжении.

В уставной грамоте князя Любарта Гедиминовича церкви Иоанна Богослова в Луцке (1321) названа «Турова могила»³, т.е. курган, приписывавшийся традицией князю Туры, согласно ПВЛ пришедшему «из-за моря»

¹ Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Составители Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин. СПб., 2005. С. 80, 194; ПСРЛ. Т. II. Стб. 722—723. Ср.: Андрущук Ф. До історії обряду інтронізації давньоруських князів («сидіння на курганах») // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернігів, 2003. С. 5—9.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1999. Т. I. С. 388. Имя *Галица* вполне вписывается в целую серию оноματοпоэтических, орнитоморфных имен, характерных для первых легендарных князей славян — польский *Крак*, чешский *Крок*, хорватский *Будимир* (т.е. петух). См. подробнее: Щавелев А.С. Власть и ее обладатели в древнейших легендах восточных и западных славян // *Palaeoslavica*. Vol. XIII. 2005. № 1. Camb.-Mas. P. 303—309.

³ Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы. XI—XV вв. М., 1976. С. 175.

правителю Турова¹. Она находилась на границе земель волынян, дулебов и дреговичей, центром княжения последних был Туров.

В заключение сформулирую сугубо гипотетический «портрет» погребенного в Черной могиле правителя — его имя, если моя этимология названия кургана верна, звучит как *Чернь* или *Чернь*. Поскольку это имя не вошло в ономастикон династии Рюриковичей², то, скорее всего, перед нами независимый или полунезависимый черниговский князь. В ПВЛ упомянуты два таких правителя скандинава, не связанных с родом Рюрика — Рогволд в Полоцке и Туры в Турове. Учитывая, что перо наконечника парадного копья из Черной могилы было инкрустировано с обеих сторон знаками креста, этот князь проявлял склонность к христианской религии, хотя его погребение было сугубо языческим³. Славянское имя князя отнюдь не противоречит скандинавским чертам «сопроводительного» набора вещей и скандинавскому характеру обряда похорон, поскольку именно в период возведения Черной могилы (960—990 гг.) начинается ассимиляция скандинавских династий. Например, появляется первый Рюрикович со славянским именем — Святослав. Возможно, выбор имени Чернь, созвучного названию города Чернигова, был продиктован какими-то символическими целями, призванными подчеркнуть

¹ ПВЛ. С. 36.

² См. последнюю работу на эту тему: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

³ Публикацию прориси наконечника и интерпретацию смысла его инкрустаций см. подробнее: *Каинов С.Ю., Щавелев А.С.* Изображение креста на наконечнике копья из Черной могилы (Технология и семантика) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 83—90.

укорененность династии в нем или легитимность прав на престол¹.

Приложение VI. С.П. Щавелев^{2*}. ЗООМОРФНЫЕ ОСТРОКОНЕЧНИКИ ИЗ СОСТАВА ДРУЖИННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ЕВРОПЫ VIII—XI вв.

Среди археологических находок порой встречаются предметы, чье функциональное назначение с трудом поддается объяснению, а то и вовсе остается загадочным. К их числу относится тот тип изделий художественного ремесла из кости и рога, что обсуждается здесь. Его сужающийся конец более или менее заострен, а утолщенный туп, обычно покрыт орнаментом и с разной степенью стилизации представляет собой голову некоего животного с оскаленной пастью — волка, медведя, пантеры, бобра, а чаще всего рыбы или змеи. Черты такой зооморфной миниатюры варьируются от вполне реалистичной передачи природы до явно фантастического, сложносоставного образа сказочного чудища, дракона.

Археологи условно называют эти артефакты остроконечниками или же изогнутыми остриями. Они изготовлялись из тех частей скелетов охотничьих животных, что заострены и изогнуты самой природой — сначала кабаньих клыков, а затем рогов некоторых представителей семейства оленьих (оленья, косули, лани); наконец, (в районе северных морей) моржовых бивней. На выбор материала влияла, не исключено, тотемизация основного объекта ритуальной охоты в том или ином регионе.

¹ Об именнаяречениях наследников с «политическим подтекстом» см.: Успенский Ф.Б. Имя и власть. Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.

^{2*} Докт. ист. наук., докт. филос. наук.

В качестве вероятного прототипа (или аналога?) рассматриваемых здесь продуктов косторезного ремесла можно указать на оформленные в похожем зверином стиле кабаньи клыки из воинского убора савроматов, их уральско-сибирских предков и непосредственных преемников — ранних сарматов. Эти изделия при раскопках находят обычно в комплекте с конской сбруей, или колчанами, или мечами. Исследователи соответствующих культур оценивают данные изображения волка, медведя и «полиморфных фантастических существ» в качестве амулетов-апотропеев¹.

Как это порой случается при эволюции археологических культур, в принципе тот же тип изделий несколько столетий спустя вновь входит в моду на просторах Евразии. Правда, изменился их материал (не кабаньи клыки, а по преимуществу отростки оленьих рогов), увеличился размер. Ареал распространения подобных находок исключительно широк. В Европе — от Англии и Скандинавии на севере до Причерноморских степей и Подонья на юге; от Подунавья и Поднепровья на западе до Поволжья и Приуралья на востоке. Наибольшую же концентрацию находок этого типа дает несколько так или иначе взаимосвязанных культурно-исторических территорий Восточной Европы последней трети I тыс. н. э. Во-первых, носители салтово-маяцкой культуры и другие кочевники южных степей (болгары, авары); во-вторых, зона экспансии викингов; в-третьих, племенные объединения восточных славян и их соседей, включая раннюю Русь. Самые поздние обнаружения остроконечников датируются концом X — началом XI в.

Хотя отдельные экземпляры найдены в женских, детских погребениях или же в сугубо хозяйственных локу-

¹ См.: Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // Советская археология. 1969. № 4; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 165, 168, 370—371.

сах поселений, явное большинство таких острий относится к могилам воинов и охотников или же приурочено к укрепленным цитаделям городищ, т.е. связано скорее всего с их воинскими гарнизонами. Специальное исследование установило довольно высокую статистически зависимость этого класса находок от прочих элементов «форменного» дружинного наряда IX—X вв. Каково бы ни было на самом деле предназначение этого изделия, вполне ясно, что оно входило в набор портупеи конного воина и охотника той эпохи наряду с ножом, огнивом и т.п. атрибутами снаряжения¹. Попавшие в состав погребального инвентаря находки такого рода относятся к могилам разного ранга — и рядовых, и состоятельных, а то и явно богатых для своего времени лиц. Утилитарность использования острий вполне могла сочетаться с их же престижностью, элитарностью (которая в раннем Средневековье не исключала, а предполагала в правящем кругу женщин из знатных семей, как и спорадические занятия их представителей ручным трудом, разными ремеслами, тем более охотой).

Попытки истолковать предназначение данных предметов в археологической литературе крайне разноречивы и при ближайшем рассмотрении в большинстве своем малоубедительны. Перечислю эти версии в примерном порядке их выдвижения в археологической литературе и с кратким комментарием степени правдоподобия каждой.

Первая группа версий связывает такого рода поделки с «гражданским» инструментарием своего времени:

¹ См.: *Мурашова В.В.* Семиотический статус пояса в средневековой Руси // Труды ГИМ. Вып. 82. Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 9; *Флерова В.Е.* Резная кость юго-востока Европы IX—XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001. С. 71—73.

- *иглы для плетения рыболовных сетей* (Сизов В.И., 1902; Рыбаков Б.А., 1939); схожего назначения *когедыки* (Шадыро В.И., 1986) — маловероятно, потому что широко известны такие именно инструменты более простых форм; к тому же трудно предположить, чтобы массы воинов сами плели рыболовные сети и т.п. изделия;

- *шилья* или же *проколки*, используемые в том числе для расширения отверстий в сыромятных ремнях (задубевающих от влаги и холода) (Атанасов Г., 1987; др.) — опять-таки вряд ли, поскольку имеются более тонкие, из других частей скелета животных инструменты такого рода (так называемые стержневидные острия); в ряде случаев они встречены в одном наборе с собственно остроконечниками; недавно в качестве шильев предположен еще один тип загадочных аксессуаров дружинников — так называемые железные иглы с кольцами¹;

- *писала (стили)* (Медведев А.Ф., 1960; Медынцева А.А., 1983; Рыбаков Б.А., 1988; др.); и вновь замечу — едва ли, ведь большинство рассматриваемых изделий слишком массивны и тупы для письма на любых материалах (по сравнению с явными писалами, включая костяные); для языческого периода бытования остроконечников применение письменности, даже примитивной, рунической, представляется скорее исключением, нежели правилом даже в дружинной среде. На Руси древнейшие типы писал датируются второй половиной X — первой половиной XI в., тогда как остроконечники появляются на столетие, а то и более ранее.

¹ См.: *Вергун О.* Железные иглы с кольцами на территории Восточной Европы (постановка вопроса) // *Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX—XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів — Шестовиця, 20—23 липня 2006 г.)*. Чернігів: Сіверянська думка, 2006. С. 227—231.

Правдоподобнее версии, относящие остроконечники исключительно к воинской амуниции; однако и при такой атрибуции остаются разногласия исследователей относительно их предназначения:

- *оружие* (О.О. Ратич, 1959) (типа «кинжала милосердия» на войне? для добивания зверей на охоте так, чтобы не портить их шкуры?) — возникают примерно те же возражения, что относительно предыдущих версий; при наличии железных ножей, включая явно боевые, непонятно, зачем было прибегать к материалам неолитической давности;

- *орудие для натягивания тетивы лука* (I. Erdeli, 1966) (как именно?);

- *орудие для вытаскивания отравленных стрел* (Ж. Вьжарова, 1976) — эта и предыдущая версии не находят этнографических аналогий, а потому остаются в области экзотичной фантазии; большая часть острий происходит из таких погребений, где нет ни стрел, ни других атрибутов лучника, да и всадника тоже;

- *рукоятки плетей (нагаек) наездника* (И.В. Яценко, 1990; мн. др.) — не более вероятно, ибо не просматривается надежный способ крепления ременной части бича к костяному острию; к тому же значительная часть изделий слишком массивна, либо маловата для удобного захвата ладонью с такой целью; в период и в среде бытования острий распространены железные кнутовища (как в кургане № 2 из урочища Плакун) и, надо думать, похожие на них деревянные (костяные навершия нагаек в свою очередь хорошо известны археологам);

- *инструменты для развязывания* (ослабления узла) лошадиных пут (V. Hrubí, 1957; Т. Димов, 1989; Б.Б. Овчинникова, 1990; др.) — точка зрения, наиболее часто повторяемая в последние годы при публикации таких находок, однако в свою очередь достаточно умозрительная; возражения на это объяснение похожи на

аргументы против предложений писать или вязать крупными и туповатыми экземплярами поделок такого рода; наконец, лошадиные путы у мало-мальски зажиточных салтовцев были железными; конных воинов среди варягов поначалу их экспансии на восток было явное меньшинство, равно как и среди их восточнославянских партнеров;

- на мой взгляд, не исключено, что перед нами лоцила для выглаживания, полировки каких-то изделий или же *скребницы* для очистки оружия, костюма или верхового коня;

- или (и), по-моему же, это может быть своеобразная *шпора*, ручное стрекало, чтобы подгонять скачущую лошадь (обувные шпоры с крупным шипом на территории Восточной Европы широко распространяются только после окончательного становления всаднической субкультуры в середине XI в.; именно массовое применение железных шпор, стремян разных типов и нагаек вместе с целиком конными отрядами могло привести к исчезновению остроконечников из снаряжения восточноевропейских дружинников);

- «просто» *амулеты* (К.Ф. Смирнов, 1984; А.П. Моця, 1987; Р.Д. Михайлова, 1990; др.) — надо признать, что данная оценка наиболее правдоподобна и магическая функция у этих изделий могла быть если не единственной, то явно необходимой, даже преобладающей в глазах их изготовителей и владельцев. Иначе зачем было так изощренно декорировать их навершия?

Но какой именно мифологический смысл воплощался при этом, авторы названного мнения не поясняют. В пользу символического значения острий свидетельствует их нередкая орнаментация, включая весьма подробную, пиктографического типа; а также этнографические параллели: кабаньи клыки, отростки оленьих рогов в качестве амулетов носились сибирскими охотниками в

составе снаряжения еще в XIX в. (Таксами Ч.М., 1970). Сам прием изготовления — скульптурное выявление зрительного образа, заложенного природой в материале (натуральный макет), — восходит к очень ранним стадиям исторического развития и отличается универсальным распространением среди архаичных религиозных культов (Столяр А.Д., 1982).

Однако те факты, что большинство острий обнаружено в комплексе с инструментами, чье предназначение вполне понятно: острый конец некоторых изделий этого рода носит следы срабатывания (стирания), а иные остроконечники находят в поломанном состоянии, не позволяет полностью отрицать их утилитарно-бытового применения.

В сугубо экспериментальном порядке каждую из перечисленных выше задач можно лучше или хуже решать с помощью *отдельных подтипов (видов)* относимых к остроконечникам изделий. Однако против каждого из предположений существуют, как видно из сказанного, и резонные возражения. Иные варианты схожих по общей форме острий никак не приспособлены для тех или иных из предположенных разными исследователями функций. Не исключено, что перед нами не один класс изделий, а несколько разнонаправленных продуктов косторезного ремесла. А уподобляющая их друг другу декоративная форма отражает лишь сходные мифологемы.

Наконец, нельзя исключить полифункциональности или же изменения предназначения данных предметов от периода к периоду, от одного региона к другому.

По всей видимости, настоящая роль изучаемых вещей вряд ли будет установлена точно. Судя по облику и следам применения на их поверхности, по положению в труположениях (у пояса или у ноги, порой в чехле вкуче с прочим обыденным скарбом) и по находкам в жилой зоне поселений (постройки, хозяйственные

ямы), перед нами все-таки бытовое орудие. Его могли использовать не только воины в походе, но и более широкие слои населения в своей повседневной жизни. Например, в одном из камерных погребений под курганом Шестовицы (№ 61 по Д.И. Блифельду) у пояса покойного воина находилась сумка, а в ней наряду с обычным набором предметов для самообслуживания (шило, гребень, кресало, точильный брусок) — острие из рога косули с «вырезанной мордой зверя и бронзовым кольцом, которое продето было в ее пасть». Публикатор этой находки честно определяет этот «рожок» как «изделие неизвестного предназначения».

Вместе с тем изобразительный декор остроконечников ясно говорит о том, что всегда и везде с ними одновременно связывались и некие религиозно-идеологические представления. За внешним бионическим подобием явно скрывался некий набор мифоэпических аллюзий. С моей точки зрения, эти последние аспекты семантики остроконечников уводят нас в пласты прежде всего воинской, дружинной мифологии периода становления раннесредневековых этносов и политий Евразии.

Общие для всех остроконечников мотивы звериного стиля заметно варьировались на разных участках их бытования. В самом общем плане бросается в глаза разница трех основных зон:

- *северной* (скандинаво-русской), где острия наиболее конкретно выглядят «дракончиками» или же реальными зверями;
- *южной* (степной — салтово-хазарской, болгарской, аварской и т.п. принадлежностей), где они наиболее абстрактны и «породу» их модели угадать затруднительно;
- *промежуточной* («племена» восточных славян и их соседей лесной и лесостепной зон), чьи изделия в этом стиле представляют собой нечто среднее, переходное от определенного зверя к фантастическому змею-дракону.

Отмеченная разница могла быть обусловлена спецификой мифологического мировоззрения соответствующих народов — германцев-скандинавов; иранцев и тюрков; славян и соседских им народов лесной зоны. Помимо влияния иранской мифологии на славянскую и (опосредованно) на германскую, у всех них имеются общие индоевропейские прототипы, которые и могут объяснять географический и хронологический размах бытования зооморфных острий.

Самый распространенный в декоре остроконечников мотив змея-дракона¹ обусловлен самой их природной формой, моделирующей изгиб пресмыкающегося. По этой же причине этот вариант их оформления скорее всего первичен по сравнению с мотивами хищников-млекопитающих, появившихся при движении соответствующего архетипа на север, в лесную зону обитания этих последних. Как известно, при воинской инициации ритуальное превращение молодого воина в кровожадного зверя, беспощадного ко всем, кто не его «породы», «стаи», подчеркивалось в старейшей традиции индоевропейцев надеванием шкуры хищника². Редукция этого образа дает амулеты в виде звериных клыков, когтей, птичьих перьев и звериного меха в боевом и парадном убранстве первобытных и даже современных солдат и особенно офицеров (с их плюмажами, аксельбантами,

¹ См.: Михайлова Р.Д. О зооморфных остриях и культуре змеи // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» Чернигов, 1990. Хотя у южных, кочевнических наконечников толстый конец обычно не обработан детально под голову чудовища или вообще зверя, однако эта голова иногда грубо намечена и у них. Они же порой несут зооморфные рисунки и другие знаки. К примеру, такое острие происходит из культурного слоя болгарской Плиски VIII—IX вв.: Михайлов С. Археологически материали от Плиска (1948—1951) // Известия на Археологическия институт. Кн. XX. София, 1954. С. 65—67.

² См.: Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 121—122.

стеками и маршальскими жезлами, т.п. аксессуарам). Ватаги молодых убийц вне всяких законов выпускались правителями разных средневековых народов на пограничья своих владений — для их охраны, а при необходимости и анонимной терроризации политических противников. Кульминацией инициационного ритуала выступало убийство сакрального животного, в результате чего воин-спаситель соплеменников возвращает себе человеческое существование, остальные социальные функции. Примерами чего могут служить такие персонажи русского героического фольклора, как Добрыня-змеборец, Илья Муромец — победитель Змея Горыныча и прочих хтонических супостатов, и т.п.¹ С указанным мотивом возврата людской природы могут быть связаны те немногие остроконечники, что увенчаны антропоморфными изображениями-личинами.

Змей (позднее дракон) — наиболее частый противник и нередко одновременно прародитель, покровитель мифопоэтических героев-богатырей у самых разных народов, от Гильгамеша или Геракла до Сигурда или св. Георгия. Первоосновой столь бродячего сюжета большинством его исследователей (Ж. Дюмезилем, М. Элиаде и др.) признается космологическая символика такого чудовища, олицетворяющего неосвоенное людьми пространство мироздания, его бесконечную онтологию. «Именно поэтому змеи и драконы почти везде отождествляются с “хозяевами места”, с “автохтонами”, против которых должны сражаться пришельцы, “завоеватели”, те, кто должен “формировать” (т.е. “создавать”) завоеванные территории»². А обладателями костяных моделей змеедраконов как раз и выступали чаще всего представители ударной силы захвата чужих земель, за-

¹ См.: Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Русский былинный эпос. Курск, 1995. С. 58—69.

² Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 121—122.

крепления их в собственную родину; контролеры межплеменных территорий (что полукочевые хазары и их сателлиты, что викинги-варяги, что славяне на «фронтире» леса и степи).

Подчеркнутая моделировка именно головы миниатюрной копии чудовища отражает, по всей вероятности, негомогенность пространства в мифологизированном сознании. Сравним голову Медузы-Горгоны как оружие ее победителя Персея (попавшую на византийско-русские амулеты-змеевики) или же литературный бой пушкинского Руслана с головой богатыря, и т.п. сюжеты, когда за пределами головы сакрального оппонента героя пространство «сворачивается», обесценивается. Так что культовое намерение на мифологизированный взгляд логично сочетается с рабочим острием рассматриваемых изделий косторезного ремесла.

Взаимосвязь змея и богатыря усложняется в генетическом плане: «Рожденный от змея убивает змея» (В.Я. Пропп). Образ змеевича соотносится при этом с оформлением княжеской среды (происходившей из родо-племенной верхушки, либо иноземных династов), а змееборца-богатыря с дружинным коллективом (рекрутировавшимся первоначально — в эпоху вожеств, «военной демократии» из числа свободных мужей-общинников). Отношения князя-находника и обладателей дружинного богатырства отражены позднейшей былиной «Вольга и Микула». Пахарь-богатырь Микула Селянинович помогает князю Вольге (Олегу) покорить новые земли, но при этом сохраняет независимость от князя и его дружины. Микула один сильнее всех остальных богатырей вместе взятых, как вооруженный народ — любой дружины.

В тот же символический ряд встраивается и летописная легенда о напророченной волхвом гибели Вещего князя Олега от укуса змеи, спрятавшейся в скелете его

любимого коня (между прочим, материал для некоторых остроконечников явно позаимствован находчиками из попавшихся им на пути скелетов погибших своей смертью животных). В этом фольклорном сюжете из летописи змей убивает героя, пренебрегшего языческой мудростью. Для тех, кто ее признавал, культовое значение змеи как повсеместного в архаичных обществах символа мужского плодородия могло повлиять на фаллический облик некоторых видов костяных остроконечников.

Эпический змей или же его порождение — богатырской силы воитель — способны превращаться (вместе со своей дружиной) в волков или других зверей, птиц; приобретать их выигрышные черты, помогающие совершать подвиги и спастись от их нежелательных последствий (сравним древнерусское предание о князе-волхве Всеславе Полоцком и его былинные парафразы). Этим, наверное, объясняется вариативность зоологических форм у остроконечников. С точки зрения симпатической логики магического мышления изображения разных хищников в руках наездника должны были взбадривать лошадь да и ее всадника не хуже живых зверей.

Другая мифологически возможная инверсия змеиного мотива отражена в древнегерманских кеннингах мирового змея как пояса, кольца, ожерелья Земли, чьи пределы ограждены его извивами¹. Вот и остроконечник, напомню, носили чаще всего на поясе. Подвешенный там за ремешок, он мог напоминать обитателю Среднего мира Мидгарда о пойманном на удочку Тора мировом змее Ермунганде. Этот первотрофей героя-драконоборца, защитника людей от пугающей дисгар-

¹ См.: *Топорова Т.В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994. С. 47.

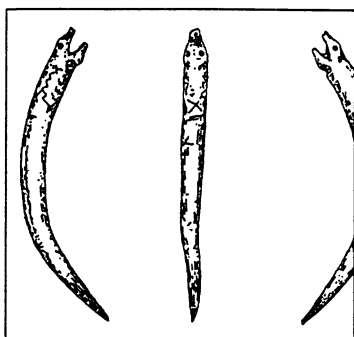

Рис. 11. Роговой остроконечник с тамгообразным знаком и орнаментом. Из раскопок Б.А. Рыбаковым в 1939 г. городища «Крутой курган» у с. Голева Беловского района Курской обл. Хранится в Курском областном краеведческом музее.

Атрибутирован автором по архивированным в Рукописном архиве ИИМК РАН и Государственном архиве Курской области полевым отчетам Б.А. Рыбакова («костяная проколка-змейка», «игла для плетения сетей»).

Рис. Н.В. Срывковой (Курский музей археологии). Предоставлен заместителем директора КОКМ В.И. Скляруком

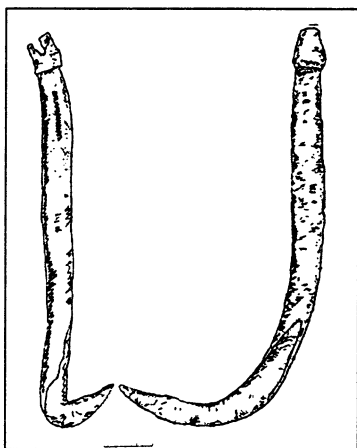

Рис. 12. Роговой остроконечник. Из раскопок В.В. Енукова 1991 г. на площадке Ратского городища (Курский район). Инвентарный номер 41. Находился в хозяйственной яме (6 Б раскопа 5) роменского времени. Из фондов Курского государственного музея археологии. Рис. И.В. Гуревой. Предоставлен хранителем фондов КГОМА А.Н. Апальковым

монии внешнего мира Утгарда, и могла тиражировать по крайней мере северноморская и варяго-русская часть остроконечников. Они представляли собой своего рода иллюстрацию предания из «Саги о Вольсунгах» о Сигурде, на доспехах которого дракон был начертан потому, «чтобы всякий, кто его увидит, мог узнать, что это

он... убил того великого дракона, которого варяги зовут Фафни».

Острия в «драконьем» стиле на севере и в центре Восточной Европы явно приурочены к местам компактного проживания выходцев из Скандинавии. Это соответствующие погребения Гнездова¹; трупосожжения из курганов Приладожья²; Тимеревский могильник³; Западная Двина⁴; Галицкая земля⁵ (где археологически обнаружился целый «заповедник» северных поселенцев, сохранивших там вплоть до XII в. «язык, письмо, именовслов и другие культурные традиции своих предков»⁶); Березовецкий курганный могильник в районе о. Селигер — перевалочного пункта на выходе из Приильменя в Волгу (образец, похожий на нижеупоминаемые курские, — с изображением чешуи и головы змеи; из кургана второй половины X в.⁷); Киевский могильник; Чернигов и его округа (курган Гульбище,

¹ См.: *Пушкина Т.А.* Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы (Труды ГИМ. Вып. 82). М., 1993.

² См.: *Бранденбург Н.Е.* Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России. № 18. СПб., 1895. С. 57, 86—87.

³ См.: *Фехнер М.В., Недошивина Н.Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология. 1987. № 2. С. 83—84.

⁴ См.: *Шадыро В.И.* Раскопки селища Прудники // Археологические открытия 1984 г. М., 1986. С. 352.

⁵ См.: *Ратич О.О.* Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель // Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вып. 2. Київ, 1959.

⁶ *Мельникова Е.А.* Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // Труды Международного конгресса славянской археологии. Т. IV. Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1997. С. 19.

⁷ См.: *Успенская А.В.* Березовецкий курганный могильник X—XI вв. // Труды ГИМ. Вып. 82. Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 109.

где автор раскопок принял это изделие за «изображение щукообразной рыбы»¹; пять находок в некрополе Шестовицы² — первого гнезда скандинавов на Днепровском Левобережье); т.п. места оседания скандинавов «в Гардах».

Образцом бытования зооморфных остроконечников у славян может служить Курское Посеймье — географическая сердцевина летописных северян. Шесть экземпляров подобных изделий обнаружено в позднероменских слоях курских городищ — Гочевского (рис. 11), Шуклинского, Горнальского, Переверзевского II (два экземпляра³), Ратского (рис. 12).

Аналогичные изделия встречены на сопредельных территориях роменской культуры — в одном из жилищ Боршевского городища, в Петровском городище на верхней Ворскле, в Плеснеске, других местах Днепровского Левобережья. По своему облику все они представляют собой нечто среднее по реалистичности передачи змеэдраконьих, звериных черт — между предельно упрощенными по резному декору остриями подобного рода, встреченными в материалах хазарского Саркела⁴, и вычурными «дракончиками» скандинавских видов.

Надо заметить, что черты «звериного стиля», причем северо-западного происхождения, прослеживаются не только на примере остроконечников, но и по целому ряду других находок в краю летописных северян⁵.

¹ Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 197.

² Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 86—87, 153, 206.

³ Фото одного из них: Пузикова А.И. Раскопки в Курской области // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 78; рис. 1. А; Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998. С. 58.

⁴ См.: Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 148; рис. 40.

⁵ См.: Щавелев С.П. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н.э.) //

ди самых последних по времени обнаружения — те, что представлены здесь. Это металлические подвески явно скандинавского облика. Первая — щитовидная, в декоре которой змеиный мотив совмещен с растительным. Вторая — в стиле Борре, имеющая несколько прямых аналогий на Руси (Гнездово, Старая Ладога и др.) и в Скандинавии, служит образцом изображения змеевидного чудовища с лентовидным туловищем. Прототипы вышеупоминавшихся остроконечников здесь как бы объединены.

Тот же мотив воплощен в следующем ювелирном украшении. Это височное кольцо по форме очень похоже на змеедракона; оно, как и многие костяные острия, с орнаментом и руноподобным знаком. Наличие драконьей символики на синхронных остриям изделиях иного типа свидетельствует о широком распространении соответствующих представлений у разных народов Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья.

Сами время и места бытования остроконечников наводят на некие предположения относительно их роли в быту и на параде. Как видно, победа и распространение христианства и других мировых религий разрушили идеологический контекст мифоязыческого понимания и воспроизведения зооморфных острий. В отличие от некоторых других категорий языческих амулетов (лунниц, змеевиков и т.п.), которые сумели на какое-то время синкретизироваться с новыми, православными оберегами, остроконечники не пережили христианизации. Это, возможно, говорит об их повышенной (элитарно направленной?) идейной нагрузке в языческом мире.

Угасание моды на ношение остроконечников совпадает с переходом от так называемой дружинной (ранней)

Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124).

государственности к так или иначе феодализирующимся обществам с четкой вертикалью власти и соответствующих ей рангов социального престижа. Богатырство при этом отходило в область преданий, становилось вдохновляющим прошлым. Символ змея-дракона, иного зверя-патрона богатыря, угасает вместе с подчинением претендентов на богатырство военной дисциплине регулярных армий того или иного князя.

Приложение VII.

Е.В. Литовских^{1*}. ПРАВО И ЕГО НАРУШЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАНДИИ

Сведения исландских нарративных источников, и в первую очередь родовых саг, по юридическим вопросам вызывали интерес у исследователей еще в XIX в. А. Хойслер полагал, что информация о юридической практике в Исландии, содержащаяся в них, по своей достоверности равноценна информации судебныхников, поэтому саги могут использоваться наравне с ними в качестве источников по правовым вопросам, а следовательно, и по использованию в этой области генеалогической информации².

Позднее, на волне критического отношения к источникам по скандинавскому праву, К. фон Зее высказал сомнения в достоверности юридических сведений, содержащихся в родовых сагах. Он отмечал, что необходимо учитывать прежде всего нарративный характер этого типа памятников, что допускает наличие в нем неточностей и вымысла³.

^{1*} *Канд. ист. наук.*

² *Heusler A. Das Strafrecht der Isländersagas. Leipzig, 1911. S. 13.*

³ *von See K. Altnordische Rechtswörter. Tübingen, 1964. S. 84.*

Дальнейшие исследования юридических казусов в сагах привели к тому, что большинство ученых вслед за К. Готтцманн пришло к выводу, что саги дают достоверные образцы правового поведения средневековых исландцев, чего нельзя сказать о правовых нормах, сведения о которых требуют дополнительной верификации из-за возможного литературного вымысла. Исходя из этого сама возможность анализа правовых функций генеалогии в сагах по-прежнему ставится исследователями под сомнение¹.

Однако К. Белерт, проведший подробный сравнительный анализ описаний юридических норм и процедур в родовых сагах и своде исландских законов «Grágás», чьи положения действовали во время записи саг, пришел к выводу, что юридические процедуры в сагах не только в целом совпадают с описанными в своде законов, но и могли быть прямо заимствованы из него².

Достаточное количество информации об исландской правовой практике можно найти и в «Книге о заселении страны» (*Landnámabók*), историческом произведении, повествующем о первом периоде заселения Исландии, первопоселенцах и тех территориях, которые они заняли. Однако материал «Книги», связанный с правовыми вопросами, изучен недостаточно.

Верховным законодательным и судебным органом в средневековой Исландии был тинг (*þing*), или регулярное собрание всех свободных домохозяев. Исполнительной власти в Исландии того времени не существовало, за соблюдением законов следили сами исландцы. Выс-

¹ См.: *Gottmann C.L.* Njáls saga. Rechtsproblematik im Dienste sozio-kultureller Deutung. Bern, 1983. S. 17—26. А также: *Byock J.L.* Feud in the Icelandic Saga. London, 1982; *Miller W.J.* Bloodtaking and Peacemaking. Chicago, 1990.

² *Belert K.* Island og de islandske sagær. København, Tillrup, 1985. S. 71.

шим правовым авторитетом считался законоговоритель (*lögsögumaðr*), специально избираемый на четыре года человек, который прилюдно на тинге повторял законы и следил за их соблюдением. Судебные дела откладывались до тинга, а там разбирались судьями, выбираемыми из самых уважаемых людей. Очень часто ими были годи (*godí*), языческие жрецы, они же следили за соблюдением закона на местах.

Правонарушения были достаточно распространенным явлением в средневековой Исландии. Очень часто самой причиной переселения на остров было, как это видно из саг и «Книги о заселении страны», совершение будущим переселенцем убийства на прежнем месте жительства — в Норвегии¹ — или какое-либо другое совершенное им правонарушение, например присвоение дани, принадлежащей конунгу². Неудивительно, что на новом месте, в Исландии, жизнь выходцев из Норвегии не отличалась спокойствием.

Даже заселение другого крупного острова этого региона — Гренландии — произошло из-за того, что будущий гренландский первопоселенец Эйрик Рыжий был вынужден уехать из Исландии после совершенного им убийства³.

В «Книге о заселении страны» неоднократно упоминаются и побеги, и бунты рабов, часто с последующим убийством ими своих хозяев. Но никому из восстававших рабов не удавалось избежать мести хозяев или их

¹ Landnámabók / Jakob Benediktsson // Íslensk fornrit. Reykjavík, 1968. Bd. 1. K. 3. Bls. 27 (далее — Landn.). См. также Landn. K. 18. Bls. 45; K. 27. Bls. 62; K. 65. Bls. 152; K. 66. Bls. 153; K. 94. Bls. 215.

² Landn. K. 32. Bls. 72.

³ Landn. K. 35. Bls. 78. См. также «Сагу о гренландцах» и «Сагу об Эйрике Рыжем».

родичей¹. Самым известным в этом ряду было убийство первопоселенца Хьерлейва рабами, сначала обманом выманившими его из дома, а затем сбежавшими со всем его имуществом, но в итоге павшими от руки Ингольва, побратима Хьерлейва, отомстившего за него².

Одним из важных аспектов древнеисландской процессуальной практики были имущественные отношения. Родственные связи, как известно, обуславливали права на владение определенным участком земли и его наследование, что особо подчеркивает А.Я. Гуревич³.

Права собственности занимали большое место в исландской юридической практике: любое, даже незначительное, посягательство на них служило причиной или поводом к вражде между родами. Одной из причин вражды могло служить спорное имущество супругов⁴ или соседей⁵, другой — принадлежность годорда, а точнее стремление его захватить⁶.

В «Книге о заселении страны» описывается цепь убийств, начавшаяся даже с соблазнения девушки⁷ или с подозрения во вредоносном колдовстве, повлекшем за со-

¹ Landn. K. 25. Bls. 59; Landn. K. 35. Bls. 78; Landn. K. 45. Bls. 99.

² Landn. K. 6. Bls. 30.

³ См.: Гуревич А.Я. Человеческое достоинство и социальная структура. Опыт прочтения двух исландских саг // Одиссей. М., 1997. С. 25.

⁴ В случае с тяжбой по поводу приданого Унн — Brennu-Njáls saga / Finnur Jónsson. Halle, 1908. (Altnordische Saga-Bibliothek; Н. 13). К. 8. Bls. 22—23; К. 21. Bls. 49—50 (далее — Nj.). Ср. убийства, совершенные вследствие ссоры между супругами, упоминаемые в Книге о заселении страны — Landn. K. 51. Bls. 113—114.

⁵ Landn. K. 17. Bls. 44; Landn. K. 22. Bls. 54; Landn. K. 34. Bls. 76; Landn. K. 41. Bls. 93; Landn. K. 65. Bls. 152; Landn. K. 97. Bls. 222.

⁶ В «Care о Ньяле» это проявилось в выступлении Мерда против Хескульда — Nj. K. 107. Bls. 249—250. А также Nj. K. 36. Bls. 80; K. 64. Bls. 144; K. 106. Bls. 247.

⁷ Landn. K. 58. Bls. 134.

бой вред хозяйству¹ или болезнь людей². Случалось, что ссора начиналась из-за того, что кто-то не вернул одолженные резные спинки скамей³. И уж тем более убийства должны были последовать за осквернением почитаемых мест, как это произошло с местом тинга Священной Горы. Хотя после череды убийств и продолжительной мести враждующие стороны примирились, место тинга все равно пришлось перенести, как утратившее свою чистоту⁴.

В качестве поводов возобновления вражды в «Саге о Ньяле», одной из самых больших родовых саг, выступают, например, захват земли, который якобы совершил Гуннар⁵, и нарушение границ собственности — проезд Хёскульда через чужой двор⁶. Очень часто причиной ссоры, доходившей до убийств, могла стать принадлежность свободно пасшегося скота⁷ или кита, прибитого на спорную территорию⁸.

Однако в ряде случаев родственники (кроме родителей и детей это могли быть братья или дядя с племянником) владели совместным имуществом, и это не вызывало особых противоречий, по крайней мере без другой скрытой причины⁹. Родичи могли также обмениваться личным дви-

¹ Landn. K. 40. Bls. 89.

² Landn. K. 28. Bls. 65—66; Landn. K. 30. Bls. 69.

³ Landn. K. 35. Bls. 78.

⁴ Landn. K. 33. Bls. 74—75.

⁵ Nj. K. 68. Bls. 152.

⁶ Nj. K. 98. Bls. 225.

⁷ Landn. K. 14. Bls. 38; Landn. K. 17. Bls. 44; Landn. K. 22. Bls. 53; Landn. K. 54. Bls. 118.

⁸ Landn. K. 16. Bls. 41; Landn. K. 28. Bls. 64.

⁹ *Þeir áttu skóg saman, Njáll ok Gunnarr, í Rauðaskríðum, þeir höfðu eigi skipt skóginn en hvárr var vanr at höggva sem þurfti ok talði hvárgi á annan of þat* («У Ньяля и Гуннара был общий лес на Красных Оползнях, они не делили леса, и каждый рубил, сколько ему было нужно, и не попрекал другого за это») — Nj. K. 36. Bls. 79; а также — Nj. K. 28. Bls. 63; Landn. K. 15. Bls. 40; Landn. K. 17. Bls. 44.

жимым и недвижимым имуществом, и чем ближе была степень их родства, тем бóльшие «нарушения» прав собственности прощались или улаживались без суда, по взаимной договоренности: дядя мог простить племяннику потраву, брат — отказ вернуть одолженные украшения и т.п.¹

В суде для подтверждения или опровержения владельческих прав могли также использоваться сведения родословных. Так, в «Саге об Эгиле» есть эпизод, в котором сторона истца апеллирует в суде к праву по древности владения, аргументируя это тем, что «Ани [дед ответчика] получил землю от Грима, моего отца [деда истца]»². Таким образом, подтверждался, с одной стороны, сам факт заключения сделки в прошлом и ее действительности до настоящего времени; с другой, указывалось подчиненное положение ответчика по отношению к истцу (поскольку он не купил землю, а был наделен ею, тем самым оказавшись от него в зависимости), а следовательно, и необходимость соответственной стратегии взаимоотношений; и в третьих, хотя и косвенно, свидетельствовало о длительном владении сторонами собственностью, а следовательно, об их родовитости.

Одним из главных вопросов, связанных с собственностью, было, безусловно, наследование. Свод исландских законов «Grágás» четко ограничивал круг наследников³.

¹ Laxdæls saga / Einar Ólafur Sveinsson. Reykjavík, 1934. (Íslenzk fornrit; Bd. 5). К. 18. Bls. 113 (далее — Laxd.); Nj. К. 12. Bls. 33 и др.

² *Áni þá land að Grími, föður mínum* — Egils saga Skallagrímssonar / Sigurður Nordal. Reykjavík, 1933. (Íslenzk fornrit; Bd. 2). К. 85. Bls. 134 (далее — Eg.).

³ На данную тему написано множество работ. Подробнее о порядке наследования см.: Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 50; Закс В.А. Проблемы феодализма в Скандинавских странах: формы социальной организации и правовые представления норвежского крестьянства в XI—XIII вв. Калинин, 1986.

В Исландии, в отличие от Норвегии, наследование велось и по мужской, и по женской линии, и это значительно расширило круг наследников¹. Первоочередное право наследования имели супруги, родители и дети, за ними следовали братья и сестры². Как правило, наследники этих степеней родства точно находились. При отсутствии же родственников этой категории могли наследовать племянники и кузены³.

Специального подтверждения своих родственных связей при вступлении в наследство не требовалось, поскольку степень родства наследников как близких родственников была известна. Если же возникала подобная необходимость (потенциальный наследник жил далеко и был недостаточно известен душеприказчикам), проводилась соответствующая часть генеалогического перечня, правдивость которой подкреплялась свидетельскими показаниями или какими-либо вещественными доказательствами⁴.

Иногда важную роль играли и более отдаленные родственные связи. В «Саге о людях из Лососьей Долины» описывается случай фальсификации сведений о последовательности смерти родственников в сложной ситуации с целью получения наследства:

«...Быстро распространилась весть о том, что Торстейн Черный и его люди утонули. Торкель сразу послал за тем человеком, Гудмундом, который выбрался на берег.

С. 32—35, 56; *Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland*. Oxford, 1985. P. 75—76, 83.

¹ См.: *Hansen L.I. Slektskap, eiendom og sociale strategier i nordisk middelalder // Collegium medievale*. 1994. Vol. 7, № 2. S. 103—154; *Turville-Petre J. The Genealogist and History in Ari to Snorri*. London, 1998. (Saga-Book of the Viking Society. Vol. 20). P. 124—130.

² Grágás: *Lagasafn íslenska sjóðveldisins / Gunnar Karlsson et al.* 2 prent. Reykjavík, 1997. Ia: 218ff, II: 63ff.

³ Nj. K. 131. Bls. 310.

⁴ Laxd. K. 21. Bls. 124; Nj. K. 3. Bls. 6.

И когда он явился к Торкелю, тот заключил с ним тайную сделку, что он расскажет о том, как люди утонули, по подсказке Торкеля. Гудмунд обещал это. Тогда Торкель в присутствии многих людей велел ему рассказать о том, как это случилось. И Гудмунд сказал, что первым утонул Торстейн, затем его свояк [зять] Торарин — тем самым Хильд стала наследницей, поскольку она была дочерью Торарина. Затем, сказал он, утонула девочка, и ближайшей наследницей стала Оск, ее мать, и она погибла последней. Таким образом, все имущество должно перейти к Торкелю Бахrome, так как его жена Гудрид должна унаследовать имущество после своей сестры...»¹.

Точное знание генеалогических связей (а также умение ими манипулировать) сыграло в этой истории важную роль, поскольку в зависимости от очередности смерти родственников при исландской билинейной системе наследования право на наследство переходило к различным боковым ветвям (родственникам Торарина или Оск), каждая из которых имела свои имущественные притязания. Торкель выстроил наиболее выгодную для него цепочку наследников², тем самым обратив ситуацию в свою пользу, и выиграл дело о наследстве.

¹ ...*Pessi þíðend spyrjast víða, drukkum Þorsteins Súrts ok þeirra manna er þar höfðu látist. Þorkell sendir þegar orð þessum manni, Guðmundi, er þar hafði á land komit. Ok er hann kemr á fund Þorkels, þá slær Þorkell við hann kaupi á laun at hann skyldi svo greina frásögn um líflát manna sem hann segði fyrir. Því játti Guðmundr. Heimti nú Þorkell af honum frásögu um atburð þenna svo at margir menn váru hjá. Þá segir Guðmundr svo, kvað Þorstein hafa fyrst drukknað, þá Þórarin mág hans, þá átti Hildir at taka féð, því at hún var dóttir Þórarins, þá kvað hann meyna drukkana, því at þar næst var Ósk hennar arfi, móðir hennar, ok lézt hún þeirra síðast; bar þá féð allt undir Þorkell trefill, því at Guðriðr kona hans átti fé at taka eftir systir sína... — Laxd. K. 18. Bls. 39.*

² В case представлена только эта версия произошедшего, хотя и оговаривается, что родственникам Торарина этот рассказ показался неправдоподобным. — Laxd. K. 18. Bls. 40.

Родственные отношения изначально служили одним из факторов, сдерживающих вражду, поэтому внутриродовые конфликты противоречили всему укладу древнеисландского общества. В обязанности родичей — как показал В.А. Закс по материалам судебныхников, — наряду с поддержкой в суде, уплатой виры, передачей юридических полномочий и т.п. входило улаживание конфликтов и ответственность за поведение родственников¹.

Исландцы старались поддерживать свой род во всех его начинаниях, поскольку прежде всего род обеспечивал защиту своим членам². Гицур так говорит Асгриму, попавшему в сложную ситуацию: «Моя сестра Йорунн [мать Асгрима], наверное, рассчитывает, что я не откажусь помочь тебе»³. Про сыновей Эгиля, племянников Старкада, в саге сказано, что «они всегда были заодно с

¹ Закс В.А. Правовые обычаи и представления в северо-западной Норвегии XII—XIII вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. 20. С. 37—46. Ср.: *Hann kvez eigi ríða mundu ef Hrúti frænda hans þætti verr* («Он ответил, что не поедет, если это может не понравиться его родичу Хруту») — Nj. K. 7. Bls. 18. Ньяль говорит о своих сыновьях: *Eigi munu þeir rjúfa þá sátt er ek geri* («Моего слова они не нарушат») — Nj. K. 43. Bls. 97; поэтому, когда они пытаются пойти наперекор ему, он упрекает своего сына Скарпедина: *Nú mun sem optar at þér munuð bera mik ráðum synir mínir ok virða mik engis en þá er þér váruð yngri gerðuð þér þat eigi ok fór yðr þá betr* («Вы опять не хотите слушаться меня и не считаетесь со мной. Когда вы были моложе, вы так не делали, и вам же было лучше») — Nj. K. 128. Bls. 297. Тот отвечает, подчиняясь решению отца, хотя оно ему и не нравится: *En vel má ek gera þat til skaps föður míns at brenna inni með honum* («В угоду отцу я охотно спорю вместе с ним»). — Nj. K. 128. Bls. 297.

² *Ek ann þess eigi Þorkatli frænda mínum* («Я бы не хотел, чтобы что-нибудь случилось с Торкелем, моим родичем») — Nj. K. 138. Bls. 334; *Berr er hverr at baki nema sér bróður eigi* («Тот не защищен с тылу, у кого нет брата»). — Nj. K. 152. Bls. 397.

³ *Þat mundi Jórunn, systir mín, ætla at ek mynda eigi undan skerað þér at veita*. — Nj. K. 119. Bls. 271.

сыновьями Старкада»¹. Если у кого-то не хватало денег на уплату виры, родственники восполняли недостачу². Кроме того, близкие родственники имели право передавать друг другу свои юридические полномочия³.

Тем самым родичи представляли собой значительную военную и финансовую опору в процессе ведения тяжб, кроме того, получаемую наиболее легко, так как на ее привлечение не требовалось дополнительных средств.

Тем не менее безраздельно родственным поручительствам не доверяли⁴. Достойным же в исландском обществе считалось положение человека, про которого говорили, как про Торгейра Откельссона: «Самые уважаемые люди дружили с ним, а родичи любили его»⁵.

Кроме обширной родни, ценилось наличие множества друзей, в том числе вне Исландии. Они также обеспечивали поддержку в конфликтных ситуациях. Так, на просьбу Флоси о поддержке в судебном деле его друг Халльбьерн Сильный отвечает: «Я обещаю, что поеду с тобой на тинг и помогу тебе, как помог бы своему брату»⁶. Друзья зачастую упоминались наравне с родственниками: «Что-

¹ *Peir váru at einu máli ok synir Starkaðar.* — Nj. K. 58. Bls. 131.

² *Gáfu frændr Gunnars fé til at þegar váru bætt upp öll vígin á þingi* («Родичи Гуннара дали ему денег, чтобы за всех убитых было на тинге уплачено»). — Nj. K. 56. Bls. 129.

³ *Kolskeggr ætli mál fram at hafa ok ripta fjórðung í Mæðarhvali, er föður þinni var goldit í sonarbætr; hefir hann mál þetta tekit af móður sinni* («Кольскегг хочет получить назад четвертую часть земли на Перешейке, которую твой отец получил как виру за сына. Он получил право на этот иск от своей матери»). — Nj. K. 67. Bls. 151.

⁴ *Veit ek at þú ert höfðingi mikill en bróðir þinn er mér ókunningr* («Я знаю, что ты — большой хевдинг, но брат твой мне неизвестен»). — Nj. K. 2. Bls. 4.

⁵ *Hann var vinsæll af einum bestum mönnum ok ástsæll af frændum sínum.* — Nj. K. 67. Bls. 150.

⁶ *Því mun ek heita þér at riða til þings með þér ok veita þér at málum sem ek mynda bróður mínum.* — Nj. K. 134. Bls. 320.

бы помнил о смерти своего товарища и родича»¹. Престижным считалось наличие большого числа друзей, в том числе вне Исландии². Так, в характеристике Гуннара, одного из главных героев «Саги о Ньяле», говорится, что «у него много друзей»³.

Распри между родичами считались недопустимыми и резко осуждались⁴, но если они все-таки возникали (как правило, из-за девиантного поведения одного из родственников⁵), то оказывались наиболее сложными для разрешения⁶.

Судебное разбирательство сильно затрудняло то обстоятельство, что, поддерживая одного из родственников, человеку приходилось выступать против других своих родичей. Однако показания родственников могли быть отклонены как необъективные. Более того, многочисленные родственные связи осложняли поиск таких судей и свидетелей, которые бы были признаны правомочными, т.е. не приходились родственниками судящимся и соответственно не поддерживали интересов одной из сторон. Однако необходимость ведения процессов, в которых с обеих сторон участвовали родственники, воз-

¹ *Muna svá lát félagá síns ok frænda.* — Nj. K. 64. Bls. 143.

² Nj. K. 3. Bls. 9.

³ *Er hann frændmargr.* — Nj. K. 55. Bls. 124.

⁴ *Þetta samir eigi at þér frændr leggist hendr á* («Не годится, чтобы вы, родичи, поднимали руку друг на друга»). — Laxd. K. 37. Bls. 28. А также: Nj. K. 1. Bls. 2.

⁵ *Skyldr er hann mér þó ek satt frá segja at fleiri hljóta af homum illt en gott* («Он мой родич, но все же люди видят от него больше плохого, чем хорошего»). — Nj. K. 118. Bls. 263; а также — Nj. K. 29. Bls. 65.

⁶ Скарпхедин, например, так выражает запутанность ситуации, в которой он оказался, когда для того, чтобы завершить месть за оскорбление, нанесенное его брату, он был бы вынужден убить одного из сыновей друга их отца: *Eigi nenni ek at hafa þat saman veita Högna en drepa bróður hans* («Не хочется мне и помогать Хегни, и убивать его брата»). — Nj. K. 92. Bls. 213.

никала все чаще и чаще из-за увеличения числа внутриродовых конфликтов.

Знатных исландских родов было относительно немного, поэтому их представители часто контактировали, обычно на тингах и пирах, и возникало большое количество перекрестных браков. В результате таких связей многие знатные исландцы были лично знакомы или находились между собой в родственных отношениях различной степени близости. В то же время саги, и особенно «Сага о Ньяле», свидетельствуют, что уже на рубеже X—XI вв. между представителями наиболее знатных исландских родов начинается борьба за политическую власть и укрепление своего авторитета в обществе, неизбежно приводящая к столкновению и тех людей, которые были связаны родственными узами. Активное влияние распрей на социальные и политические процессы в исландском обществе особо подчеркивалось американским исследователем Дж. Байоком¹.

Особое внимание исландцев к распрям в среде знати было вызвано тем, что исход большинства тяжб прямо зависел от знатности и силы втянутых в них родов. Так, Хрут из «Саги о Ньяле» и его сторонники на одном из этапов тяжбы хотели, но не решились помешать Гуннару силой². Из контекста саги видно, что они отказались от своих намерений из-за родовитости Гуннара и его популярности в обществе.

«Социальный» характер внутриродовых конфликтов, описанных в сагах, был связан, с одной стороны, с особенностями сагового повествования, героями которого были преимущественно знатные люди, поскольку они оказывали большее влияние на жизнь общества, и поэто-

¹ *Byock J.L. Feud. P. 188.*

² *Höfðu þeir Hrútr ætlat at veita honum atgöngu, en treystu: eigi* («Хрут и его люди собирались помешать ему, но не отважились»). — Nj. K. 24. Bls. 56.

му рассказы о них вызывали большой интерес у исландской аудитории. С другой стороны, для мелких бондов не были еще столь актуальны процессы, развивавшиеся в среде знати, как, вероятно, и внутриродовые конфликты. Однако мелкие бонды могли быть вовлечены в них как сторонники одного из знатных родов.

Женщины, обычно не принимавшие активного участия в расправах, могли, однако, провоцировать конфликт или поощрять месть за родственников своего мужа¹. Так, например, Торхалла, жена Хельги Ньяльсона, втягивает своих родственников в противостояние Флоси и сыновей Ньяля. После сожжения Ньяля с сыновьями она намеревается заставить своих отца и братьев отомстить за убийства, которые здесь совершаются². Поведение женщин, поставленных перед необходимостью выбора между братом (кровным родственником) и мужем, может быть различно. Тордис из «Саги о Гуннаре, убийце Тидранди»³ и Гудрун из «Саги о людях из Лососьей долины»⁴ поддержали своих мужей, а Тордис из «Саги о Гисли»,⁵ Торбьёрг⁶ и Сигню из «Саги о Хёрде и островитянах»⁷ — братьев. Ауд же из «Саги о Гисли» вообще сначала стояла на стороне

¹ О способах и степени активности участия исландок в кровной мести см.: *Никольский С.Л.* О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // *Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье.* М., 2001. С. 160—168.

² Nj. K. 129. Bls. 300.

³ Gunnars saga Þiðrandabana / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1943. (Íslenzk fornrit; B. 6). K. 6. Bls. 25.

⁴ Laxd. K. 48. Bls. 104.

⁵ Gísla saga Súrssonar / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1943. (Íslenzk fornrit; B. 6). K. 37. Bls. 91 (далее — Gísl.).

⁶ Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja / Jón Jóhannesson. Reykjavík, 1950. (Íslenzk fornrit; B. 11). K. 38. Bls. 87.

⁷ Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja. K. 31. Bls. 81.

своего брата¹, а потом выступила за мужа и даже защищала последнего с оружием в руках². Предпочтение здесь отдавалось не какой-либо линии родства, а зависело от крепости личных отношений с предполагаемыми сторонниками.

Несмотря на всю остроту ситуации, каждая отдельная распря так или иначе должна была завершиться миром, что было вызвано естественным стремлением сохранить существующий общественный порядок. Попытки мирного урегулирования конфликтов осуществлялись на нескольких уровнях: между семьями и родами, на окружных тингах и на альтинге. Первичный, самый простой уровень разрешения конфликта предполагал примирение между представителями враждующих семей без вынесения дела на суд. В тех случаях, когда это не удавалось, его разбирали на тинге, окружном или всеобщем. Так, из-за упорного нежелания Откеля решить дело о краже, совершенной у него рабом Гуннара, путем простой компенсации, минуя судебную процедуру, его пришлось выносить на тинг³.

Уровень, на котором удавалось добиться мира, прямо зависел как от важности правонарушения, повлекшего за собой конфликт, так и от знатности участвующих в нем сторон. Мелкие нарушения (потравы, кражи, убийства рабов) сравнительно легко разрешались на первичном или вторичном уровнях⁴, тогда как для улаживания значительных правонарушений, самым распространенным из которых было убийство свободных людей, требовалось привлечение большего количества людей в качестве свидетелей или

¹ Gísl. K. 10. Bls. 34.

² Gísl. K. 34. Bls. 82.

³ Nj. K. 49. Bls. 110—112.

⁴ Подобные деяния долго сходили с рук Халльгерд, за которую с потерпевшей стороной расплачивался ее муж Гуннар. — Nj. K. 36. Bls. 81.

поручителей¹. Повышенного внимания требовал к себе и конфликт между знатными и влиятельными людьми даже при незначительности совершенного нарушения². Из-за большого авторитета и власти в обществе любые действия этих людей могли повлечь за собой более серьезные последствия, чем чьи-либо другие, поэтому их поступки вызвали острый интерес окружающих. Эти случаи многократно пересказывались, помещались в устойчивые сказания и оказывались зафиксированными в устной традиции.

Сложная тяжба или масштабный конфликт требовали подкрепления мирного договора дополнительными связями, желательно родственными как наиболее крепкими. Наличие таких гарантий должно было обеспечить надежность и продолжительность мира между родами. Однако на практике они далеко не всегда обеспечивали исчерпанность конфликта.

Основными способами установления родственных связей для подкрепления мирного договора были заключение брака и взятие ребенка на воспитание (др.-исл. *fóstra* «воспитывать»). Как особо подчеркивает К. Хаструп, брак между представителями ранее враждовавших родов способствовал созданию нового политического союза и был показателем мира³. В «Саге о Ньяле» Гуннар, родственник Унн, женился на племяннице Хрута⁴, против которого он вел возобновленную тяжбу о приданом⁵. Во всех последующих ситуациях Гуннар выступал на стороне рода Хрута в качестве свойственника и к взаимной выгоде обоих родов⁶. Для окончательного за-

¹ Как это произошло после убийства Глума родственником его жены Тьостольвом. — Nj. K. 17. Bls. 44.

² Nj. K. 117. Bls. 267.

³ *Hastrup K. Culture*. P. 89—101.

⁴ Nj. K. 33. Bls. 73—74.

⁵ Nj. K. 24. Bls. 56—59.

⁶ Nj. K. 51. Bls. 115—116.

вершения вражды родов Флоси и Ньяля Флоси выдает свою племянницу за зятя Ньяля Кари¹, что и служит развязкой сюжета саги. Кандидатура Кари оказалась самой подходящей, поскольку на момент примирения он был единственным неженатым из оставшихся в живых непосредственных участников вражды и приходился Ньялю близким, хотя и не кровным родственником.

Цель закрепления мира преследовало и взятие на воспитание ребенка из прежде враждебного рода, хотя оно не всегда оказывалось препятствием для развития вражды. Показательна судьба Хёскульда Траинссона, взятого Ньялем на воспитание после того, как сын Ньяля Скарпхедин убил отца Хёскульда Траина². В результате возобновленной вражды Хёскульд Траинссон оказался убит своим названным братом³, что еще более углубило конфликт.

В крупномасштабных конфликтах, происходивших в среде знати, некоторые исландцы оказывались в особенно сложном положении, поскольку они состояли в родстве с обеими враждующими сторонами. Принять нейтральную позицию и не вмешиваться в происходящее они не могли, так как борьба рано или поздно затрагивала их интересы, а зачастую и грозила им гибелью. Так, Хольмстейн и Эцур из «Саги о сыновьях Дроплауг» долгое время пытались остаться в стороне от развивавшегося конфликта, но обстоятельства все-таки вынудили их вмешаться в эту распрю⁴.

Из сложившейся ситуации люди выходили по-разному. Одни (и таких было большинство) примыкали к какой-либо из враждующих сторон. Другие же высту-

¹ Nj. K. 159. Bls. 421.

² Nj. K. 94. Bls. 214.

³ Nj. K. 111. Bls. 255—256.

⁴ Droplaugarsonar saga / Jón Jóhannesson. Reykjavík, 1950. (Íslenzk fornrit; B. 11). K. 4. Bls. 10; K. 10. Bls. 25 (далее — Dropl.).

пали в роли посредников и пытались способствовать разрешению возникшего конфликта мирным путем.

Посреднические функции принимал на себя тот из родственников, кто был достаточно уважаем в обществе, чтобы к его мнению прислушивались. В родовых сагах в качестве посредников (в большинстве случаев на начальном этапе вражды) выступали такие знатные исландцы, как Снорри Годи¹, Олав Павлин², Альвир³, Хольмстейн⁴, Аринбьярн⁵, Иллуги Рыжий⁶ и Тидранди⁷.

Деятельность посредника позволяла роду выйти из тяжбы с наименьшими потерями⁸, однако была осуществима лишь на начальных этапах вражды при небольшом количестве вовлеченных в нее людей или при ее завершении, когда уже были ликвидированы сами причины конфликта.

В конфликте «Саги о Ньяле» роль посредников выбрали для себя Торгейр, Кетиль из Мёрка и Хёскульд Траинссон. Показательна деятельность Торгейра, представляющая собой пример посредничества на завершающем этапе вражды, способствующем примирению⁹. Торгейр был одновременно зятем и племянником Ньяля. После смерти сыновей Ньяля он оказался главным наследником и истцом по делу о мести за них. Однако он отказался от возможности мстить Кетилю из Мёрка,

¹ *Heiðarvíga saga* / Jón Jóhannesson. Reykjavík, 1950. (Íslenzk fornrit; B. 11). K. 33—37. Bls. 84—102.

² *Laxd.* K. 37. Bls. 63.

³ *Eg.* K. 24. Bls. 49.

⁴ *Dropl.* K. 4. Bls. :12.

⁵ *Eg.* K. 59. Bls. 75.

⁶ *Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja.* K. 20. Bls. 59.

⁷ *Gunnars saga Þiðrandabana* / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1943. (Íslenzk fornrit; B. 6). K. 1. Bls. 2.

⁸ *Nj.* K. 12. Bls. 32—34; K. 49. Bls. 110; K. 116. Bls. 266; K. 141. Bls. 346—348.

⁹ *Nj.* K. 146. Bls. 379—383.

обосновывая свое решение родственными связями: «Я не хочу его убивать, мы с ним женаты на сестрах, и он всегда держал себя хорошо в нашей тяжбе»¹, т.е. они были близкими свойственниками, хотя и не приходились друг другу кровной родней. Оба они активно участвовали в развивавшемся конфликте, и на фоне сложного переплетения родственных связей втянутых в эту распрю людей такая степень родства оказалась достаточной для прекращения череды убийств, поскольку дальнейшее продолжение вражды стало бессмысленным. Своими действиями Торгейру удалось добиться примирения родов на этой стадии распри.

Второй из героев «Саги о Ньяле», выступивший в роли посредника, Кетиль из Мёрка, был женат на дочери Ньяля, сестре убийцы его брата Траина, поэтому в саге говорится, что «он оказался в трудном положении»². Пытаясь выйти из этого затруднения, Кетиль также предпочел примирение родов, приняв у своего тестя Ньяля виру³, приводя среди прочих в качестве аргумента пословицу *Náit er nef augum*⁴. Его миролюбие скорее всего было вызвано тем, что отношения Кетилия с родом его жены были настолько тесными и Ньяль пользовался настолько большим влиянием в обществе, что Кетиль не мог этим пренебречь и выступить против своих свойственников. Для подкрепления мира Ньяль взял на воспитание Хёскульда Траинссона (сына убитого), который тем самым стал названным братом убийце своего отца⁵.

¹ *Er ek vil eigi drepa, en þat er Ketill ór Mörk, því at vit eigum systur tvær, en honum hefir farit þó best í málum várum áðr.* — Nj. K. 146. Bls. 382.

² *Þóttiz hann vant við kominn.* — Nj. K. 93. Bls. 213.

³ Nj. K. 93. Bls. 213.

⁴ «Близок нос к глазам». — Nj. K. 112. Bls. 257; аналог русской «Своя рубашка ближе к телу».

⁵ Nj. K. 94. Bls. 214.

Углубление конфликта, осложненное переплетением родственных связей, привело к тому, что все попытки посреднической деятельности проваливались, а жизнь самого посредника оказывалась под угрозой. Кетиль в конце концов был вынужден выступить против рода Ньяля в тяжбе, ведущейся между родами Ньяля и Флоси¹, а Хёскульд Траинссон оказался убит своим названным братом Скарпхеდიном², хотя в течение всего времени Хёскульд Траинссон выступал в качестве посредника и пытался уладить сохранявшиеся противоречия между двумя родами. Для поддержания мира он даже выплатил виру за сына Ньяля Хёскульда, убитого Лютингом, дядей Хёскульда Траинссона³. Это, хотя и на время, позволило притушить конфликт, но не ликвидировало его причин.

При безрезультатности посреднической деятельности тем людям, которые оказывались родственниками обоим враждующим родам, приходилось примыкать к одной из сторон, как это сделал Эцур из «Саги о сыновьях Дроплауг», принявший сторону своего тестя⁴. Иллуги Рыжий из «Саги о Хёрде и островитянах», напротив, выступил против своего тестя на стороне дальней, но кровной родни⁵.

В «Саге о Ньяле» Торстейн Волчья Пасть даже бился на стороне своего тестя Гудмунда Могучего против сторонников своего отца Скафти Торродсона⁶. Однако предпочтение, отдаваемое тестю перед кровными родственниками, могло расцениваться как подчинение мужа жене⁷. Последнее было возможно скорее тогда, когда кровная родня была более знатной. Правда, в случае от-

¹ Nj. K. 117. Bls. 266—267.

² Nj. K. 111. Bls. 255—256.

³ Nj. K. 99. Bls. 229—230.

⁴ Dropl. K. 10. Bls. :34.

⁵ Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja. K. 31. Bls. 80.

⁶ Nj. K. 145. Bls. 372.

⁷ Nj. K. 41. Bls. 94; K. 134. Bls. 321.

каза зятя помогать тесть мог пригрозить возвращением дочери в родительский дом¹, и эта угроза была вполне реальной при исландской свободе разводов. В целом связями свойств редко пренебрегали, иногда даже их ставили выше кровнородственных, поскольку, в отличие от последних, их выбирали сознательно².

Персонажи саги Кари Сельмундарсон и Ингьяльд решили вступить в конфликт, ведущийся их свояками, и примкнуть к одной из враждующих сторон. И если Кари сделал свой выбор сразу и во всех ситуациях поддерживал своего знатного и очень уважаемого в обществе тестя Няля³, то Ингьяльд определил свою позицию после долгих раздумий и выступил на стороне Няля против Флоси, главы также достаточно знатного рода своей жены⁴. С Флоси Ингьяльда соединяли более тесные родственные узы, чем с родом Няля, поскольку сестра Ингьяльда Хродню не состояла с Нялем в официальном браке⁵. Обоим родам Ингьяльд приходился не кровным родственником, а свояком, но как брат наложницы он имел меньше обязанностей в отношении рода Няля. Однако он предпочел поддержать интересы более знатного рода Няля: «Я не буду [выступать] против Няля, что бы ни было, хотя я знаю, что они [Флоси и его сторонники] мне отплатят за это»⁶. Няль, в свою очередь, был уверен в

¹ *Ek mun láta sækja Þorkötlu, dóttur mína, ok láta hana fara heim til mín* («Я велю Торкатле, моей дочери, уйти от него и вернуться домой»). — Nj. K. 135. Bls. 325.

² *Er ek vil eigi drepa en þat er Ketill ór Mörk því at vit eigum systir tvær* («Я не хочу его [Кетиля из Леса] убивать, поскольку мы с ним женаты на сестрах»). — Nj. K. 146. Bls. 382.

³ Nj. K. 129. Bls. 302—303.

⁴ Nj. K. 124. Bls. 291—292.

⁵ Nj. K. 98. Bls. 226.

⁶ *Ek mun eigi vera í móti Njáli, hvat sem á bak kemr, en þó veit ek, at þeir munu at mér snúa vandræðum*. — Nj. K. 124. Bls. 291.

его лояльности¹, основанной на родственных связях, поскольку остальные представители враждующей стороны в тот момент не приходились Ньялю ни кровными родственниками, ни свойственниками, следовательно, у них не было перед ним никаких обязательств.

Из последующих событий саги становится видно, что разрешить мирными способами все эти накопившиеся противоречия даже при активной посреднической деятельности для представителей обоих родов оказалось невозможным. Дальнейшее развитие конфликта привело к сожжению Ньяля с семьей в его собственном доме и к битве на тинге². Сюжет саги позволил А.Я. Гуревичу в свое время указать на крепость и нерасторжимость внутриродовых уз средневековых исландцев. Он считал, что главной причиной гибели Ньяля было нарушение родственных связей в результате убийства Хёскульда Траинсона: тяжба зашла в тупик, так как убийство совершилось внутри рода и нельзя было четко разделить «истцов» и «ответчиков»³. Однако это определение, справедливо указывающее на возникающий слом родовых традиций, не объясняет его внутренних причин.

Скрытой причиной внутриродовых конфликтов в сагах является борьба за власть. Причем этот побудительный мотив вполне осознается составителем саг, что находит свое отражение в словах персонажей. Так, Флоси в процессе ведения тяжбы говорит: «Я не отступлюсь, пока кто-нибудь из нас не склонится перед другим»⁴, т.е.

¹ *Njáll þakkaði henni ok kvað hana vel hafa gert því at honum myndi helzt misgört í vera at fara at mér allra manna* «Ньяль поблагодарил [Хродню] и сказал, что он [Ингьяльд] хорошо поступил, так как от него это был бы для меня [Ньяля] худший проступок, чем от всех остальных»). — Nj. K. 124. Bls. 292.

² Nj. K. 128. Bls. 296—298; K. 145. Bls. 369—372.

³ Гуревич А.Я. «Эдда» и сара. М., 1979. С. 138.

⁴ *Skiljaz eigi fyrr við þetta mál, en aðrir hvárir hníga fyrir öðrum*. — Nj. K. 124. Bls. 288.

он добивается не только возмещения за убитых родичей, но и доминирования в обществе. Теми же мотивами руководствовался Стюр в «Саге о Хёрде и островитянах»: «Стюру кажется, что он подчинил себе всех, кого оставил в живых»¹.

Борьба за власть как побудительный мотив к распри осознавалась если и не современниками событий, то авторами записанных саг. Едва ли не наиболее четко эта мысль выражена в словах Гуннара из «Саги о Курином Торире»: «Это к лучшему, что вы, хёвдинги, однажды выясните, кто из вас покрепче, ведь вы уже давно точите друг на друга зубы»². Опасаясь тяжелых последствий, родичи могли даже нарушить свой долг и отказать в поддержке против более знатного человека, как это произошло в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра» с Торбьерном, который попытался было тягаться с Храфнкелем³.

Внешне борьба за власть проходила под прикрытием тяжбы из-за собственности, кровной мести и т.п. Именно поэтому судебные процессы оказывались длительными и сложными, а для возобновления распри достаточно было незначительного, казалось бы, повода — ссоры на бое коней⁴, проезда мимо чужой усадьбы⁵ и т.п. Стремление к усилению своего положения в обществе и обостренное понимание собственного достоинства толкали людей на конфликт из-за «достойного», с их точки зрения, места на ска-

¹ *Sturr finnst at hinn náði tökum á öllum hverja lét halda lífi* — *Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja*. К. 6. Bls. 52.

² *Þetta er til hans besta at þit höfðingar geruðut einnu sinni ykkur grein fyrir hverjum várst þerra þreklágri, vegna þess at hafði horn í síðu hvers á móti öðrum þegar lengi*. — *Hænsa-Þóris saga / Guðni Jónsson*. Reykjavík, 1943. (Íslenzk fornrit; B. 6). К. 11. Bls. 37.

³ *Hrafnkels saga Freysgoða / Jón Jóhannesson*. Reykjavík, 1950. (Íslenzk fornrit; B. 11). К. 8. Bls. 24.

⁴ Nj. К. 59. Bls. 135; *Harðar Grímkelssonar ok holmsverja saga*. К. 21. Bls. 63.

⁵ Nj. К. 98. Bls. 225.

мье¹, сплетен², детских разговоров³, мнимой заносчивости⁴, падения удоев на одном из хуторов⁵. Например, Аудгисл, один из персонажей «Саги о людях из Лососьей долины», посчитал оскорблением лишение его звания годи и совершил убийство, открыв тем самым новую распрю⁶.

Завидующий чужой славе и влиянию в обществе мог легко посчитать себя оскорбленным даже по незначительному поводу, пренебрегая при этом родственными узами. Так, в «Саге о Ньяле» Лютингу показалось, что сын Ньяля Хёскульд держит себя слишком вызывающе по отношению к нему⁷, а Мёрд в силу своего плохого характера и из зависти к Хёскульду Траинссону, получившему в обход Мёрда годорд, выступил против своей близкой родни⁸. Плохой характер одного из родичей способствовал развитию конфликтов также в «Саге о Эгиле»⁹ и «Саге о Битве на Пустоши»¹⁰.

Даже если мотивировки действий героев могли быть модернизированы создателями саг, о ведущейся борьбе за власть свидетельствуют такие проявления внутриродовой вражды, безусловно относящиеся к X—XI вв., как факты убийств близких родственников:

¹ Nj. K. 35. Bls. 78—79.

² Nj. K. 44. Bls. 98—101.

³ Nj. K. 8. Bls. 23.

⁴ Nj. K. 98. Bls. 225.

⁵ Hœnsa-Þóris saga. K. 17. Bls. 54.

⁶ Þorgils Hölluson tók af þeim feðgum goðorðit, ok þeim þat hin mesta svírirding («Торгильс Хеллусон забрал у них [Аудгисла и его отца] годорд, и им показалось это обидой»). — Laxd. K. 67. Bls. 129.

⁷ Он сказал, что Хескульд *oflátinn* («заносчив»). — Nj. K. 98. Bls. 225.

⁸ Nj. K. 107. Bls. 249—250.

⁹ Eg. K. 81. Bls. 179.

¹⁰ Heiðarvíga saga. K. 15. Bls. 57.

отчима¹, дяди², племянника³, двоюродного брата⁴, по-братима⁵ или зятя⁶.

Подобное поведение героев саги позволяет предположить, что уже в эпоху Ньяля, т.е. на рубеже X—XI веков, начинается разложение родовых отношений⁷. При сохранении внешних атрибутов общества, построенного на кровнородственных связях, в реальной жизни эти связи начинают терять свое первостепенное значение, отступая перед стремлением достичь влияния в обществе. Внутри страны разгорается борьба за политическую власть, хотя и осуществляемая в формах мести. К такому же выводу, но на материале других саг («Саги о Храфнкеле Годи Фрейра» и «Пряди о Торстейне Битом») в одной из своих недавних работ пришел и А.Я. Гуревич⁸. Политическую окраску внутри- и межродовой вражды в средневековой Исландии отмечают и большинство современных исследователей⁹.

Установление точных родственных связей участников юридического процесса (в том числе с привлечением сведений родословных) занимало одно из важных мест и в самой судебной процедуре средневековой

¹ Dropl. K. 10. Bls. 26.

² Gísl. K. 28. Bls. 71.

³ Harðar saga Grímkelssonar ok holmsverja. K. 32. Bls. 79.

⁴ Dropl. K. 14. Bls. 30; Laxd. K. 54. Bls. 102.

⁵ Laxd. K. 19. Bls. 58; K. 49. Bls. 87.

⁶ Gísl. K. 2. Bls. 6.

⁷ Ср. убийство родственников как способ политической борьбы в средневековой Швеции: *Сванидзе А.А.* Смерть, убийство и царевубийство // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 17—23.

⁸ *Гуревич А.Я.* Человеческое достоинство. С. 5—30.

⁹ См., например, работы: *Savvyer P.* The Bloodfeud in Fact and Fiction // Tradition og historieskrivning. Aarhus, 1987. P. 27—38; *Gottzmann C.L.* Njáls saga. S. 166; *Miller W.I.* Bloodtaking. P. 183—339; *Andersson Th.M.* The King of Iceland // Speculum. 1999. Vol. 74. № 4. P. 923—934.

Исландии и проводилось в самом ее начале, сразу после оглашения обвинения. Достоверность сведений о родственных отношениях обуславливала признание правомочности конечного результата суда. Для обоснования правомочности тех или иных участников юридического процесса требовалось установить наличие или отсутствие их родственных связей с истцом или ответчиком. Об этом в «Саге о Ньяле» говорится: «Тогда они высчитали родство и подкрепили [расчет] клятвой»¹.

Согласно древнеисландским законам, свидетельские показания родственников до третьего колена не принимались во внимание:

«Четырехъуродные родственники должны быть отведены со словами “Я призываю вас в свидетели того, что я отвожу этих людей из числа соседей” на том основании, что они родственники и по закону должны быть отведены»².

Эта степень родства считалась еще близкой, поэтому подразумевалось, что связанные ею люди в силу своих отношений будут вести себя предвзято по отношению друг к другу и выгораживать своих родичей подобно тому, как это сделал Гуннар, который отказался характеризовать своего родственника: «...Что это за человек, Гуннар?» Гуннар ответил: «Я не скажу этого, потому что он мой родич...»³

¹ *Töldu þar þá frænsymi ok sönnuðu með eiði.* — Nj. K. 142. Bls. 253.

² *Ef váru vættir þrimenningar at frændsemi, þurftu þeir báða ór kviðinum með orðum: «Í þat vætti at ek ryð þessa menn báða ór kviðinum» fyrir þeir sök at skyldir váru þeim er kviðu eiga at ryðja at lögum.* — Grágás Ia: 193—207, 218, 225—230, 450, II: 63, 69—70, 75.

³ «...Hverr maðr er hann, Gunnar?» Gunnar svarar: «Eigi vil ek frá segja því at mér er maðrinn skyldr...» — Nj. K. 34. Bls. 77. Ср.: *Ligi er þat jafnsætti, at bróðir hans geri um* («Несправедливым бывает решение, если его выносит брат ответчика»). — Nj. K. 12. Bls. 33.

К этим же выводам на материале свода исландских законов пришли К. Хаструп, У. Миллер и другие исследователи, занимавшиеся данной проблемой¹.

«Сага о Ньяле», дублируя сведения судебногоника, описывает данную ситуацию таким образом:

«Флоси и его люди подошли к месту, где сидели соседи. Флоси сказал им: “Сыновья Сигфуса должны знать, правомочны ли соседи, вызванные сюда”. Кетиль из Леса ответил: “Один из этих соседей крестил Мерда Вальгардссона, а другой — его четырёхъродный родственник”... Эйольв назвал своих свидетелей повторно и сказал: “Я призываю вас в свидетели того, что я отвожу этих людей из числа соседей, — и он назвал их имена и имена их отцов, — на том основании, что один из них четырёхъродный родственник Мерда, а другой с ним в духовном родстве и поэтому оба они по закону должны быть отведены”»².

Из этого текста видно также, что крестильные связи воспринимались как аналог кровного родства, и они также препятствовали крестным родителям и детям свидетельствовать в пользу друг друга.

Лишь в исключительных случаях, как это показано в сагах, было возможным отступление от правила, и близ-

¹ *Hastrup K. Kinship in Mediaeval Iceland // Folk. København, 1981. Vol. 23. P. 331—344; Закс В.А. Проблемы... С. 56; Vestergaard T.A. The System of Kinship in Early Norwegian Law // Medieval Scandinavia. Odense, 1988. Vol. 12. P. 160—193; Miller W.J. Bloodtaking. P. 145; Hansen L.I. Slektskap. S. 7.*

² *Þeir Flosi gengu nú þangat til, sem búarnir sátu. Flosi mælti til þeira: «Þat munu Sigfússynir vita, hversu réttir véttvangsbúar þessir eru, er hér eru kvaddir». Ketil ór Mörk svarar: «Hér er sá búí, er helt Merði Valgarðssyni undir skírn, annar er þrinningr hans at frændsými» ...Í annat sinn nefndi Eyjólfur sér votta «í þat vætti», sagði hann, «at ek ryð þessa menn báða ór kviðinum» — ok nefndi þá á nafn og svá föður þeirra — «fyrir þá sök at annar þeirra er þrimningr Marðar at frændsemi en annar at guðsifjum þeim er kviðu eiga at ryðja at lögum». — Nj. K. 142. Bls. 353.*

ким родственникам ответчика позволялось выносить решение по спорному вопросу. Однако это делалось при улаживании проблемы путем взаимной договоренности, без вынесения ее на суд, и, видимо, поэтому подобные сведения отсутствуют в судебнике. Так, в «Саге о Ньяле» Освивр (истец) говорит Хруту (брату ответчика), который собирается рассудить возникшую проблему:

«Несправедливым бывает решение, если его выносит брат ответчика, но ты высказался так благородно, что я доверяю тебе решение нашего дела»¹.

Этим он очерчивает норму и поясняет причины ее нарушения. Как правило (и как это видно из вышеприведенного примера), подобные отклонения от нормы были обусловлены личными качествами участников тяжбы: мудростью, справедливостью и прочими достоинствами.

Тогда, когда было сложно призвать к суду самого ответчика, за него опять же отвечали его родственники². Так, тот же самый Хрут впоследствии выплачивает виру за убийство Торвальда (мужа дочери Хрута Халльгерд), совершенное Тьостольвом, дальним родичем Хрута и Халльгерд, хотя он сам никакого, кроме родственного, отношения к этому делу не имеет³.

Судебный процесс в средневековой Исландии начинался с выдвижения обвинения. Оно предьявлялось в стандартной форме, в которой, как видно из свода законов, должно было присутствовать обозначение ответчика и пострадавшего при помощи личного имени в сочетании с патронимом:

«Я обвиняю такого-то, сына такого-то... в ссоре с таким-то, сыном такого-то»⁴.

¹ *Eigi er þat jafnsætti at bróðir hans geri um; en þó hefir þú svá vel lagit at ek trúi þér vel um málit.* — Nj. K. 12. Bls. 33.

² Nj. K. 21. Bls. 49.

³ Nj. K. 12. Bls. 33.

⁴ *Nefni ek í þat vætti at ek lýsi lögmæti N N-son... sökðuí á milli þeira N N-son.* — Grágás 9:85.

В сагах представлена аналогичная, но более пространная формулировка (которая, как полагают большинство исследователей, также является заимствованием из судебногоника):

«Я призываю к суду и требую объявления Флоси Тордарсона вне закона, который отвечает перед Хельги Ньяльссоном за то, что Флоси Тордарсон нанес Хельги Ньяльссону рану внутренностей или костей, от которой тот умер на месте»¹.

На следующем этапе — свидетельских показаниях — также встречается именование с патронимом. Форма вызова свидетеля для дачи показаний в своде законов следующая:

«Я призываю в свидетели такого-то, сына такого-то, и призываю его истинно и справедливо»².

Ей соответствует саговая формула:

«Я призываю Торгейра Ториссона в свидетели того, что я обвиняю Флоси Тордарсона в том, что он незаконно первым напал и нанес Хельги Ньяльссону раны всего тела, которые оказались смертельными... Я призываю вас в свидетели того, что я потребовал от этих девятерых соседей места боя, чтобы они поехали на альтинг и засвидетельствовали, нанес ли Флоси Тордарсон Хельги Ньяльссону рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги погиб на том месте»³, а также «Я призываю вас в свидетели того, что я

¹ *Nefni ek í þat vætti at ek lýsi lögmæti frumhlaupi á hönd Flosa Þórðarsyni, er hann hljóp til Helga Njálssonar á þeim véttvangi, er Flosi Þórðarson hljóp til Helga Njálssonar ok veitti honum holundarsár eða mergundar þat er at ben gerðiz, en Helgi fekk bana af.* — Nj. K. 141. Bls. 345. Идентичные формулы см.: Nj. K. 73. Bls. 160; K. 142. Bls. 350; K. 144. Bls. 361.

² *Í þat vætti at ek færi þér N N-son, færi ek hann til framfærslu ok varðveislu.* — Grágás 7:81.

³ *Í þat vætti at Þorgeirr Þórisson selr mér vígsök á hendr Flosa Þórðarsyni at sækja um víg Helga Njálssonar með sóknargögnum þeim*

вызываю на суд Флоси Тордарсона за то, что он на тинге дал за помощь себе деньги Эйольву Бельверксону»¹.

Общий принцип, по которому строились подобные формулы, нашел отражение в свидетельских показаниях, сохранившихся в описании судебной тяжбы после сожжения Ньяля, и он также содержит отсылку к патрониму:

«...Мерд призвал в свидетели Торродда и вторым меня, Торбьерна» затем он назвал своего отца...»²

Заключительная формула, форма оглашения приговора, в древнеисландском суде в саге выглядит следующим образом:

«Я объявляю, что Гуннар Хамундарсон должен быть судим и объявлен вне закона, поскольку он нанес Торгейру Откельссону глубокую рану, от которой тот умер на месте»³.

В судебнике ее вариациями в зависимости от тяжести приговора были формулы выплаты вергельда:

öllum, er sökinni eigu at fylgja... Í þat vætti at ek kvet vettvangsbúa þessa níu alþingisreiðar ok búakviðar að bera um þat hvort Flosi Þórðarson særði Helga Njálsson heilundarsári eða mergundar eða holundar, því sári er at ben gerðist en Helgi fékk bana af á þeim vettvangi. — Nj. K. 135. Bls. 326.

¹ *Nefni ek í þat vætti at ek stefni Flosa Þórðarsyni um þat er hann gaf fé til liðs sér hér á þinginu Eyjólfvi Bölverkssyni. — Nj. K. 144. Bls. 361.*

² «...At Mördur nefndi sér Þóroddi í vætti en annan mik, en ek heiti Þorbjörn» síðan nefndi hann föður sinn... — Nj. K. 142. Bls. 351. Ср. в своде законов: «Я призываю в свидетели, что я готов призвать десять свидетелей, каждый из которых поклянется, называя своего отца, что он правомочен» (*Í þat vætti at ek em búinn at taka við tíund þeirri ok kveða á hvér tíund er ok nefndi föður sinn ok kveða á hve mikil er*). — Grágás 7:81.

³ *Ek lýsi lögmætu frumhlaupi á hönd Gunnari Hámundarsyni um þat er hann hljóp lögmætu frumhlaupi til Þorgeirs Otkelssonar og særði hann holundarsári því er at ben gerðist en Þorgeir fékk bana af. — Nj. K. 73. Bls. 160.*

«Такой-то, сын такого-то, должен заплатить»¹ и «Все признали, что была вражда между таким-то, сыном такого-то, и таким-то, сыном такого-то, но теперь они друзья и хотят примириться. Такой-то, сын такого-то, должен заплатить такому-то, сыну такого-то, мировую за раны, установленные по закону и признанные, и все его люди также заплатят мировую...»².

И формула примирения и принесения клятвы верности:

“Была вражда между таким-то, сыном такого-то, и таким-то, сыном такого-то, и теперь такой-то, сын такого-то, и такой-то, сын такого-то, примиряются и согласны не враждовать во дворе и дома, на суше и на море, на палубе и верхом...”³

Это основные ситуации, в которых употребление именованья с патронимом было обязательным. Однако в ряде второстепенных случаев в своде древнеисландских законов не прослеживается однозначного употребления формы с патронимом, обе формы (как с патронимом, так и без него) равноупотребительны: наряду с формой «Я скажу тебе, такому-то, сыну такого-то» имеется форма «Я скажу тебе, такому-то»⁴ и т.п., что сви-

¹ *N N-son skyldi gjalda.* — Grágás 57:44.

² *Allir vitu at burðu um missætti þeirra N N-son ok N N-son, en nú eru vinir þeirra við komnir ok vilja þá sætta. Nú selur N N-son N N-syni grið til sáttar stefnu þeirrar er þeir hafa á kveðit fyrir sik ok sinn erfingja ok alla þá menn er hann á grið um fyrir at selja...* — Grágás 254:456.

³ *Sakar váru með þeim N N-syni ok N N-syni / hafa gerst á meðal þeirra N N-sonar ok N N-sonar / nú eru þeir N N-son ok N N-son sáttir ok sammála hvorsem þeir hittast á landi eða legi, skipi eða á skiði, í hafi eða á hestbaki...* — Grágás 121:281, 125, 126:283, 11b:457.

⁴ *At ek kveð þik, N N-son* — Grágás 29:231 и *Þat ek kveð þik, N* — Grágás 15:305, 43:335. Ср. также: *Vendræði gerðust þeirra á meðal N N-sonar ok N N-sonar* («Возникла ссора между таким-то, сыном такого-то, и таким-то, сыном такого-то») — Grágás 9:85, 123:282; и *At ek spyr þik, N* («Я спрошу тебя, такого-то»). — Grágás 27:227, 4:293.

детельствует о еще неокончательной фиксированности правовых формул.

Тем самым правовая практика в средневековой Исландии отличалась большим разнообразием. Существовало множество типов правонарушений и поводов к ним. Однако поведение человека в рамках возникавшего из-за правонарушений конфликта, равно как и сама судебная процедура, были достаточно четко регламентированы. И значительную роль в этом играли родственные связи, определяющие всю систему взаимоотношений средневековых исландцев. Родственные связи, с одной стороны, ограничивали участие родичей в судебном процессе, а с другой — требовали от родственников активной поддержки и помощи, причем и то и другое зависело от степени родства. Однако в отношениях между родичами (оказание поддержки в распре или в суде, заключение брака и т.п.) превалировали личные связи. Когда исландец оказывался в родстве или свойстве с обеими враждующими (судящимися) сторонами, его выбор той стороны, которую он поддерживает, часто определялся положением и авторитетом представителей этой стороны в обществе, а не степенью близости его родства с ними.

Приложение VIII.

Е.В. Литовских. ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ЖИВОТНЫЕ В «КНИГЕ О ЗАСЕЛЕНИИ СТРАНЫ»

«Книга о заселении страны» (*Landnámabók*) — источник, повествующий о порядке и характере заселения Исландии. Следовательно, наибольшее внимание ее авторы обращают на заселяющих остров людей (их происхождение и родственные связи) и заселяемую местность (границы владений и топографические особенности). Все прочие сюжеты при ближайшем рассмотрении ока-

зываются напрямую связаны с вышеперечисленными. В том числе в «Книге» встречается ряд сюжетов, где речь идет о животных, реальных или вымышленных.

В целом представители животного мира в древнеисландских прозаических произведениях (среди которых наиболее распространенными и известными являются саги) практически отсутствуют, за исключением лошадей как средства передвижения и редкого упоминания домашнего скота как элемента бытового фона саг. В «Книге о заселении страны», напротив, встречается достаточно большое количество упоминаний животных и птиц.

Реальные окружающие животные в большинстве своем, с точки зрения средневековых исландцев, относились к сфере хозяйственного применения или составляли часть окружающей исландцев среды. Однако в «Книге» они не вводятся в качестве иллюстрации и даже, в отличие от саг, не служат бытовым фоном (вообще чрезвычайно слабым в данном произведении), а введены в «Книгу» с определенным смыслом.

Как уже говорилось выше, главной темой «Книги о заселении страны» была характеристика земельных владений и их первых хозяев, и животные занимали в этой характеристике не последнее место. Сам факт наличия зверей и рыб на определенной территории служил показателем ее богатства и выгоды для заселения¹. Отсутствие рыбы оказывалось настолько значимым и трагичным для первопоселенцев, что они сочли необходимым отметить это в топониме Безрыбье (*Veidilausa*)². А пролетающие птицы показывали морякам, что суша близко³.

¹ Landnámabók / Jakob Benediktsson // Íslensk fornrit. Reykjavík, 1968. Bd. 1. K. 16. Bls. 41 (далее — Landn.). См. также Landn. K. 56. Bls. 131.

² Landn. K. 52. Bls. 117.

³ Landn. K. 1. Bls. 24; K. 2. Bls. 26.

Точно так же о богатстве земельного надела свидетельствовал хороший прирост домашнего скота¹. Кони считались богатым подарком, достойным знатного человека². Богатство человека могли описать следующим образом: «Как люди говорили, его [Гейрмунда Адская Кожа] свиньи пасутся на Свином Мысу, овцы — на Мысу Отар, а рыбу он ловит на Гарпуне»³.

Кроме того, домашний скот, как часть собственности, часто становился предметом спора между соседями, в дальнейшем иногда приводившем к распре и убийствам, и поэтому о них, по мнению средневековых исландцев, также следовало упомянуть, что и делали авторы «Книги»⁴.

Говоря о роли животных в характеристике первопоселенцев в «Книге о заселении страны», в первую очередь следует упомянуть о прозвищах, данных по представителям животного мира. Чтобы получить такое прозвище, человек должен был вступить в контакт с теми зверями или птицами, в честь которых его потом называли. Однако это могла быть и характеристика людей по внешнему виду или чертам характера, напоминающим то или иное животное, иногда даже экзотическое, о котором средневековые исландцы могли только слышать, как, например, о павлине⁵. Поскольку в «Книге» скрупулезно перечисляются первопоселенцы, то на материале этого источника мы можем получить достаточно подробную картину именованного средневековых исландцев и соответственно увидеть, какое место среди исландских прозвищ занимают данные по представителям животного мира.

¹ Landn. K. 86. Bls. 200.

² Landn. K. 51. Bls. 116.

³ *Svá segja menn, at svín hans [Geirmundar heljarskinnar] gengi á Svínanesi, en sauðir á Hjarðarnesi, en hann hafði selför í Bitru* — Landn. K. 41. Bls. 93.

⁴ Landn. K. 22. Bls. 52.

⁵ Landn. K. 39. Bls. 86.

Из более 600 прозвищ, упоминаемых в «Книге о заселении страны», 35 (среди которых встречаются как мужские, так и женские) даны по названиям животных и птиц. При этом десять из них встречаются в форме препозитивного компонента имени, наиболее тесно связанной с именем формы прозвища, рассматривавшейся как расширение имени. Это такие имена, как Бельверк-Мышь (*Músa-Bölverkr*)¹, Торир-Тюлень (*Sel-Þórir*)², Флокки-Ворон (*Hrafna-Flóki*)³, Бедвар-Свинья (*Svína-Böðvarr*)⁴, Геллир-Конь (*Hesta-Gellir*)⁵, Бьерн-Жеребец (*Hross-Björn*)⁶, Бьерн-Козел (*Hafr-Björn*)⁷, Торир-Бык (*Yxna-Þórir*)⁸, Грим-Баран (*Veðrar-Grimr*)⁹, Стейнар-Собака (*Hunda-Steinar*)¹⁰. Большинство исландских прозвищ, служащих расширением имени, как раз и представляли собой зоонимы, что уже само по себе является показательным.

18 человек в «Книге» носят прозвища в честь домашних животных и птиц (причем пять из них так или иначе связаны со свиньями)¹¹, 12 — именуются по на-

¹ Landn. K. 21. Bls. 51.

² Landn. K. 20. Bls. 49.

³ Landn. K. 4. Bls. 29.

⁴ Landn. K. 81. Bls. 188.

⁵ Landn. K. 54. Bls. 119.

⁶ Landn. K. 56. Bls. 130.

⁷ Landn. K. 86. Bls. 200.

⁸ Landn. K. 35. Bls. 78.

⁹ Landn. K. 10. Bls. 33.

¹⁰ Landn. K. 55. Bls. 129.

¹¹ Бедвар-Свинья (*Svína-Böðvarr*. — Landn. K. 81. Bls. 188), Турид-Свинья (*rymgylta*. — Landn. K. 47. Bls. 104), Гудмунд-Поросенок (*gríss*. — Landn. K. 48. Bls. 105), Снэбьерн-Боров (*galti*. — Landn. K. 51. Bls. 112), Сигурд-Свиная Голова (*svínhöfði*. — Landn. K. 30. Bls. 70), Геллир-Конь (*Hesta-Gellir*. — Landn. K. 54. Bls. 119), Бьерн-Жеребец (*Hross-Björn*. — Landn. K. 56. Bls. 130), Халльстейн-Конь (*hestr*. — Landn. K. 69. Bls. 160), Бьерн-Козел (*Hafr-Björn*. — Landn. K. 86. Bls. 200), Торир-Бык (*Yxna-Þórir*. —

званиям домашних и диких птиц, в том числе экзотических¹, прочие прозвища касаются диких животных, рыб и насекомых².

Однако все-таки большинство животных, упоминаемых в «Книге о заселении страны», вводятся в текст источника только для пояснения топографических наименований или же вообще встречаются в самих топонимах, характеризуя тем самым местность. В целом топографический материал рассматриваемого нами произведения так же подробен и обширен, как и антропонимический, что дает нам возможность проследить частоту упоминания животных и птиц в топонимах.

Из 1335 топонимов и их производных, встречающихся в «Книге» (1160 из которых исландские), 50 исландских топонимов (исключая производные от них) так или иначе связаны с животным миром. Наибольшее количество

Landn. К. 35. Bls. 78), Бьерн Бычья Нога (*buna*. — Landn. К. 10. Bls. 33), Грим-Баран (*Veðrar-Grímr*. — Landn. К. 10. Bls. 33), Кетиль-Баран (*veðr*. — Landn. К. 32. Bls. 72), Торд-Ягненок (*lambi*. — Landn. К. 13. Bls. 38), Стейнар-Собака (*Hunda-Steinar*. — Landn. К. 55. Bls. 129), Торд-Кот (*kotr*. — Landn. К. 32. Bls. 73).

¹ Флоки-Ворон (*Hrafna-Flóki*. — Landn. К. 4. Bls. 29), Эндотт-Ворона (*kráka*. — Landn. К. 69. Bls. 159), Торлейв-Ворон (*krákr*. — Landn. К. 89. Bls. 204), Ульв-Ворона (*kráka*. — Landn. К. 29. Bls. 67), Торgrim-Гагара (*gagarr*. — Landn. К. 49. Bls. 108), Торстейн-Дрозд (*titlingr*. — Landn. К. 85. Bls. 198), Торбьерн-Воробей (*spörr*. — Landn. К. 12. Bls. 36), Хельги-Баклан (*skarfr*. — Landn. К. 14. Bls. 39), Торхильд-Куропатка (*rjúpa*. — Landn. К. 64. Bls. 149), Эйвинд-Петух (*hani*. — Landn. К. 69. Bls. 159), Торкатла-Квочка (*klaka*. — Landn. К. 80. Bls. 186), Олав-Павлин (*pái*. — Landn. К. 39. Bls. 86).

² 7 прозвищ: Бельверк-Мышь (*Músa-Bölverkr*. — Landn. К. 21. Bls. 51), Торольв-Лис (*refr*. — Landn. К. 39. Bls. 87), Торир-Тюлень (*Sel-Þórir*. — Landn. К. 20. Bls. 49), Торгейр-Кит (*reyðr*. — Landn. К. 25. Bls. 58), Кетиль-Лосось (*hængr*. — Landn. К. 91. Bls. 209), Торбьерн-Жабры (*tálkni*. — Landn. К. 12. Bls. 36), Торстейн-Овод (*kleggi*. — Landn. К. 79. Bls. 184).

из них (13) даны по домашним животным¹, но имеются также и топонимы, связанные с дикими животными², птицами³ и рыбами⁴.

При этом отдельно следует выделить группу из пяти топонимов, в названии которых встречаются морские промысловые животные — киты, моржи и тюлени⁵. Китобойный промысел занимал не последнее место в хозяйстве средневековых исландцев, поэтому места, где чаще

¹ Бычий Остров (*Öxney*. — Landn. K. 35. Bls. 78), Бычий Ручей (*Öxnalækur*. — Landn. K. 77. Bls. 181), Воловья Река (*Þjórsá*. — Landn. K. 94. Bls. 216), Мыс Телки (*Kvígandanes*. — Landn. K. 46. Bls. 100), Фьорд Телки (*Kvígandafjörður*. — Landn. K. 46. Bls. 100), Козлячья Гора (*Kiðjafell*. — Landn. K. 13. Bls. 37), Козья Земля (*Geitland*. — Landn. K. 19. Bls. 46), Бараний Фьорд (*Hrútafjörður*. — Landn. K. 19. Bls. 48), Овечья Гора (*Sauðafell*. — Landn. K. 38. Bls. 85), Мыс Отар (*Hjarðarnes*. — Landn. K. 41. Bls. 93), Свиное Озеро (*Svínavatn*. — Landn. K. 31. Bls. 71), Свиной Остров (*Svíney*. — Landn. K. 35. Bls. 78), Кабанья Скала (*Galtathamarr*. — Landn. K. 66. Bls. 155).

² 4 топонима: Озеро Медвежат (*Húnavatn*. — Landn. K. 57. Bls. 133), Лава Залива Медведицы (*Beruvikurhraunn*. — Landn. K. 29. Bls. 67), Фьорд Медведицы (*Berufjörður*. — Landn. K. 43. Bls. 96), Песцовая Долина (*Melrakkadalr*. — Landn. K. 22. Bls. 53).

³ 7 топонимов: Журавлиная Пустошь (*Kraunaheiði*. — Landn. K. 73. Bls. 169), Лебединый Мыс (*Álftanes*. — Landn. K. 14. Bls. 39), Лебединая Река (*Álftá*. — Landn. K. 25. Bls. 59), Крачечный Мыс (*Pernunes*. — Landn. K. 80. Bls. 187), Река Утиной Бухты (*Andakilsá*. — Landn. K. 17. Bls. 44), Склон Чаек (*Mávahlíð*. — Landn. K. 30. Bls. 69), Ястребиная Долина (*Haukadallr*. — Landn. K. 35. Bls. 78).

⁴ 5 топонимов: Рыбная Река (*Fiská*. — Landn. K. 92. Bls. 213), Безрыбье (*Veðiðilausa*. — Landn. K. 52. Bls. 117), Лососья Река (*Laxá*. — Landn. K. 14. Bls. 38), Тайменья Река (*Aurriðaá*. — Landn. K. 15. Bls. 40), Тресковый Фьорд (*Þorskafjörður*. — Landn. K. 41. Bls. 92).

⁵ Китовый Фьорд (*Hvalfjörður*. — Landn. K. 8. Bls. 32), Китовая Коса (*Hvalsey*. — Landn. K. 35. Bls. 81), Моржовый Мыс (*Rosmhvalanes*. — Landn. K. 17. Bls. 43), Тюленья Лагуна (*Selalóni*. — Landn. K. 19. Bls. 46), Тюленьи Поля (*Brimilsvellir*. — Landn. K. 30. Bls. 69).

всего встречались или куда прибывало этих животных, считались значимыми с топографической точки зрения и, следовательно, достойными упоминания.

Если же говорить о тех сюжетах «Книги о заселении страны», которые связаны с животными, поясняющими топонимы, то чаще всего это были рассказы о свиньях, которые, отпущенные или сбежавшие на волю, успешно избегали гибели и приумножали хозяйское стадо. К таким сюжетам можно отнести рассказ о том, как Ингимунд потерял девять своих свиней и кабана Бейгада¹, а Хельги Тоший специально выпустил своих свиней на волю, где они успешно размножились².

Еще более обширный рассказ посвящен корове по имени Броня (*Brynja*), тоже сбежавшей от своего хозяина и поэтому ставшей виновницей территориальной тяжбы и давшей имя долине³. Другое отступление повествует о кобыле Летящей (*Fluga*), купленной Ториром Голубиным Клювом, которая с большим отрывом выиграла скачки, обогатив и прославив своего хозяина, и, кроме того, стала матерью не менее выдающегося жеребца Эйдфакси (*Eiðfaxi* досл. «Жеребец Перешейка»), забившего насмерть семь человек⁴.

¹ *Ingimundi hurfu svín tíu ok fundust annat haust í Svínadal, ok var þá hundrað svína. Göltr hét Beigaðr. Hann hljóp á Svínavatn ok svam, þar til er af gengu klaufirnar. Hann sprakk á Beigaðarhváli* «Ингимунд потерял десять свиней, они нашлись на следующую осень в Свиной Долине. Кабана звали Бейгад. Он побежал к Свиному Озеру и поплыл, пока не добрался до перевала. Он убежал на Пригорок Бейгада». — Landn. K. 57. Bls. 133.

² *Helgi lendi þá við Galtarhamar. Þar skaut hann á land svínum tveimr, ok hét göltrinn Sölvi. Þau fundust þremr vetrum síðar í Sölvadal, ok váru þá saman sjsu tígir svína* «Хельги пристал к Кабаньей Скале. Там он выпустил на волю двух свиней, кабана звали Сельви. Они нашлись три года спустя в Долине Сельви, и было их там уже семьдесят свиней». — Landn. K. 66. Bls. 155.

³ Landn. K. 14. Bls. 38—39.

⁴ Landn. K. 62. Bls. 146.

Встреча с дикими животными также могла стать поводом для отражения ее в топониме. Так, после того как Ингимунд нашел белую медведицу и двух медвежат около озера, убил мать, а детенышей отвез в подарок конунгу Харальду Прекрасноволосому (а белый медведь был редким и дорогим подарком, достойным конунга, о чем неоднократно упоминается в сагах), место этой находки стало называться Озером Медведицы¹.

Кроме того, топонимы, на первый взгляд совершенно не связанные с фауной, оказываются данными по кличке того или иного животного. Сюда можно отнести уже упоминавшуюся Долину Брони², а также Реку Долины Брони³, Пригорок Бейгада⁴ и Долину Сельви⁵. Однако к этой же группе топонимов будут относиться и Мыс Скальм⁶, Топь Скальм⁷ и Болото Летящей⁸. Все они по праву могут считаться именными (а именно такими являются большинство исландских топонимов), следовательно, животные, поспособствовавшие их образованию, рассматривались средневековыми исландцами как полноправные действующие лица.

Как видно из текста источника, животные в «Книге о заселении страны», помимо всего прочего, еще и активно помогали своим хозяевам. Так, на баране Торкель переплыл залив⁹, кобыла Скальм (по сбывшемуся предсказанию водяного) показала Ториру лучшие места для поселения, что стало также причиной увековечивания ее имени в топониме¹⁰.

¹ Landn. K. 57. Bls. 133.

² *Brynjudalr*. — Landn. K. 14. Bls. 38—39.

³ *Brynjudalsá*. — Landn. K. 8. Bls. 32.

⁴ *Beigaðarhvál*. — Landn. K. 57. Bls. 133.

⁵ *Sölvadalr*. — Landn. K. 66. Bls. 155.

⁶ *Skálmarnes*. — Landn. K. 26. Bls. 61.

⁷ *Skálmarkelda*. — Landn. K. 26. Bls. 61.

⁸ *Flugumýri*. — Landn. K. 62. Bls. 146.

⁹ Landn. K. 35. Bls. 81.

¹⁰ Landn. K. 26. Bls. 60—61.

При этом в качестве персонажей-помощников можно рассматривать представителей не только реального животного мира. В рассматриваемом произведении подробно рассказывается о встрече рыбаков с водяным, предсказавшим им по их просьбе судьбу¹. Предсказывали будущее исландцам в «Книге» и финны-оборотни².

Другой водяной, обернувшись серым в яблоках конем (такая масть, по мнению средневековых исландцев, уже сама по себе была признаком его «потустороннего» происхождения), помогал Аудуну пахать до самого заката, по наступлении которого скрылся в озере³.

Также в «Книге о заселении страны» описаны случаи договора исландцев с жителями гор, йотунами и троллями, которые показывали дорогу, предупреждали об ураганах или даже помогали в ведении хозяйства. Так, встреченный Торвальдом Гребнем йотун предупредил его об опасности⁴, а тролль показал дорогу Эйнару⁵. Бьерну-Козлу приснился житель гор (*bergbúi*), предложивший свою дружбу. Бьерн согласился, а наутро на его хутор пришел козел. После этого события скот Бьерна начал быстро размножаться, и ему во всем сопутствовала удача. Бьерн разбогател и одновременно получил свое прозвище⁶.

Практически полноправными участниками повествования «Книги» оказываются медведи. Видимо, в силу климатических особенностей чаще всего это были белые

¹ Landn. K. 26. Bls. 60.

² *Í hamförum* (дословно «в зверином обличе») — Landn. K. 56. Bls. 131. Ср. исландские прозвища, встречающиеся в «Книге о заселении страны»: Векель Оборотень (*Hamrammr* — Landn. K. 61. Bls. 143) и Квельд-Ульв (*Kveld-Úlfr*, дословно означающее «Вечерний волк», т.е. тоже оборотень. — Landn. K. 18. Bls. 44).

³ Landn. K. 31. Bls. 71—72.

⁴ Landn. K. 64. Bls. 149.

⁵ Landn. K. 28. Bls. 65.

⁶ Landn. K. 86. Bls. 200.

медведи, превышающие бурых своими размерами и ведущие себя более агрессивно, что повышало опасность встречи с ними. Однако убитый или пойманный медведь становился богатой добычей.

В источнике неоднократно упоминаются нападения этих зверей на хутора, из-за чего убийство медведя в средневековой Исландии считалось достойным деянием, даже подвигом¹, что позволяло человеку не только обогатиться, но и прославиться.

Так, Одд убил белого медведя, «отомстив» ему за убийство отца и брата, и после этого он сам стал злым и буйным, и люди начали считать его оборотнем². То есть он не только обошелся с медведем по-человечески, но и сумел перенять от него ряд звериных качеств. Иногда под действия медведя даже маскировали человеческие преступления, например, убийство рабами своего хозяина³.

Таким образом, животные (реальные или вымышленные) выступают в «Книге о заселении страны» как вспомогательные действующие лица, способствующие характеристике персонажей, поясняющие дальнейшие события или служащие маркерами для характеристики местности, и их роль оказывается более значимой, чем у представителей животного мира, упоминаемых в сагах.

Приложение IX.

Щавелев А.С. ТРАДИЦИИ ВИКИНГОВ В ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОВГОРОДЦЕВ

Летописная «Повесть о битве на реке Липице» всесторонне исследована как с текстологической, так и с исторической точек зрения. Варианты описания битвы

¹ Landn. K. 30. Bls. 70; K. 1. Bls. 133.

² Landn. K. 74. Bls. 174.

³ Landn. K. 6. Bls. 30.

отразились почти во всех летописных традициях Руси — краткие известия во владими́ро-суздальском летописании, древнейшее развернутое повествование — в новгородском, реконструируются также детали описания битвы, восходящие к достаточно ранним смоленским и ростовским источникам¹. Можно с большой долей уверенности предполагать, что тексты летописных сообщений опирались на рассказы участников сражения, кроме того, не исключено, что «Повесть» бытовала как отдельное литературно-эпическое произведение (или даже несколько произведений), включенное позже в летописные своды². Нам известны два основных наиболее достовер-

¹ *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л., 1979. С. 96—115; *Он же.* Повесть о битве на Липице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI — первая половина XIV в.) / Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1987. С. 348—349; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 161—172; *Юрасовский А.В.* О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // ДГ. 1987. М., 1989. С. 58—64. *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под. ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 70—73.

² Возможно, этот внелетописный источник представлял собой повесть о князе Мстиславе Мстиславиче Удатном (*Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 114). Ср. версию Б.А. Рыбакова, поддержанную А.В. Юрасовским, о существовании изначальной эпической «Повести о Липицкой битве», подвергшейся сокращению, первоначальный вид которой более полно передает «расширенная редакция» НIV и СI (*Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 293; *Он же.* Русские летописцы... С. 165—172). Б.А. Рыбаков исключительно точно отмечал черты, восходящие к эпической традиции, второго расширенного варианта «Повести...». Но мотивация тотального сокращения протографического текста «Повести...» в Новгород-

ных варианта повести — изначальный новгородский (НПЛ) и более поздний (условно «общерусский»), читающийся в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду первой половины XV в. (НIV, CI, НК и др.), ставшему основой общерусского летописания более позднего периода¹.

В битве 1216 года противостояли две коалиции — новгородцы во главе с Мстиславом Мстиславовичем в союзе с псковским и смоленским князьями, а также ростовским князем Константином Всеволодовичем против альянса, возглавляемого братьями последнего, Ярославом и Юрием Всеволодовичами. Поводом для масштабной войны был конфликт князя Ярослава Всеволодовича с Новгородом, однако в итоге ставкой битвы на Липице стал владимирский великокняжеский стол.

Несмотря на то что политические обстоятельства и ход битвы полностью рассмотрены исследователями, одна характерная деталь повествования о знаменитой битве осталась недооцененной в историографии. Речь идет о специфическом поведении новгородцев перед боем. В Новгородской первой летописи старшего извода в ответ на оскорбительный отказ от мира со стороны враждебной коалиции новгородцы объявили своему князю Мстиславу:

«...И рекоша новгородци: “къняже, не хотимъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскеи пеши”. Князь же Мъстиславъ радъ бысть тому; новгородци же съседавъше съ конь и порты съметавъше, босии, сапогы съметавъше, поскочиша, а Мъстиславъ

ской первой летописи остается в таком случае необъяснимой. Схема развития текста, предложенная Я.С. Лурье, на мой взгляд, логичней и обоснованней.

¹ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 108—117.

поеха за ними на конихъ...»¹. Битва закончилась победой Мстислава и новгородцев.

В более позднем развернутом варианте повести о Липицкой битве, дополненной по смоленским и ростовским источникам, текст выглядит следующим образом:

«Мстислав с Володимеромъ укрепляти новгородци и смолняны, ркуще: “Братье, се восшли есми в землю силу, а позряче на Богъ, станем крепко, не озираимся назадъ: побегше, не уйти. А забудем, братье, дома, жены и дети, а коли любо умирати, хто хочть пешь, или кто на коне”. Новгородци же ркоша: “Мы не хотим измерети на коних, но отцы наши билися на Колакши пеши”. Мстислав рад бысть томую, новгородци же ссед с коней, и порты и сапоги с себе сметавшее, боси поскочиша. А смолняне же молодые полезшее же с конь, тако же поидоша боси, завиваючи ноги»². Далее идет описание битвы, в которой отряд Ивора Михайловича, атакующего вместе с новгородцами, отстает от новгородцев, поскольку у Ивора споткнулся (упал?) конь. Пешие же новгородцы, вооруженные «киями», атакуют противника.

Этот текст отличается значительным количеством специфических воинских деталей: упоминание «киев» (палиц? боевых молотов? чеканов?) новгородцев, топоров их противников³, топора «с поворозою» (т.е. темляком), с которым Мстислав Мстиславич трижды пробивался

¹ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000. С. 56. В Младшем изводе читается почти идентичный текст (Там же. С. 256).

² БЛДР. Т. 5. XIII век. М., 1997. С. 80, 464 (Текст Новгородской Карамзинской летописи).

³ В Новгородской IV летописи из текста скорее следует, что сами новгородцы вооружены и киями, и топорами (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 192). В Тверском сборнике новгородцы вооружены топорами, а их противники отбиваются «киями» (ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 322).

через полки противника и обратно. В описании битвы введена яркая литературная формула «аки на ниве класы пожинаху», т.е. сравнение боя с жатвой (ср. аналогичные метафоры описания боя, связанные с земледельческим циклом¹). Ростовские источники, на основании которых был расширен новгородский рассказ о Липицкой битве, во многом основывались как раз на дружинной устной традиции. Отметим также, что в ряде летописей есть восходящие именно к ростовской литературной традиции известия об Александре Поповиче и других «храбрах», в том числе и связанные с описаниями Липицкой битвы². Эти известия с большой долей вероятности могут считаться книжными конструктами, однако отражающими отголоски вполне аутентичного устного эпоса³. Очень вероятно, что летописный текст повести, отраженный в НІV, СІ, НК и Тв. сб., оформился под влиянием дружинного эпоса, связанного с именами Мстислава Удатного и Александра Поповича.

Мотивом, объединяющим раннюю новгородскую версию повести и расширенные фольклоризированные версии XV в., является желание новгородцев сражаться пешими и босыми. При этом новгородцы ссылаются на опыт своих «отцов и дедов», которые в битве на Колокше также сражались пешими. Речь идет о битве Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем в 1096 г. на реке Колокше (Кулачьце)⁴, в итоге которой Мстислав

¹ Об этой формуле см.: *Гаспаров М.Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 39—46.

² *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 106—109; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 323.

³ О соотношении книжного и фольклорного в известиях о «храбрах» см.: *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318—352.

⁴ ПВЛ. С. 109, 533. ПСРЛ. Т. III. С. 19, 203.

победил, а Олег бежал. Уточнение о спешивании новгородцев («сседоша с коней новгородци») отсутствует в описаниях битвы Новгородской первой летописи обоих изводов и в большинстве списков ПВЛ. Оно есть только в Радзивилловской летописи¹. Таким образом, литературная вставка этого мотива в описание Липицкой битвы под влиянием описания битвы на Колокше практически исключена.

Конечно, само по себе спешивание не было экстраординарным событием на войне и могло быть следствием каких-либо тактических задач. Например, спешивание новгородцев в Липицкой битве часто объясняется тем, что гора, которую штурмовали новгородцы, была укреплена плетнями и кольями². А иногда причиной становились этические принципы: в 1185 г., во время отступления войска Игоря Святославича под натиском половцев, князь «Буй-Тур» Всеволод и многие дружинники предпочли сражаться пешими вместе с простыми ратниками³.

Но в рассматриваемом случае перед нами целый комплекс взаимосвязанных действий — *спешивание, раздевание, разувание и пешая атака в качестве передового отряда*. Речь идет именно о снятии одежды и обуви, а не просто о *спешивании и снятии доспехов*⁴, что могло бы (хотя

¹ ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 94. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 240. прим. «И». Видимо, откровенно языческий характер ритуала раздевания и разувания перед боем препятствовал его описанию в летописных известиях, восходящих к XI в., летописцы, кажется, даже избегали упоминания факта спешивания новгородцев.

² Кучкин В.А. Летописные рассказы о Липицкой битве... С. 72.

³ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 641—642

⁴ В польской Хронике Галла Анонима есть похожий сюжет, явно восходящий к дружинному эпосу, о том, что во время войны с князя Болеслава II Щедрого с поморянами значительная часть его воинов во время переправы через глубокую реку утонула из-за тя-

и с натяжкой) быть вызвано какими-то практическими соображениями. При этом новгородцы недвусмысленно ссылаются на свою «историческую память» о битве на Колокше. Можно предположить, что это воспоминание предания было актуализировано сходными обстоятельствами (битва новгородцев с враждебным князем) и совпадением имен правнука Мстислава Мстиславича и его прадеда Мстислава Владимировича¹. То есть новгородцы как бы хотели «воспроизвести» свою победоносную битву более чем вековой давности. Похожий механизм мистического вмешательства в судьбу князей предполагала «молитва и отцов и дедов», неоднократно упоминаемая в летописях².

Отдельно отмечу, что Мстислав *радуется* действиям новгородцев, более того, согласно более позднему расширенному варианту сам исподволь подводит новгородцев к такому решению. То есть он вполне понимает значение этих действий для боевого духа воинов. В «общерусском» варианте повести к новгородцам присоединяются еще и молодые смоляне, которые, впрочем,

желых панцирей. Другая же часть польского войска сбросила кольчуги и успешно форсировала реку и одержала победу. Далее Галл приводит эпически-гиперболизированный вывод о том, что после этого польские воины вообще перестали использовать панцири на войне (*Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / перевод Л.М. Поповой // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 350; Gall. I. 25*).

¹ Прадед Мстислав Владимирович был своего рода «идеальным прототипом» Мстислава Мстиславича, так же, как и его отца Мстислава Ростиславича. Внук и правнук были в свою очередь «инкарнациями» знаменитого предка. Имя Мстислав входило в число престижных и «счастливых» в роду Рюриковичей, особенно ветви «Мономашичей» (*Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 14—30; 296—314*).

² *Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. XVI. М.—Л., 1960. С. 88—89.*

разувшись, обматывают («перевивают») себе ноги. Они действуют явно «практичней» новгородцев, характерно, что смоляне только спешиваются и разуваются, о снятии одежды речь не идет. Исходя из этих соображений можно предположить, что речь идет не только и не столько о каких-либо тактических ухищрениях, а о воинском обряде, символизирующем готовность новгородцев сражаться «до последнего» и не отступить. Здесь же можно отметить специфику их оружия — «киев», может быть, двуручных, т.е. предполагавших отсутствие щитов. Этот обряд был тесно связан с преданиями о славных сражениях новгородцев и, как кажется, воспроизводился не так часто, может быть только — в особо экстремальных ситуациях. Возможно, здесь мы наблюдаем отголоски архаичного ритуала обнажения, которое использовалось с разными мотивировками в воинских практиках многих народов.

В качестве догадки можно высказать предположение, что новгородский обряд был как-то генетически связан (или типологически близок) с одной из черт поведения, отличавших скандинавских викингов-берсерков¹. Этимология этого названия связано как раз с обнажением, снятием доспехов и одежды, восходящая к ритуалам оборотничества². Зачастую эта этимология противопоставляется альтернативной версии о том, что

¹ *Blaney B. Berserkr // Medieval Scandinavia. An encyclopedia / Ed. P. Pulsiano. New York, L., 1993. P. 37—38; Idem. The Berserkr Sutor: The Literary Application of a Stereotype Theme // Scandinavian Studies. 1982. Vol. 54. P. 279—294; Beard D.S. The Berserkr in Icelandic Literature // In Approaches to Oral Literature / Ed. R. Thelwall. Uster, 1978. P.99—114; Ср. менее обоснованную скептическую позицию: Либерман А.С. Германисты в атаке на берсерков // ДГ. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 119—131.*

² *Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 111—126;*

обозначение берсерков связано с обозначением медвежьих и волчих шкур. Однако это противопоставление излишне, поскольку облачение в шкуры хищников, метафорическая ликантропия, требовала снятия человеческой одежды, т.е. раздевания¹. Можно сказать, что обе этимологии правомерны и семантически дополняют друг друга. Наконец, берсерки зачастую выступают не только как одиночки-изгои, но и как элитный боевой отряд (спутники Хрольва Жердинки и телохранители Харальда Прекрасноволосого²), так же, как и новгородцы в летописях (см. ниже).

В качестве косвенного аргумента здесь может служить происхождение значительного числа боярских семей Новгорода и Ладоги от скандинавских знатных родов³.

¹ Характерно, что, например, Снорри Стурлусон отнюдь не противопоставляет, а напротив, приводит в сочетании эти две способности берсерков — они могли сражаться без доспехов и при этом ярились как звери (*Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смириницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995. С. 13*).

² *Blaney V. Berserkr... P. 37.*

³ *Глазырина Г.В. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/Старой Ладоги скандинавам // ДГ. 1991. М., 1994. С. 240—245; Молчанов А.А. Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Ренгвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.—Петрозаводск, 1997. С. 136—138; Он же. Ярл Ренгвальд Ульвссон и его потомки на Руси о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятичей) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого. Т. II. СПб.,—Псков, 1997. С. 80—84; Гунпиус А.А. Скандинавский след в истории новгородского боярства в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // *Slavica Helsingiensia*. 27. The Slavification of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Helsinki, 2006; Он же. «Суть люди новгородци*

И именно представители новгородской элиты составляли ударную часть новгородского войска. Кроме того, в конце X — начале XI в., времени становления древнерусских дружинных традиций, новгородцы выступают как сильная воинская корпорация, которая, с одной стороны, постоянно взаимодействовала с варягами, а иногда конкурировала и конфликтовала с ними.

В 980 году «словене» и варяги входят в одно войско князя Владимира Святославича¹. Затем князь Владимир в 997 г. ходил именно в Новгород «по верховьние вои», поскольку шла постоянная война с печенегами². Во время княжения Ярослава Владимировича, призвавшего в 1015 г. множество наемников-варягов, творивших «насилъе новгородцем и женамъ ихъ», новгородцы «избиша варягы во дворе Поромони», в ответ Ярослав и его варяги иссекли новгородских «нарочитых мужей» (в Новгородской первой летописи — «вои славны тысящу», при этом здесь же есть уточнение, что часть новгородцев смогла вырваться и бежать из западни³). Характерно, что во время урегулирования этого конфликта Ярослав обращается к новгородцам «люба моя дружина»⁴.

Вполне самостоятельной дружиной выступают новгородцы во главе с посадником Константином Добрыничем, которые «расекоша лодье Ярославле», когда тот пытался бежать «за море» от Святополка и Болеслава. В 1021 г. новгородцы выигрывают с Ярославом битву

от рода варяжска...» (опыт генеалогической реконструкции) // ВЕДС. XIII. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001. С. 59—65; Мусин А.Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 82—92.

¹ ПВЛ. С. 36.

² ПВЛ. С. 56.

³ ПСРЛ. Т. III. С. 174.

⁴ ПВЛ. С. 62—63.

против полоцкого князя Брячислава¹. В 1036 г. против печенегов опять Ярослав использует варягов и словен (которые затем при описании битвы вне городских стен названы новгородцами)².

Кроме того, «Древнейшая правда», которую князь Ярослав дал новгородцам в качестве «награды» вместе с денежным вознаграждением за участие в войне со Святополком, является «кодексом», регулирующим отношения *внутри дружины*³. Именно такой воинский контингент, следовательно, и составляли новгородские мужи, которые ее получили.

В битве у Любеча в 1016 г. между войсками Ярослава и Святополка новгородцы демонстрируют исключительно «дружинный этос» поведения — они форсируют Днепр, объявив, что сами убьют любого, кто останется, отталкивают ладьи, отрезая путь к отступлению, ведут рукопашную схватку в темноте, повязав себе платки на голову в качестве опознавательных знаков⁴. Наконец, замечу, что и в 1016, и в 1018, и в 1036 гг. новгородцы сражаются в одном войске с наемниками-варягами.

Таким образом, можно предполагать, что новгородцы обладали специфической воинской культурой, которая, естественно, была наиболее подвержена влиянию северных, скандинавских прежде всего, дружинных образцов и моделей поведения. Фразу ПВЛ о людях новгородцах «от рода варяжска»⁵ вполне можно понимать не только

¹ ПВЛ. С. 64.

² ПВЛ. 66. Можно предположить, что летописец называет «словенами» ополчение всей Новгородской земли, а «новгородцами» — специфический, гораздо более профессиональный воинский контингент самого города.

³ *Никольский С.Л.* «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 55—67.

⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 175; ПВЛ. С. 62—63.

⁵ ПВЛ. С. 13.

в узкогенеалогическом, но и в этнокультурном смысле, связанном в том числе и с преемственностью воинских традиций.

В таком случае новгородцы практически до XIII в. сохранили древний обряд своих предков, стимулом для сохранения этого обряда была «живая» устная традиция, повествующая о победах «пеших» новгородцев. Еще одним консервирующим фактором традиций реального и ритуального «пешего боя» была отдаленность новгородцев от кочевого мира степей, под влиянием и в противостоянии с которым оформилась к началу XII в. всадническая субкультура русских дружин¹.

Список сокращений

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси

ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. (До 1994 г. — Древнейшие государства на территории СССР.)

ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

НIV — Новгородская четвертая летопись

СИ — Софийская первая летопись

НК — Новгородская Карамзинская летопись

Тв. сб. — Тверской сборник

¹ Михайлов К.А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93—103.

Приложение X. Фетисов А.А. «ЗНАК РЮРИКОВИЧЕЙ» НА НИЖНЕМ ДУНАЕ

В археологии не часто удается связать какие-либо проявления материальной культуры с историческими событиями, известными по письменным источникам. Чаще всего в материальной культуре оставляют следы какие-либо катастрофические события (войны, осады городов и пр.). В этой связи масштабные походы Святослава оставили на территории Первого Болгарского царства целый ряд археологических свидетельств. В первую очередь к ним относятся находки на Нижнем Дунае предметов вооружения, связываемых с военной активностью русов Святослава (топоры, мечи)¹. Однако удается выявить и материальные свидетельства «неоружейного» характера.

Комплекс скальных церквей Басараби, расположенный на Нижнем Дунае, в 15 км от г. Констанца, на территории современной Румынии, был открыт еще в 1957 г. Ориентировочно до последней трети X в. здесь располагались разработки камня, шедшего на сооружение каменного вала между Констанцей и Чернавода. Й. Барня считает, что каменоломня в Басараби перестала действовать при Иоанне Цимисхии или Василии II². После этого в образовавшихся пещерах появляется монастырь. Это комплекс, состоящий из церковных помещений и погребальных камер, расположенных в толще известкового холма на разных уровнях и соединенных между собой галереями и колодцами. Перекрывающие друг друга граффити и

¹ *Йотов В.* Археологические свидетельства скандинавской и русской материальной культуры на Нижнем Дунае // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 169—172.

² *Барня Й.* Предварительные сведения о каменных памятниках в Басараби // *Dacia*. 1962. VI.

надписи на меловых стенах всего комплекса служат дополнительным основанием для периодизации жизни памятника¹. Спектр изображений и надписей чрезвычайно широк: это и тюркские руны, и разнообразные рисунки животных, людей, кириллические надписи и христианские символы². Высказывались предположения о печенежском и даже скандинавском происхождении некоторых надписей и знаков³. Граффити-рисунки, по предположению Д. Овчарова, появляются здесь с середины X в. Среди граффити Басараби присутствует целый блок рунических надписей и отдельных знаков, определенно имеющих тюркское происхождение. В. Бешевлиев указал основное направление связей этого блока граффити, приведя убедительные аналогии с надписями и изображениями Хумаринского и Маяцкого городищ, сосудов для вина из Новочеркасского музея и др.⁴

В одной из церквей, на продольной стене нефа, имеется процарапанное изображение двузубца (рис. 13), относящееся к периоду после существования каменоломни. Граффити имеет размер 12×12,5 см. Оба зубца заострены в верхней своей части. Нижняя часть граффити («ножка») достаточно широкая и разделена пополам вертикальной линией. В последнее время была предложена ин-

¹ *Овчаров Д.* За характера и принадлежността на средновековните рисунки от Басараб (Мурфатлар) // Археология. 1975. кн. 3. София.

² *Гълъбов И.* Средновековната българска кирилска епиграфика през последните 30 години // Археология. 1975. Кн. 4. София. С. 16; *Овчаров Д.* Болгары и румыны на Нижнем Дунае в раннем Средневековье (по археологическим данным) // История на българите: изкривявания и фалшификация. 2002. Ч. 1. София. С. 170—200.

³ *Varnea I.* Les monuments rupestres des Basarabi en Dobroudja // Cahier archeologiques. 1962. XIII. pp. 207—208.

⁴ *Бешевлиев В.* Етническата принадлежност на руните надписи при Мурфатлар. Векове. Т. 4. 1976. С. 12.

терпретация этого знака как родового знака Святослава¹. Основной задачей нашей работы является рассмотрение этого изображения в контексте подобных ему знаков и попытка его атрибуции.

Подобные двузубцы (и трезубцы) интерпретируются в российской исторической науке как лично-родовые знаки Рюриковичей уже с 1920—1930-х гг.²

Рассмотрение семиотического значения двузубых/трезубых знаков не входит в задачу этой статьи. Однако необходимо кратко обрисовать современное состояние этой проблемы. Происхождение и семантика двузубого (или трезубого как типологически близкого) знака точно неизвестно. Подобные знаки являлись символами власти у многих народов Евразии: от сасанидского Ирана и Хазарии до Золотой Орды и Крымского ханства³.

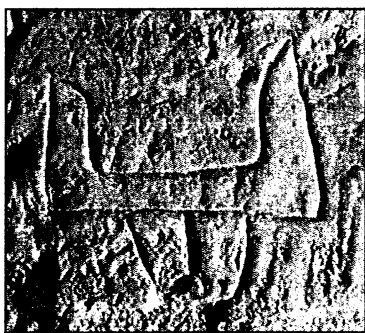

Рис. 13. Двузубец на стене пещерного комплекса Басараби

У иранских народов Средневековья (аланы), составлявших значительную часть населения Хазарского каганата, традиция тамгопользования восходит еще к сарматским временам первых веков нашей эры. В средневековом аланском мире прослеживается довольно большая доля «сарматского наследия»⁴. Многие типы

¹ Agrigoraei V. Vikingi sau rusi. Non cercetari asupra complexului de la Basarabi-Murfatlar // *Apulum*. 2006. XLIII/2. pp. 38—40.

² Орешников А.В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // *Известия АН СССР*. 1930. Серия VII. № 2.

³ Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // *Средневековые древности евразийских степей*. М. 1980. С. 173.

⁴ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и

и сама традиция нанесения тамг развиваются в сармато-аланском мире практически непрерывно с первых веков нашей эры до Средневековья и позднее. В сарматский период тамги как знаки родовой принадлежности наносились на оружие, бытовые предметы, украшения и др. Сарматские тамги какого-либо рода (как правило, знатного) помещались в погребение, где был захоронен представитель этого рода¹. На основе анализа распространения тех или иных типов тамг сармато-аланского мира реконструируется угасание знатных кланов, переселения различных родов, динамика семейных (брачных) связей и прочие процессы истории родов и племен.

Царские знаки Боспора I—IV вв. представляли собой тамги правителей из сарматской и аланской среды. Приходящий к власти представитель знатного рода делал свою клановую или семейную тамгу символом государственной власти. Что примечательно, в один из периодов истории Боспорского царства (II—III вв.) несколько сменяющих друг друга правителей имели тамги с общим нижним элементом и индивидуально изменяемым верхом — сын наследовал тамгу отца и дополнял ее другими элементами². Похожая система существовала впоследствии и среди «знаков Рюриковичей». Порядок наследования княжеских знаков, выявленных на древнерусских монетах и свинцовых печатях, в Древней Руси X—XII вв. от предка к наследнику (от отца к сыну) во многом типологически близок сармато-аланской традиции — наследование знака отца с индивидуальным дополнением каких-либо элементов.

Одним из первых происхождения *традиции* «знаков Рюриковичей» от сарматских знаков и знаков Боспоранного Средневековья. М., 2001. С. 111.

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 46.

ского царства предположил В.С. Драчук¹. Однако исследователей в этом отношении всегда смущала большая временная лакуна между сармато-боспорской и древнерусской эпохами. Продемонстрированная в настоящее время благодаря трудам С.А. Яценко непрерывность тамгопользования от сарматской к аланской традиции и позднее снимает это «хронологическое противоречие»².

Районы восточноевропейских степей и Северного Причерноморья (Хазария и византийские колонии) в VIII—X вв. были зоной активных контактов тюркского (болгары, хазары, печенег), иранского (аланы) и греческого населения. Поэтому зачастую разделить тюркскую и иранскую традиции тамг не всегда возможно³. Тюркские народы заимствовали некоторые типы тамг у ираноязычных народов. У населения византийских колоний также существовала традиция метить различные вещи простыми знаками, очень похожими на степные тамги.

Назначение тамг в иранской и тюркской традициях в целом определено — это родовые клановые знаки и знаки собственности. Так, например, знаки на камнях и кирпичах крепостных стен Нижнего Дона (Маяцкое, Семикаракорское, Правобережное Цимлянское городища, Саркел) принадлежат строителям этих крепостей из местного населения, относящимся к разным родам или семьям⁴.

¹ Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975. С. 86—96.

² В данном случае мы говорим, безусловно, не о происхождении «знаков Рюриковичей» от каких-либо конкретных тамг ираноязычных народов, а скорее о связи традиций использования тамг и тамгообразных знаков.

³ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов... С. 110.

⁴ Нахапетян В.Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // Советская археология. 1988. № 3. С. 105; Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов... С. 116.

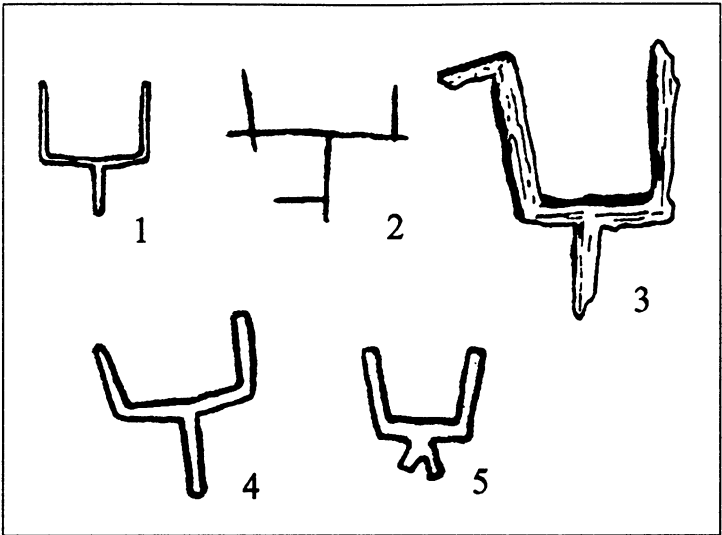

Рис. 14. Двухзубые знаки на территории Хазарского каганата. 1 – Саркел, знак на кирпиче крепости; 2–3 – Маяцкое городище, знаки на каменных блоках крепости; 4–5 – Хумаринское городище, знаки на каменных блоках крепости (по В.Е. Флеровой, 2001)

В качестве владельческих знаков тамги ставились на разнообразные бытовые предметы, ими клеймили скот, использовали в качестве гончарных клейм, обозначающих семейно-клановую принадлежность мастерской.

С.А. Яценко отмечает, что тамгообразные знаки территорий Хазарского каганата в большинстве своем относятся к иранской, а не к тюркской традиции, т.е. в данном случае, связаны больше с аланским, а не с болгарским населением. При этом, рассматривая средневековые тамги Дунайской Болгарии, он отмечает, что наиболее близкие им аналогии на салтовских территориях встречаются лишь в низовьях Дона (Саркел и др.), где болгарское население было наиболее активно в составе каганата¹.

¹ Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов... С. 112.

Собственно двузубые и трезубые тамги встречаются на территории Хазарского каганата на самых разных категориях вещей: на деталях поясной гарнитуры (Подгоровский могильник), в виде граффити на каменных блоках и кирпичах крепостей (Саркел, Маяцкое, Семикаракорское, Хумаринское городища), в виде гончарных клейм на сосудах (Дмитриевский могильник). На территории салтовской культуры ряд подобных знаков, продолжающих сармато-аланскую традицию, также связывается с символами верховной власти — тамгами правящих родов¹.

При этом отмечается, что в Хазарии двузубцы значительно преобладают над трезубцами². Среди хазарских аналогий встречены и относительно близкие к тамге Басараби по начертанию знаки (рис. 14). Тамгообразные знаки Хазарии, безусловно, внешне не идентичны «знакам Рюриковичей», но схематически многие из них очень близки (и, что немаловажно, синхронны). Затрагивая версию о происхождении «знака Рюриковичей» из хазарской (салтовской) традиции, необходимо также вспомнить и о претензии русских князей на титул «каган», что прослеживается в источниках достаточно долгое время: от сообщения Бертинских анналов о событиях 838—839 гг. до «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона.

Существует также версия о германском происхождении «знака Рюриковичей». По мнению ряда исследователей, широко распространенный в Северной Европе символ хищной птицы послужил прототипом для трезубцев, являющихся стилизованным изображением ле-

¹ *Шлетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 128; *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001. С. 53—54.

² *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты... С. 57.

тящего сокола, выступающего как символ власти. Параллельно со «знаками Рюриковичей» образ хищной птицы, как считается, в древнерусском материале выражен также в оформлении ажурных наконечников ножен мечей. «Североевропейская версия» происхождения «знаков Рюриковичей», восходящая еще к работам П. Паульсена, была достаточно распространена в советской историографии¹, выражена в работах ряда отечественных и зарубежных современных исследователей². Эта версия, однако, совершенно не объясняет динамику изменений двузубых и трезубых знаков на протяжении X—XII вв.

На сегодняшний день пока невозможно точно установить происхождение «знаков Рюриковичей» от иранской/тюркской или от североевропейской традиции. Однако способ использования двузубцев и трезубцев в Древней Руси (в качестве граффити на различных предметах, как знаки собственности или раннегосударственной власти) и

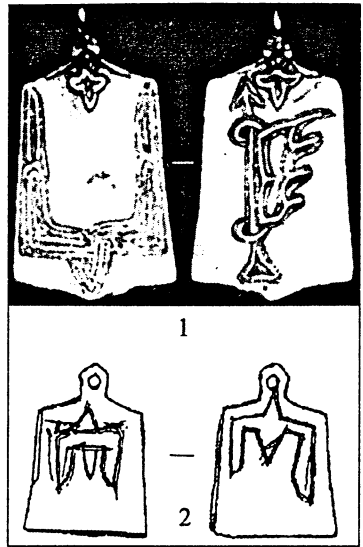

Рис. 15. Подвески с двузубцами на территории Древней Руси X в.
1 – Гнездово; 2 – Новгород
(по С.В. Белецкому, 2004)

¹ Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 62—69.

² Ambrosiani B. The Birka Falcon // Birka Studies. V. Eastern Connections Part One: The Falcon Motif. Stockholm. 2001. pp. 11—27; Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 106—117.

принцип наследования этих знаков при переходе от отца к сыну говорят скорее о «восточном» направлении связей. Механизм заимствования в этом случае неясен.

«Знаки Рюриковичей» в Древней Руси с X в. встречаются на самых разных категориях предметов. Двужубцы и трезубцы в качестве изображений известны в домонгольской Руси X—XII вв. на металлических подвесках, вислых печатях (Новгород и Новгородская обл.), кистенях (Минск, Саркел, Киев), серебряных арабских дирхемах, первых русских монетах сребрениках и златниках, в качестве граффити на стенах храма Софии Киевской, в качестве гончарных клейм и др. Предметом нашего интереса в данном случае являются двужубцы. В выборке представлены только двужубцы, относящиеся к X — началу XI вв.

На территории Древней Руси X в. известны две подвески с изображениями двужубцев. Найдены они в Гнездово (Смоленская обл.) и в Новгороде. Гнездовская подвеска происходит из частной коллекции (рис. 15, 1)¹. Она была найдена на территории селища. Подвеска изготовлена из низкопробного серебра с содержанием меди в сплаве до 40—50 %. На одной стороне подвески изображен двужубец, на другой — стяг. Исходя из сходства изображений стягов на гнездовской подвеске и на подвеске с городища Каукай, изготовленной, предположительно, до 970-х гг., С.В. Белецкий считает возможным датировать подвеску из Гнездово второй половиной X в.²

¹ Автор выражает признательность С.Ю. Каинову за предоставленную информацию. Археологическое происхождение подвески доказано металлографическим анализом, проведенным в Государственном научно-исследовательском институте реставрации (Москва) (*Шемаханская М.С.* К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // *Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация.* М., 2000. № 18. С. 87).

² *Белецкий С.В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской.* СПб., 2004. С. 252—253.

Костяная подвеска с изображением двузубца происходит из раскопок Новгорода (рис. 15, 2). Она найдена в слое 26-го яруса Троицкого раскопа (датировка яруса — 954—973 гг.). На одной стороне подвески изображен трезубец, на другой — двузубец, позднее переделанный в трезубый знак. Сторона с изображением двузубца являлась лицевой. По мнению В.Л. Янина, изначальное изображение двузубца позднее было дополнено средним зубцом, что было сделано очень легким штрихом. Трезубец в данном случае может быть атрибутирован как знак Владимира. Поскольку именно в это время происходит переход Новгорода от Святослава к Владимиру, изначальный двузубый знак может быть отнесен к Святославу, а затем он был превращен в родовой знак Владимира¹. Безусловно, такая реконструкция событий является версией. Для нас же принципиально важен тот факт, что датировка подвески и характер изображения двузубца позволяют связать его со Святославом.

Еще одна категория предметов на территории Древней Руси, несущих изображение двузубца, — арабские монеты-дирхемы. Двузубцы процарапаны линейным или контурным изображением достаточно крупно, занимая всю центральную часть монеты, на 13 дирхемах (два из них — предположительно). В ряде случаев двузубцы нанесены на монеты, чеканенные задолго до Святослава. При этом говорить о том, что знаки на них *нанесены до княжения* Святослава, можно только в тех случаях, когда монета находится в составе клада, имеющего достаточно уверенную датировку (в нашей выборке это всего два случая — № 1 и 2 (см. ниже)). Также несколько двузубцев нанесено на монеты, чеканенные после смерти Святослава (№ 3, 4, 5). В нескольких случаях граффити на

¹ Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 149.

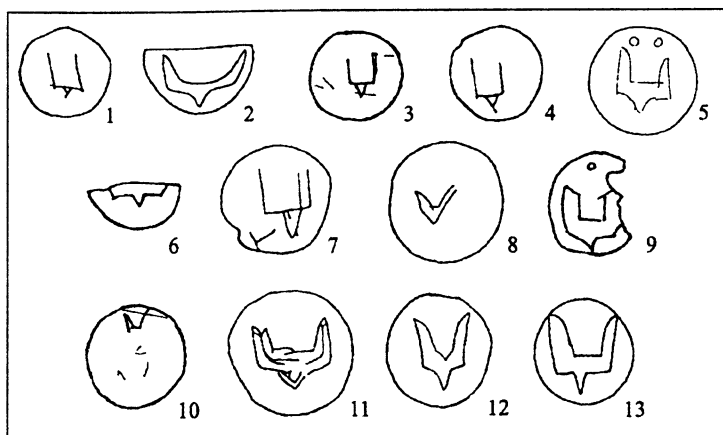

Рис. 16. Арабские дирхемы с граффити-двузубцами.

(по И.Г. Добровольскому, И.В. Дубову, Ю.К. Кузьменко, 1991; В.Е. Нахапетян, А.В. Фомину, 1994; Е.А. Мельниковой, 1996)

дирхемах интерпретируются как двузубцы лишь предположительно (№ 6, 7). В трех случаях датировки кладов позволяют связать граффити-двузубцы на монетах со временем Святослава (№ 8, 9, 10). В трех случаях, хотя дата чеканки дирхемов относится ко времени до Святослава, это не исключает возможности того, что граффити-двузубцы появились на монетах в период его княжения (№ 11, 12, 13).

1. Древнейшая монета с граффити-двузубцем происходит из клада рубежа IX—X вв., найденного на Готланде (младшая монета клада чеканена в 880—885 гг.). Монета несет линейное изображение двузубца (хранится в Стокгольме) (рис. 16, 1).

2. Монета с контурным изображением двузубца (рис. 16, 2) происходит из Погорельщинского клада начала X в. (Минская обл., Белоруссия). На другой стороне изображен стяг.

3—4. Две монеты, несущие сходные линейные изображения двузубцев (даты чеканки 979/980 гг. и

988/989 гг.) происходят из кладов Среднего Поднепровья (рис. 20, 3—4)¹.

5. Контурное изображение двузубца нанесено на монету из неизвестного клада, чеканенную в 974/975 гг. (рис. 16, 5). Монета дважды пробита и использовалась как подвеска².

6. Предположительно к дирхемам с граффити-двузубцем можно отнести также монету из Васьковского клада (Псковская обл.), зарытого в начале XI в. Это обрезанная половина саманидского дирхема, чеканенного в 954—961 гг. На аверсе сохранилась лишь нижняя часть двузубца (верхняя осталась на обломанной половине) (рис. 16, 6)³.

7. С некоторой степенью осторожности к изображениям двузубца можно отнести граффити на монете, чеканенной около 894 г. (хранится в Стокгольме)⁴. Характер изображения знака позволяет интерпретировать его и как неаккуратно выполненный трезубец (рис. 16, 7).

8. Следующая монета происходит из клада, зарытого в Среднем Поднепровье в Копиевке (Украина, Винницкая обл.) в середине 950-х гг. На дирхем, чеканенный в 911—912 гг., нанесено контурное изображение двузубца. На обратной стороне — схематическое изображение питьевого рога (рис. 16, 8).

¹ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Восточная Европа в древности и Средневековье. VIII чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 46—49.

² Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 170.

³ Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 68—74.

⁴ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах... С. 46—48.

9. Монета с контурным изображением двузубца (подражание Саманидам) происходит из клада с территории современной Эстонии (рис. 16, 9). Клад был зарыт в первой половине XI в. Время чеканки дирхема — X в. Двузубец нанесен неровными линиями, часть из которых не доведена до конца. Дирхем имеет два отверстия для подвешивания, расположенные таким образом, что при подвешивании знак занимал правильное положение.

10. Незаконченное изображение двузубца (отсутствуют правая и нижняя части знака) нанесено на монету из клада середины X в., найденного в Звеничеве, в Среднем Поднепровье. (рис. 16, 10). Монета чеканена в 895—905 гг.

11. Контурное изображение двузубца нанесено на дирхем, чеканенный в 919—920 гг. (хранится в Копенгагене, место находки неизвестно) (рис. 16, 11)¹.

12. Монета с контурным изображением двузубца, саманидский дирхем 913/914 гг. Место находки неизвестно. Двузубец нанесен ровными глубокими линиями на реверсе монеты (рис. 16, 12). На аверсе — граффити, которое можно интерпретировать как изображение кормы ладьи с поднятым рулевым веслом.

13. Монета с контурным изображением двузубца (Саманиды, 924/925 гг.) была найдена, по всей видимости, на территории Швеции (хранится в Берлинском музее). Граффити нанесено на лицевую сторону дирхема (рис. 16, 13)².

Назначение двузубцев на дирхемах точно определить невозможно, однако вполне убедительной представляется версия о государственно-владельческом смысле этих граффити. Связь монет, несущих «знаки Рюриковичей», с дружинно-княжеской средой и, более конкретно, с ве-

¹ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах... С. 46—48.

² Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах... С. 68-74.

ликокняжеской властью Киева подтверждается также тем, что около половины таких монет происходит из Среднего Поднепровья и на ряд дирхемов нанесена «дружинная символика»: изображения стяга, ладьи, питьевого рога¹. Со времен Владимира на первые русские монеты — сребреники и златники — наносятся трезубцы как знаки легитимности монет (исключение — усложненный крестом двузубец Святополка). Трезубцы, ставшие в это время лично-родовым знаком Рюриковичей, выступают на первых русских монетах как символы государственной власти. По предположению И.Г. Добровольского, И.В. Дубова и Ю.К. Кузьменко, еще до начала чеканки собственной монеты княжеским знаком клеймились некоторые дирхемы, превращавшиеся таким образом в государственную платежную единицу. В период Святослава таким знаком был двузубец, который выступал на дирхемах своего рода государственно-владельческим знаком². Это предположение тем более обосновано, поскольку из 16 известных на дирхемах «знаках Рюриковичей» 13 являются двузубцами и только три — трезубцами. Затем трезубцы ставились уже на русские монеты, и нанесение их на дирхемы просто не имело необходимости.

Два самых ярких, но при этом достаточно спорных в интерпретации предмета, несущих изображения двузубца — свинцовая печать из Киева и округлая костяная пластина из Саркела/Белой Вежи, — известны в российской науке уже достаточно давно, однако исследованы недостаточно подробно.

Актовая вислая свинцовая печать с изображением двузубца была найдена в 1912 г. при раскопках Д.В. Милеева

¹ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах... С. 47—49.

² Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах... С. 130.

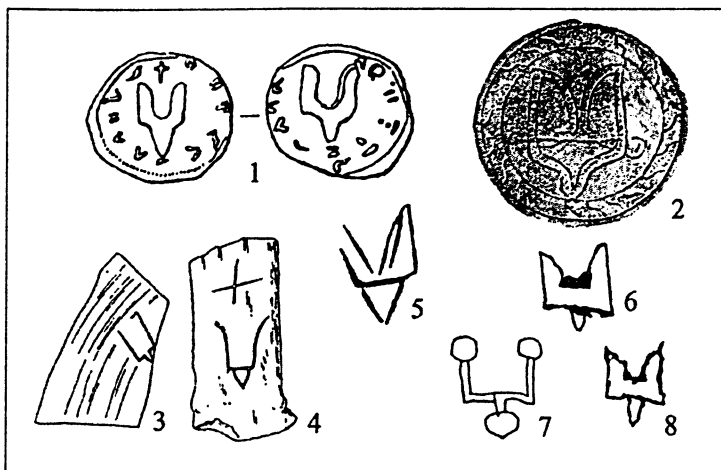

Рис. 17. 1 – свинцовая пегать из раскопок Десятинной церкви в Киеве (по С.В. Белецкому, 2000); 2 – костяная пластина из Саркела (по М.И. Артамонову, 1958); 3–4 – граффити на амфорах из Саркела (по С.В. Белецкому, 2000); 5 – граффити на кистене из Саркела (по С.В. Белецкому, 2000); 6–8 – граффити на стене гробницы под Кергью (по А.О. Амелькину, 2001)

на территории Десятинной церкви (рис. 17, 1). Уже к моменту выхода фундаментального свода актовых печатей В.Л. Янина в 1970 г. этот предмет был окончательно утерян, на сегодняшний день сохранились только опубликованные прорисовки. На обеих сторонах печати помещено изображение двузубца, по краям печати идет круговая малоразборчивая надпись. Хотя изображение этой печати попало в ряд публикаций¹, первый подробный анализ и атрибуция изображенного на ней двузубца были даны лишь в 1970 г. В.Л. Яниным². Интерпретация знака на печати основывается на реконструированной в российской историографии си-

¹ Орешников А.В. Классификация древнейших русских монет... С. 93—95; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 430.

² Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. С. 38—41, 166.

стеме преемственности «знаков Рюриковичей». В.Л. Янин прослеживает определенную закономерность в наследовании знаков: каждый знак сочетает в себе «родовые» признаки — графическую основу, общую для всех «знаков Рюриковичей», — и индивидуальные детали, характерные для конкретного князя. То есть прослеживается система наследования, существовавшая еще в боспорской и аланской традициях и отмеченная для «знаков Рюриковичей» уже А.В. Орешниковым — наследование отцовской тамги с добавлением (или изъятием) той или иной детали¹.

Именно эта печать стала одним из основных аргументов атрибуции двузубца в системе лично-родовых знаков именно Святославу Игоревичу. Один из фрагментов круговой надписи на печати Н.П. Лихачев прочитал как кириллические буквы «..стла..», которые интерпретировал как часть имени «Святослав». А.П. Моця и А.К. Сыромятников увидели на печати «русскую надпись, выполненную при помощи греческого алфавита и расшифровываемую как “князь Святослав”»². Более обоснованной на сегодняшний день представляется интерпретация надписи А.А. Молчановым, прочитавшим ее как греческое написание имени «Святослав»³.

Печать Святослава фигурирует и в письменных источниках. При заключении договора с греками 971 г., воспроизведенном в Повести временных лет, упоминается печать (печати), скрепляющие договор. В заключительной формуле со стороны русов говорится: «Не сомневай-

¹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. С. 38—41, 166.

² Моця А.П., Сыромятников А.К. Княжеские тамги Святослава Игоревича как источник изучения истории древнерусских городов // Древнерусский город. Киев, 1984. С. 86.

³ Молчанов А.А. Печать Святослава Игоревича (к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики Древней Руси X в.) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 50—52.

тесь в правде того, что мы обещали вам ныне, и записали в хартии этой и скрепили своими печатями»¹.

При раскопках Саркела, крупнейшей хазарской крепости на Нижнем Дону, была найдена круглая костяная пластина с изображением двузубца (рис. 17, 2). После масштабного похода Святослава на Хазарский каганат в 965 г. захваченная хазарская крепость Саркел превращается в древнерусский город Белая Вежа. При первой публикации этой костяной пластины М.И. Артамонов не связывал еще эту находку со Святославом и событиями 965 г.² Эта связь была озвучена позднее, однако практически не аргументирована³. В историографии уже прочно утвердилось мнение о том, что на этой пластине изображен княжеский знак Святослава, хотя автор раскопок М.И. Артамонов не указывает археологического контекста этой находки в слоях Саркела/Белой Вежи и не дает никакой сколько-нибудь точной датировки или стратиграфической привязки.

Также из Саркела происходят два двузубца, процарапанные на амфорах (рис. 17, 3—4)⁴. Хотя они и несут линейное изображение, аналогичное граффити на дирхемах, но, возможно, связаны с «местной» ирано-тюркской традицией тамгопользования. Более уверенно со «знаками Рюриковичей» можно связать целый ряд тамг, процарапанных на кистене X—XII вв. из Саркела. Среди них есть и двузубец (рис. 21, 5), который Белецкий считает возможным датировать X в.⁵

¹ Повесть временных лет. М., 1996. С. 171.

² Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. Материалы и исследования по археологии. № 62. М. — Л., 1958. С. 74—76.

³ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002. С. 431; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. С. 41.

⁴ Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997. С. 229—230.

⁵ Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X—XI вв. / Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2000. Вып. 2. С. 103—104.

Чрезвычайно интересен случай обнаружения двузубцев на стенах гробницы Царского кургана под Керчью. Судьба этого памятника во многом похожа на историю пещерного комплекса Басараби. На вершине кургана, сооруженного в IV в. до н.э., расположена гробница одного из боспорских царей. Около IX—X вв. гробница была превращена в христианский храм. На стены 75-метрового коридора-дромоса, ведущего к погребальной камере/храму, нанесено большое количество разновременных граффити. Среди них присутствуют три двузубца, попавшие сюда около X в. (рис. 17, 6—8). А.О. Амелькин считает эти двузубцы «знаками Рюриковичей» и связывает их появление здесь с восточным походом Святослава, затронувшим земли на восточном берегу Керченского пролива¹.

Как видим, ряд изображений двузубцев на различных категориях предметов действительно удается связать со Святославом и временем его княжения.

На сегодняшний день генеалогия «знаков Рюриковичей» в целом разработана. Опорными хронологическими моментами здесь явились печать Святослава, знаки на златниках и сребрениках, имеющие четкую атрибуцию, и ряд печатей XI—XII вв., несущих имена князей, что также достаточно уверенно позволяет атрибутировать знаки². Недостающие или не вполне доказуемые элементы схемы развития знаков реконструируются условно. Так, например, присутствие двузубцев в виде граффити на дирхемах в конце IX — пер-

¹ Амелькин А.О. «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. М., 2001. С. 239—254.

² См.: Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: проблемы изучения // Нумизматика на рубеже веков. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 125. Нумизматический сборник. Ч. XV. М., 2001. С. 85—107.

вой половине X вв. позволило предположить, что они относятся к предшественникам Святослава — Олегу и Игорю. Поскольку двузубец в таком случае переходил от князя к князю без изменений (до эпохи Святослава), Е.А. Мельникова предположила, что на этом этапе двузубец не являлся *лигно-родовым* знаком, выступая либо как *знак правителя*, главы рода Рюриковичей, либо как *общеродовой* знак¹.

В эпоху Святослава и его сыновей двузубый знак начинает изменяться при переходе к наследникам. При наследовании отцовского знака он изменяется практически во всех случаях на один новый элемент, на что специально обратил внимание С.В. Белецкий². Владимир изменяет знак своего отца Святослава, добавив центральный зубец и превратив знак в трезубец. Его сыновья, Изяслав и Ярослав, наследовали отцовский трезубец, дополнив средний зубец каждый своим новым элементом. Внук Святослава Святополк наследовал двузубец, усложнив его левый зубец крестом (вероятно, этот знак восходит к неизвестному нам знаку его отца Ярополка). Таким образом, после Святослава «знаки Рюриковичей» приобретают характер лично-родовых.

Видимое противоречие в характере наследования знака до Святослава, когда он существовал без изменений, и после, когда с каждым князем он приобретает новые элементы, вероятно, объясняется принципиальными изменениями в характере княжеской власти Древней Руси, произошедшими в последней четверти X в. До Святослава владения Рюриковичей никак не дробились и нам известны только «прямые» наследники (Олег — Игорь — Святослав). В эпоху Святослава происходит первый «раздел» земель между его сыновьями Ярополком, Олегом и

¹ Мельникова Е.А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах... С. 49.

² Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X—XI вв... С. 38. В связи с этим вновь можно вспомнить подобный принцип наследования родовых знаков в сармато-аланской традиции.

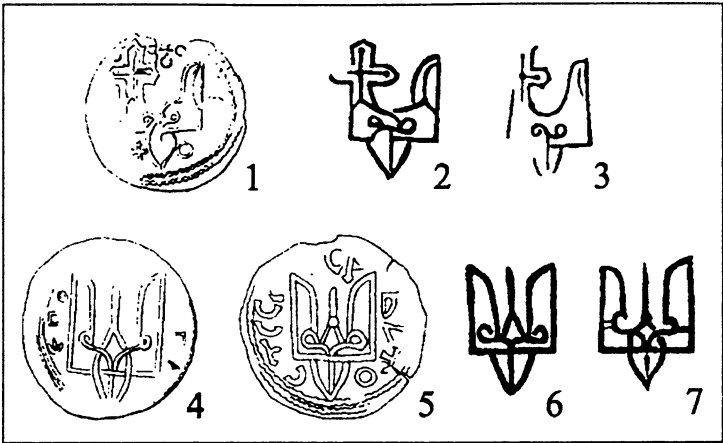

Рис. 18. Древнерусские сребреники Святополка и Владимира.
 1 – сребреник Святополка; 2–3 – двузубцы на сребрениках
 Святополка; 4–5 – сребреники Владимира; 6–7 – трезубцы на
 сребрениках Владимира (по М.П. Сотниковой, 1995;
 С.В. Белецкому, 2000)

Владимиром, приведший после смерти их отца к войне наследников. С этого момента начинаются изменения при наследовании «знаков Рюриковичей». При этом важно отметить, что свой лично-родовой знак, как предполагает С.В. Белецкий, Владимир начал использовать (получил?) еще при жизни своего отца Святослава. Точно так же и Святополк позднее начал пользоваться своим лично-родовым знаком (измененным двузубцем) уже при жизни Владимира Святославича¹.

Таким образом, эпоха Святослава Игоревича и его сыновей становится переломной в истории развития «знаков Рюриковичей». Собственно, именно с этого периода и можно говорить о появлении лично-родовых знаков в Древней Руси, только с последней четверти X в. складывается система наследования этих знаков.

¹ Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей... С. 45—48.

Появление двузубца Святослава на Нижнем Дунае в Басараби можно связать только с его активными действиями в период войны с Болгарией, а затем и с Византией в 967—971 гг. (по хронологии Повести временных лет). Возможно, нанесение «знака Рюриковичей» (в нашем случае — двузубцы в районе Керчи, в Саркеле, в Басараби, если согласиться с древнерусским происхождением этих знаков) в местах, находящихся вблизи границ Руси и связанных с военной активностью руси, имело какое-то особое (геополитическое? ментальное?) содержание. Поскольку в этих местах была распространена местная традиция тамгопользования, можно предположить, что нанесение здесь «знаков Рюриковичей» было рассчитано на понимание этого жеста местным населением.

Следует обратить внимание на характерный элемент знака из Басараби — разделенная надвое вертикальной полосой нижняя ножка. Этого элемента нет на известных древнерусских аналогиях знака Святослава¹, однако он присутствует на княжеских знаках его ближайших наследников. Подобный элемент прослеживается на нескольких сребрениках внука Святослава Святополка и на сребрениках сына Святослава Владимира — нижняя ножка трезубцев также разделена пополам вертикальной линией (рис. 18). Здесь мы видим соответствие принципу наследования лично-родовых знаков от отца к сыну: сохранение основной формы знака с индивидуальным изменением отдельных элементов. Возможно, эта деталь «знака Рюриковичей» (нижняя ножка, разделенная пополам вертикаль-

¹ Подобного элемента нет и на похожих иранских и тюркских тамгах, учитывая, что практически все они изображены линейно, а не контурно. Тот факт, что среди ирано-тюркских тамг практически нет контурных изображений (которые преобладают среди древнерусских «знаков Рюриковичей»), может служить дополнительным основанием для атрибуции тамги из Басараби древнерусской традиции.

ной линией) была унаследована Владимиром и Святополком (через неизвестный нам пока знак Ярополка) от своего отца и деда Святослава. Тамга из Басараби в таком случае является своего рода «недостающим звеном» в типологической цепочке княжеских знаков X — начала XI вв.

Приложение XI.

Фетисов А.А. РИТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КЛЯТВЫ ОРУЖИЕМ В РУССКО- ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРАХ X В.

При изучении текстов договоров Руси и Византии X в. хрестоматийным уже стало указание на скандинавский характер имен в составе посольств русов, как на наиболее очевидное свидетельство присутствия в дружине Олега и Игоря выходцев из Северной Европы. В договоре 907/912 г. 13 из 15 «мужей Олега от рода русаго»: Карлы, Инегелдь, Фарлоф, Рулавъ, Гуды, Руалд, Карнь, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ имеют скандинавские имена, исключения в составе этих посольств составляют лишь имена Веремуда и Стемида. В договоре 945 г. в перечислении послов и их отправителей из 76 имен 56 имеют скандинавское происхождение. Какую правовую традицию в дипломатических контактах с Византией представляли эти люди?

В исследовании русско-византийских договоров традиционно существует несколько магистральных направлений. В первую очередь это рассмотрение содержательной части договоров в связи с геополитической ситуацией в Восточной Европе, отношениями Руси и Византии и в связи с восточной политикой Руси. Рассматривались такие вопросы, как хазарское влияние на русско-византийские отношения (В.В. Бартольд¹,

¹ Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

М.И. Артамонов¹, А.П. Новосельцев²), характер торговых и дипломатических отношений Руси и Византии (В.Т. Пашуто³), характер и эволюция «византийской политики» Руси в X в. (В.Т. Пашуто, Г.Г. Литаврин⁴, А.Н.Сахаров⁵).

Пристальное внимание также уделялось формальным частям договоров. Одними из основных вопросов здесь были: характер и состав посольств (наиболее подробно рассмотренные А.Н. Сахаровым), реконструкция текстов договоров и их структуры (А.А. Шахматов⁶, Д.С. Лихачев⁷). В связи с интересующими нас вопросами необходимо выделить отмеченное еще А.В. Лонгиновым наблюдение о двучастной структуре договоров 911 и 944 гг., где вступление и заключение исходят от лица Руси, а сами условия договоров от лица греков⁸. Это наблюдение использует также С.М. Каштанов для доказательства существования двух частей договора 944 г.: собственно договор и клятвенно-верительная грамота (наподобие хрисовула)⁹.

¹ Артамонов М.И. История хазар. Л. 1962.

² Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

³ Пашуто В.Т., Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.—Л., 1968.

⁴ Литаврин Г.Г. Византия и Русь в IX—X вв. // История Византии. Т. 2. М., 1967.

⁵ Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.

⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

⁷ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

⁸ Лонгинов А.В. Договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904.

⁹ Каштанов С.М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 214—215.

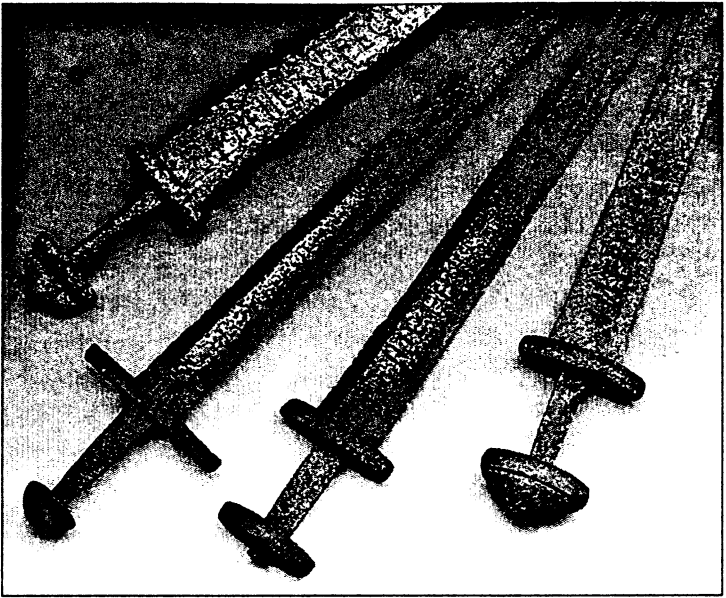

Рис. 19. Мечи Эпохи викингов

При изучении русско-византийских договоров X в. помимо содержательной части, дающей информацию о внешней политике русских князей, представляет не меньший интерес так называемая «формальная» часть, отражающая приемы и формы дипломатической деятельности, составы посольств и правовое сознание русов.

В этом отношении очень перспективным представляется подробное рассмотрение способов закрепления договоров со стороны русов — их языческая клятва оружием, которая в том или ином виде присутствует во всех договорах и отражена в Повести временных лет.

В тексте летописи «клятва оружием» упоминается шесть раз применительно к договорам 907/911, 944 и 971 гг. Эта клятва (называемая иногда «присяга») является единственным со стороны языческой Руси способом признания и подтверждения договора (за исключением

договора 971 г., который был подкреплён ещё и печатью Святослава). То есть можно утверждать, что эта клятва являлась важным элементом раннегосударственной правовой символики.

«Клятва оружием» в ПВЛ отражена в двух видах: словесное заявление руси в тексте договора и описание самого обряда клятвы как ритуального действия князя и его дружины. Важно отметить, что описание ритуальных действий князя и дружины во время клятвы является, как показал М.А. Васильев, искусственно созданным книжником рассказом, однако при этом не вызывает сомнений то, что русь клялась именно оружием¹. Таким образом, необходимо особенно аккуратно использовать эти части летописи и привлекать летописные «обрамления» (по терминологии А.А. Горского²) в основном как иллюстративный материал (как, например, летописный текст 907 г. и текст 944 г., описывающий клятву Игоря на холме Перуна).

При рассмотрении всех упоминаний «клятвы на оружии» вполне можно выделить устойчивые её формулировки, которые могли существовать, но не всегда могли быть полностью отражены в ПВЛ.

907 г. «...а Ольга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьем своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосом, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ»³.

911 г. (текст договора) «...право судихомъ, не точью просто словесемъ, и писани-

¹ *Васильев М.А.* Степень достоверности известия Повести временных лет о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998 г. М., 2000. С. 65, 71.

² *Горский А.А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Международная договорная практика Древней Руси.* IX чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1997. С. 7.

³ *Повесть временных лет.* СПб., 1996. С. 17.

ем и клятвою твердою, кленшеся оружием своим, такую любовь утвердити...»¹.

944 г. (текст договора) «...и елико ихъ есть не хрещено, да не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятъ щиты своими, и да посъчени будут мечи своими, от стръль и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вък в будущий»².

944 г. (текст договора) «А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечъ своѣ наги, обручъ свое и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ бояр и от всѣхъ людей от страны Руския въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто от князь или от людей русских, ли хрестеянъ или не хрестеянъ, преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружиемъ умерети, и да будетъ клять от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву»³.

944 г. «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружие свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси»⁴.

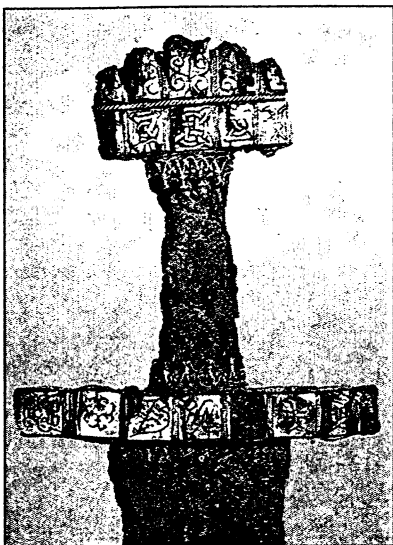

Рис. 20. Рукоять меча из камерного погребения в Хедебю. X в.

¹ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

971 г. (текст договора) «Аще ли от тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имеемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и в Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исъчени будемъ»¹.

Из того, что различные элементы этой клятвы повторяются в разных договорах, можно заключить, что сама формула «клятвы оружием» была единообразна и использовалась во всех случаях при клятве или присяге князя и его окружения. Летопись же, вероятно, в некоторых местах (например, при описании договора Олега) давала эту клятву в «сокращенном» виде.

«Клятва оружием» как словесное заявление русов представлена в договоре 911, 944 и 971 гг.; «клятва оружием» как ритуальное действие представлена в летописном тексте 907 г. и летописном «обрамлении» договора 944 г. Ритуальное действие клятвы позволяет определить состав оружия и в целом то, на чем клялись русы при заключении договора.

Состав оружия подробно раскрывается в договоре 944 г. В заключении договора указывается, что некрещенные русы кладут свои щиты, обнаженные мечи, «обручи и иное оружие». Во вступлении к договору в качестве кары за его нарушение этот «оружейный ряд» продолжен и дополнен стрелами: да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия. Таким образом, можно установить элементы клятвы:

Перун (упоминаемый в клятвах всех договоров) и, вероятно, Велес (упоминаемый в договоре 971 гг.);

определенный набор оружия: щиты, мечи, стрелы («и иное оружье»).

Ключевым элементом клятвы является оружие. Собственно смысл «клятвы на оружии» заключается в нака

¹ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 34—35.

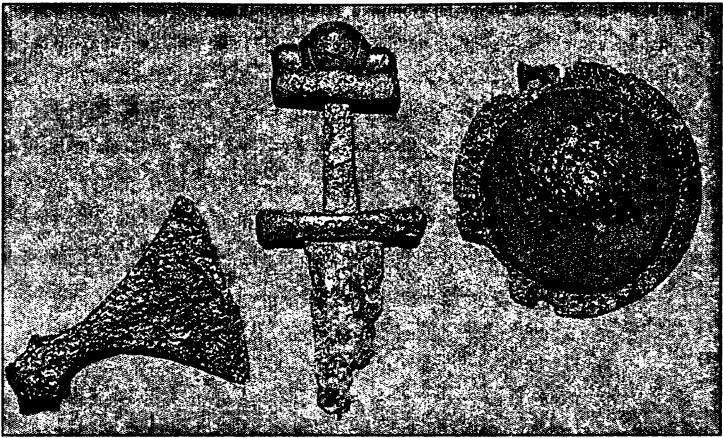

Рис. 21. Оружие из кургана у д. Заозерье (Южное Приладожье)

зани: нарушившие клятву и договор русы будут убиты собственным оружием. В договоре 944 г. во вступлении: «да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия»; в том же договоре в заключении: «да будет достоин (нарушивший клятву. — А.Ф.) умереть от своего оружия»; в договоре Святослава: «и своим оружием посечены будем» (в случае нарушения клятвы. — А.Ф.). Здесь следует обратить внимание на акценты: нарушение клятвы приводит к смерти от *собственного* оружия.

Сущность клятвы (смерть от собственного оружия как наказание) приводит к мысли, что клятва эта как элемент раннегосударственной символики происходит из каких-то мифологических и этнокультурных представлений раннесредневекового варварского общества. Для обоснования этого предположения мы можем обратиться к письменным и этнографическим материалам стадально близких древнерусскому обществ. Характер дружинной культуры Древней Руси дает повод искать аналоги феномену «смерти от собственного оружия» в первую очередь в скандинавских материалах эпохи викингов.

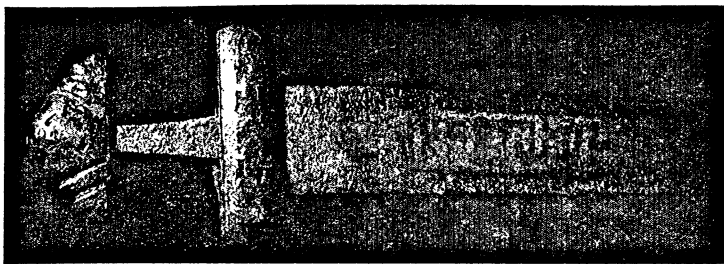

Рис. 22. Меч, найденный у дер. Монастырище (Орловская обл.)

Саги и эддические песни дают нам ряд случаев описания смерти от собственного оружия. По характеру этих сюжетов их можно разделить на несколько групп:

смерть от собственного оружия как самоубийство;

смерть от собственного оружия как божественное наказание, наказание Судьбы;

смерть от собственного оружия как гибель в бою или поединке «отрицательного» персонажа от рук «положительного» (хотя, конечно, термины «отрицательный» и «положительный» условны, поскольку в сагах практически не бывает оценочных характеристик).

Как самоубийство смерть от собственного оружия (упасть на свой меч) хорошо известна. Описание подобного сюжета дается в «Круге Земном» в «Саге о Хальвдане Черном». Здесь присутствует эпизод, в котором конунг Хальвдан забрал у берсерка Хаки девушку, на которой Хаки хотел жениться. Хаки пытался догнать людей конунга и какое-то время преследовал их, «но спустившись на лед озера, — как говорится в саге, — он воткнул рукоятку меча в лед и навалился на острие. Меч пронзил его насквозь, и Хаки тут же умер»¹.

Подобный же эпизод представлен в «Старшей Эдде» в «Речах Гримнира», только там он имеет совершенно иную окраску и является божественным наказанием.

¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 40.

Конунг Гейрред приказал схватить пришедшего к нему Гримнира-Одина и посадил на восемь дней между двух костров. Гримнир предсказал смерть, предназначенную для Гейрреда:

Игг получит /мечом пораженного, /конец твой настал; /разгневаны дисы, /увидишь ты Одина, /коль смеешь — приблизься!

Это предсказание немедленно сбывается: «Конунг Гейрред сидел, держа на коленях меч наполовину обнаженный. Услыхав, что Один тут, он встал, чтобы оградить его от огня. Меч выскользнул у него рукоятью вниз. Конунг споткнулся и упал ничком, а меч пронзил его, и он умер»¹.

Третья группа сюжетов — смерть от собственного оружия в бою — в сагах встречается наиболее часто. От своего оружия в таких случаях гибнут те, кто по сюжетной линии саги нарушает писанные или неписанные правила и традиции, или же те, кто лишен удачи и счастья.

Подобный эпизод мы имеем в «Саге о Ньяле» при описании боя между Атли, сыном ярла Арнвида из Восточного Гаутланда, и Хрутом, бывшим на тот момент дружинником конунга Харальда Серая Шкура. Отец Атли Арнвид — вероятно, тот самый ярл Арнвид, который, как это известно из другого источника — «Саги об Эгиле» — неоднократно вступал в конфликт с конунгом Хаконем Добрым из-за даней². Сам Атли «был объявлен вне закона как датским, так и шведским конунгами». И вот Атли подкараулил корабли Хрута, направляющиеся в Данию, и вступил с ним в бой. В ходе боя, как говорится в саге, «кто-то камнем попал Атли в руку, и он выронил меч. Хрут подхватил меч, отрубил им Атли ногу, а затем нанес смертельную рану»³.

¹ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Библиотека всемирной литературы. Т. 9. М. 1975. С. 215.

² Исландские саги. СПб., 1999. Т. 1. С. 174.

³ Там же.

Здесь от собственного оружия погибает Атли, чей отец конфликтовал с конунгом, а сам он за свое разбойное поведение был объявлен вне закона, да еще и вступил в бой с одним из главных героев саги Хрутом, чья доблесть и храбрость неоднократно подчеркиваются.

Подобный сюжет есть в «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» при описании поединка главного героя саги Хальвдана с его противником Ульвкеллем Сниллингом. Ульвкелль по сюжету саги ведет себя недостойно: в нескольких битвах он бежит с поля боя. Столкнувшись в поединке с главным героем саги, Ульвкелль страдает от собственного оружия. «Он (Хальвдан. — А.Ф.) вспрыгнул на Ульвкелля, выхватил у него меч, ударил лезвием по носу [Ульвкеллю] и предложил тому защищаться»¹, после чего Ульвкелль был убит.

К этому же типу сюжетов смерти от своего оружия можно отнести эпизод с йомсвикингами в «Саге об Олаве, сыне Трюггви». Свейн Вилобородый однажды устроил тризну по своему отцу Харальду, на которую были приглашены йомсвикинги. Йомсвикинги дали во время тризны обет пойти походом на ярла Хакона (правившего на тот момент большей частью Норвегии), и один из вождей йомсвикингов, Вагн, сын Аки, также дал обет пойти походом в Норвегию, «и не возвращаться, пока он не убьет Торкеля Глину (который тогда был в войске ярла Хакона. — А.Ф.) и не ляжет в постель с Ингибъерг, его дочерью»². Далее события развивались следующим образом: Йомсвикинги вступили в бой с ярлом Хаконем и его сыном ярлом Эйриком и потерпели поражение. Вагн, сын Аки, среди прочих был захвачен в плен, и Торкель Глина на правах победителя собирался его убить. «И он

¹ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 81.

² Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 120.

подбежал и замахнулся секирой, но викинг Скарди, который стоял со связанными ногами, покачнулся и рухнул под ноги Торкелю, и Торкель свалился ничком на него. Тут Вагн схватил секиру Торкеля, взмахнул ей и зарубил Торкеля насмерть»¹. После этого ярл Эйрик, сын Хакона, подарил Вагну жизнь и отпустил его на свободу. Более того, Эйрик женил Вагна на дочери Торкеля Глины Ингибъерг. То есть Вагну полностью удалось выполнить свой обет, что придает данному сюжету смерти от собственного оружия некоторый провиденциалистский оттенок, связанный с наличием или отсутствием у персонажа Удачи и Счастья.

Особенно яркий сюжет, описывающий смерть от собственного оружия, мы имеем в «Саге о Греттире». Греттир был объявлен вне закона в Исландии, однако в саге постоянно говорится о том, что это был достойный человек и мужественный воин. За его голову была назначена награда, и он скрывался. Торбъерн Крючок, соблазнившись наградой, при помощи колдовства отыскал Греттира, напал на него и убил. Причем бой был неравным: Греттир был болен и при смерти. В тексте саги это убийство оценивается отрицательно: спутники Крючка «не одобряли его поступка», родичи Греттира «сочли, что Крючок подло поступил, убив умирающего и к тому же с помощью колдовства», и в целом, как говорится в саге, «все порицали Крючка за то, что он сделал»². Вскоре за этот недостойный поступок Торбъерн Крючок был наказан. Брат Греттира Торстейн Дромунд нашел Крючка и встретился с ним. Крючок не знал, что Торстейн — родич Греттира, и стал похваляться перед ним своим мечом, который раньше принадлежал убитому им Греттиру. Торстейн, обманув Крючка, попросил взглянуть на меч: «Дромунд

¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 124.

² Исландские саги. СПб., 1999. Т. 1. С. 751—753.

взялся за меч и в тот же миг высоко занес его и ударил Крючка. Удар пришелся по голове и был так силен, что меч раскроил череп по самые зубы, и Торбьерн мертвый упал на землю»¹.

В этом эпизоде смертью от собственного оружия называется человек, совершивший недостойное убийство, а само наказание является кровной мстью.

Приведенный сюжет тем более интересен, поскольку имеет совершенно неожиданную и точную аналогию за пределами средневекового Европейского Севера и встречается в средневековом кавказском эпосе (нартском — осетинском). В осетинском эпическом цикле «Хамыц и Батраз» имеется сюжет о том, как герой Батраз отомстил за смерть своего отца Хамыца. Узнав о том, что его отца убил Сайнаг-алдар, Батраз отправился к нему. Сайнаг-алдар не узнал в Батразе сына убитого им человека. Между ними завязался разговор о мечах, и Батраз попросил Сайнаг-алдара показать свой ценный меч:

«Взял юноша (Батраз. — А.Ф.) меч и говорит:

— До чего хорошо меч выкован!

А на нем была зазубрина, и спросил [Батраз]:

— Откуда эта зазубрина на таком славном оружии?

— Чтоб ему ослиные зубы съесть! Это зазубрина от зуба Хамыца».

После этих слов Батраз мгновенно зарубил Сайнаг-алдара его же мечом².

Здесь чрезвычайно интересно совпадение сюжетов скандинавской «Саги о Греттире» и осетинского эпоса о Батразе. В обоих случаях смерть от собственного оружия происходит в форме кровной мести: Торстейн Дромунд мстит за смерть брата и убивает Крючка его же собственным мечом; Батраз мстит за смерть отца и так же убивает

¹ Исландские саги. СПб., 1999. Т. 1. С. 758.

² Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989. Т. 2. С. 285.

Сайнаг-алдара его мечом. Так же в обоих случаях убийца не узнает мстителя и добровольно отдает ему свой меч. Причем совпадение сюжетов наблюдается вплоть до деталей: Крючок, завладев мечом Греттира, тот час же ударил его по голове так, что на мече в середине лезвия получилась зазубрина¹, точно так же зазубрина получилась и на мече Сайнаг-алдара от удара по зубам Хамыца.

Говоря об аналогиях сюжету смерти от собственного оружия, можно отметить, что есть они не только в скандинавском и осетинском материалах. Подобные сюжеты удалось найти и в другом кавказском эпосе — чечено-ингушском. В эпосе «Муцул и Секи» и в его варианте «Цепа» рассказывается, как народный герой задумал убить жестокого князя. В версии «Муцул и Секи» особенно отмечается, что князя Секи может поразить только его собственная шашка. Для этого герой крадет его шашку и ею убивает Секи². Причем в версии «Цепа» герой особенно акцентирует на этом внимание и восклицает: «Голову князя сносит княжеский меч»³.

На основании изложенного материала можно сделать некоторые предварительные выводы. Смерть от собственного оружия всегда выступает как наказание за нарушение традиций и законов, т.е. за те проступки, которые сами по себе могут караться смертью. В случае с Торбьерном Крючком и Сайнаг-алдаром это наказание является кровной мстью за убийство родича; в случае с конунгом Гейрредом в «Речах Гримнира» это божественное наказание со стороны Одина; в случае с Атли в «Саге о Ньяле» это можно представить как наказание «отрицательного» персонажа, нарушившего законы (он был объявлен вне закона в Швеции и Дании), вступившего в

¹ Исландские саги. СПб., 1999. Т. 1. С. 751.

² Чечено-ингушский фольклор. М., 1940. С. 250.

³ Дахкильчов И.А. Предания чеченцев и ингушей о кровной мести // Фольклор и этнография. Л., 1977. С. 182.

связи с этим в конфликт со шведским и датским конунгами, да еще и посмеявшегося напасть на одного из главных героев саги.

Согласно «Старшей Эдде» люди, нарушившие клятву или совершившие недостойное убийство (каковыми являются все рассмотренные персонажи), отправляются в Хелль : «Там она видела — /шли чрез потоки / поправшие клятвы, /убийцы подлые...»¹ (Прорицание Вельвы).

В случае с Торкелем Глиной герой гибнет от своего оружия потому, что был лишен удачи и так распорядилась судьба: не случайно убившему его человеку, хотя он и был пленником, ярл Эйрик (будучи союзником убитого!) дарует жизнь. Вагн, сын Аки, в этом сюжете безусловно выступает как носитель удачи. Он дал обет убить своего врага Торкеля Глину и жениться на его дочери, и ему это удалось. Следовательно, ему удача сопутствует. А Торкель, которому она не сопутствует по сюжету саги, а следовательно, и по представлениям того времени, был достоин смерти от своего оружия и даже не был отмщен.

Влияние удачи на судьбу (и в первую очередь на смерть) также имеет прямое отношение к нашей теме. Напомним, что в тексте русско-византийских договоров и при описании обряда клятвы в Повести временных лет вместе с оружием фигурируют на первый взгляд неожиданные предметы: обручи («А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечь своъ наги, обручь свое и прочаа оружья» в договоре 944 г.) и золото («приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты, и золото» в договоре 944 г.). Золото также фигурирует в тексте договора 971 г., хотя и в каком-то малопонятном контексте («будемъ зóлоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исьчени будемъ»). По распространенной версии, «обручи» дого-

¹ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. Библиотека всемирной литературы. Т. 9. М., 1975. С. 187.

вора 944 г. — это шейные гривны. Вероятно, при исполнении клятвы они выступали символом богатства, как и упомянутое «золото», которое русы складывали вместе с оружием «на холмъ, где стояше Перунъ». Использование символов богатства в клятве подтверждается и апелляцией в этой же клятве к Волосу — богу богатства (в одной из своих ипостасей). Участвующее в клятве «богатство» напрямую связано с представлением об удаче, что, как будет показано ниже, также имеет аналогии в воинской культуре Северной Европы. Для варварского общества в целом характерна определенная сакрализация «богатства». Согласно представлениям многих варварских обществ в вещах (в «богатстве»), принадлежащих человеку, заключена частица его самого.

В эпоху викингов это особенно ярко проявилось в Скандинавии: постоянное стремление к завоеванию и получению серебра и золота в походах было продиктовано не столько желанием накопить «товарно-денежное богатство», сколько приобрести «сакральное богатство». В нем материализовалось счастье и благополучие человека или связанного с ним коллектива. Именно такой оттенок имеет и традиция дарения в воинской культуре — получая в дар от предводителя украшения или оружие, воины приобретали часть удачи своего вождя, сконцентрированной в передаваемых предметах. Более того, дарение являлось даже своего рода «сакральной обязанностью» предводителя дружины. Получаемая воином в дар серебряная гривна была не просто средством обогащения (в современном понимании), аместилищем части удачи вождя, распространявшейся на его дружину¹. С этими представлениями связывается и часть кладов (как денежных, так и денежно-вещевых), сокрытых в эпоху

¹ Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем Средневековье // Средние века. Вып. 31. М., 1968.

викингов: зарывший клад не стремится пустить свое «богатство» в оборот; напротив, он хочет владеть им, пусть и находящимся в земле, как олицетворением удачи и благополучия при жизни и после смерти.

Представления о богатстве как воплощении удачи, вероятно, и привели «золото» и «обручи» на холм Перуна для участия в клятве. Используя их при заключении договора (и апеллируя к Волосу), русы клялись своей воинской удачей и благосклонностью Провидения. Их отсутствие, как уже было показано, часто служило причиной смерти от собственного оружия.

Таким образом, рассматривая древнерусский дружинный ритуал клятвы оружием, можно предположить, что в этой клятве феномен «смерти от собственного оружия» имел вполне определенное содержание и причины: наказание за недостойный, «отрицательный» поступок, наказание за нарушение традиций, клятв и божественных установлений. На материале русско-византийских договоров это наказание имеет отчетливый сакральный оттенок: оружие, призванное покарать клятвопреступников, по сути выступает как атрибут дружинного бога Перуна.

Таким образом, можно выделить две основных причины, приводящих к подобному наказанию:

Нарушение традиции/обычая. В нашем случае — это нарушение русами договора, в приводимых аналогиях — это часто недостойное убийство, подлежащее кровной мести. Причем здесь скандинавские и кавказские аналогии также перекликаются с древнерусскими материалами: в русско-византийских договорах 911 и 944 гг. обязательно оговариваются моменты, связанные с кровной местью. Вероятно, в случае с кровной местью человек, достойный смерти от собственного оружия, попадает под категорию «убийцы подлого», упоминавшегося в Проризании Вельвы. Это тем более убедительно, поскольку в

тексте прорицания «убийцы подлые» помещены рядом с «поправшими клятвы».

Отсутствие удачи как одна из причин смерти от своего оружия, т.е. своеобразное «ритуальное наказание» за отсутствие удачи.

Дополнительные подтверждения тому, что приведенные скандинавские и кавказские (восходящие к аланским) материалы являются смысловыми аналогиями дружинной «клятве оружием», можно найти в некоторых элементах клятвы.

Упоминание в клятве Перуна и Волоса (и то, что русы признают, что не будет им помощи от богов в случае нарушения клятвы) перекликается с сюжетом о вмешательстве Одина в судьбу/смерть Гейрреда. Это определенно придает «клятве оружием» некоторый сакральный оттенок.

В связи с клятвой на оружии можно привести также болгарские (придунайские болгары) и аварские аналогии этому обряду. Еще В.Н. Златарский отметил, что в 67-й статье «Ответов папы Николая I на вопросы болгар» папа отмечает существование у придунайских болгар клятвы оружием: «Вы утверждаете, что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-либо делу, класть перед собой меч, им и клялись...»¹

Для авар Менандр также указывает подобный обряд. Авары строили мост через Саву, и каган, чтобы убедить ромеев в том, что строительство ведется не с целью нападения, приносит клятву: «Он произнес ее следуя закону аваров: обнажив меч, он произнес на себя и на весь народ аварский следующие проклятия: “Да будет он сам и все племя аварское истреблено мечом; небо и бог на небе

¹ Златарски В.Н. Избрани призведения. Т. 1. София, 1972. С. 181.

сущий, да пустят на них сверху огонь; да падут на них окрестные горы и леса; река Сай разлившись, да покроет их, — если он строит мост на Сае с каким-либо дурным намерением против римлян”»¹. Клятва аварского кагана здесь очень похожа на клятву Руси: в обоих случаях присутствуют одинаковые элементы. Трудно сказать, насколько в клятве кагана истребление племени аварского мечом соответствует по смыслу смерти от собственного оружия. Хотя В.Н. Златарский и считает, что в данном случае тот, кто нарушит клятву, станет жертвою того же самого меча, которым он клялся, тем не менее здесь речь может идти о смерти всех аваров в войне, порабощении и уничтожении всего народа в целом и др.

Особенно интересен тот факт, что рассмотренный сюжет «смерти от собственного оружия» имеет достаточно широкие параллели и встречается помимо древнерусского в скандинавском и восточном (тюркском) материалах. Благодаря этим аналогиям можно говорить о единообразии мифологических и этнокультурных форм, на основе которых складывается раннегосударственная политическая (потестарная) культура. Относительно клятвы оружием и ее смысловой нагрузки в русско-византийских договорах можно предположить, что в данном случае эта правовая традиция русов восходит к североевропейским мифологическим представлениям, поскольку именно скандинавская составляющая на протяжении X в. наиболее ощутима в дружинной культуре Древней Руси; основы этой правовой традиции пришли вместе с носителями этих мифологических представлений, ее сформировавших.

Важен факт использования языческой клятвы именно в договоре с Византией. Известно, что в целом ре-

¹ Златарски В.Н. Избрани пришеденија. Т. 1. Софија, 1972. С. 181.

акция христианского мира на языческие обряды была однозначно отрицательной. В этом отношении можно указать также отмеченное В.Н. Златарским известие в упомянутых выше «Ответах папы Николая I на вопросы болгар». Говоря о болгарской клятве оружием, папа Николай I пишет: «Но мы прежде всего считаем недостойным клясться не только мечом, но также и другим чем-либо созданным... Поэтому должно клясться Богом, которого люди должны любить и почитать, на которого следует возлагать всякую надежду и упование и от которого прежде, чем от каких-либо тварей, всегда должно ожидать помощи...»¹ Приведенный пример, однако, является «книжной», христианской реакцией на языческие обряды. В реальной политической жизни дело могло обстоять по-другому. Известен случай, когда при заключении в 817 г. мира между болгарским царем Омортагом и византийским императором Львом V Армянином также использовались языческие обряды. Причем некоторые из этих обрядов совершал сам император Лев V (к огромному возмущению византийских хроник и агиографических сочинений)².

Для византийской стороны с ее развитой дипломатической практикой, как оказывается, «клятва оружием» со стороны языческой Руси была вполне достаточной, а главное, приемлемой формой подтверждения договора. Закрепление договора подобной клятвой вполне устраивало Византию. Это позволяет рассматривать «клятву оружием» — языческую традицию, связанную с определенными мифологическими представлениями, — как действительный элемент раннегосударственной политической культуры и (что может быть более важно для

¹ Златарски В.Н. Избрани пришеденија. Т. 1. София, 1972. С. 181.

² Там же. Т. 1. София, 1972. С. 182—186.

Руси этого периода) как элемент формирующейся дипломатии.

Приложение XII. В.В. Мурашева^{1*}. «КАРМАННЫЙ БОЖОК» ЭПОХИ ВИКИНГОВ

В 2003 году, при раскопках пойменной части гнездовского поселения, была найдена небольшая антропоморфная фигурка, отлитая из чистого свинца². Пойменная часть поселения является органической частью Гнездовского археологического комплекса, однако с историко-археологической точки зрения важной для современных исследований. Ее характеризует ряд специфических черт. Во-первых, культурный слой на этом участке перекрыт мощными аллювиальными наносами, что обусловило его хорошую сохранность и защитило от распахки и грабителей³. Во-вторых, высокая информативность хорошо стратифицированного культурного слоя дополняется тем, что в его составе обнаружены изделия из свинцово-оловянных сплавов, обычно не сохраняющиеся в культурном слое.

Фигурка была найдена в районе развала большого каменного производственного очага, связанного с ювелирным делом. Очаг относится к финальному горизонту культурного слоя исследуемого участка, точную датировку которого предложить пока не представляется возможным. Наиболее важной датирующей находкой из данного горизонта является наконечник ножен меча, подобные

^{1*} Канд. ист. наук.

² Рентгено-флюоресцентный анализ выполнен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЭМ РАН А.И. Якушевым.

³ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 12—26.

наконечники встречены в основном у балтских племен¹. Они относятся к восточно-прусской группе по типологии П. Паульсена и датируются, по мнению С.Ю. Каинова, концом X — началом XI вв.² Можно отметить также находку дирхема, относящегося к династии Бувейхидов и отчеканенного после 960 года, это первая в Гнездове находка столь поздней арабской монеты. На данном этапе исследований наиболее вероятной датой финального горизонта представляется начало XI в. Невозможно также

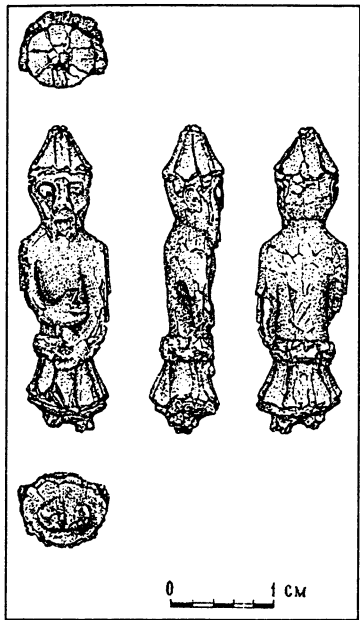

Рис. 23. «Идол» из Гнездова

пока решить вопрос о том, соответствует ли момент прекращения функционирования ювелирной мастерской времени гибели Гнездова как раннегородского центра.

Мастерская, частью которой был очаг, принадлежала, вероятно, выходцу из Скандинавии — об этом говорит находка фрагмента глиняной литейной формы от овальной фибулы, а также такие этноопределяющие вещи, как кресаловидная подвеска и поясная пряжка в стиле Борре³.

¹ Кулаков В.И. Древности пруссов VI—VIII вв. М., 1990. С. 30—31.

² Каинов С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнездова // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 204.

³ Мурашева В.В., Фетисов А.А., Енисова Н.В. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнездовского по-

Находка представляет собой миниатюрную человеческую фигурку высотой 2,9 см, шириной 0,8 см (рис. 23). Вероятно, первоначально статуэтка изображала стоящего мужчину, однако ноги оказались утрачены. Прекрасно проработаны черты лица: крупный прямой нос, круглые выпуклые глаза. Уши обозначены полукружьями. Хорошо читаются усы и небольшая бородка. Голова увенчана коническим головным убором, состоящим из восьми отчетливо отделяющихся друг от друга и закругляющихся внизу лепестков-лопастей. Головной убор завершается круглым навершием.

Одежда человечка представляет собой перепоясанную рубаху или кафтан, доходящий до колен. Пояс в виде выпуклого валика выделен очень отчетливо. Ниже пояса одежда собрана в складки. Руки согнуты в локтях, левая лежит на поясе, правая — чуть выше, на животе.

Находка объемного человеческого изображения в древнерусских памятниках эпохи образования государства (конец IX — начало XI вв.) — чрезвычайно редкость. Можно указать лишь знаменитого «идола» из Черной Могилы¹ и несколько довольно грубых деревянных поделок из Старой Ладogi². Точных аналогий находке из Гнездова неизвестно, однако ряд деталей заставляет обратиться к древностям североевропейского круга.

Хорошо известна целая серия небольших фигурок из Скандинавии, выполненных из разных материалов: моржового клыка, янтаря, медных сплавов. Эти миниатюрные скульптуры представляют собой фигуры сидящих селения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 107.

¹ Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. 1984. С. 86—87.

² Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 108—109.

человечков и большинством ученых рассматриваются как изображения богов скандинавского языческого пантеона. Всего таких фигурок известно шесть: это находки из Феддета (Feddet) (Дания), Эйрарланда (рис. 24, 1), Бальдурсхеймура (Baldursheimur) (Исландия), Рэллинге (рис. 24, 2) и Лунда (Швеция)¹. Частью этого круга предметов является и фигура из Черной могилы — единственная находка за пределами Скандинавии. Большинство фигурок считаются изображением бога-громовика Тора и лишь одна (фаллическая) — изображением бога плодородия Фрейра². Возможно, эти статуэтки были миниатюрными копиями статуй из языческих храмов³, одним из которых был храм в Упсале, описанный Адамом Бременским в книге четвертой «Описание северных островов» его труда «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (ок. 1075):

«...Теперь скажем несколько слов о верованиях свеонов. У этого племени есть знаменитое святилище, которое называется Убсола и расположено недалеко от города Сиктоны. Храм сей весь украшен золотом, а в нем находятся статуи трех почитаемых народом богов. Самый могущественный из их богов — Тор — восседает на престоле в середине парадного зала, с одной стороны от него — Водан, с другой — Фриккон. Вот как распределяются их полномочия: “Тор, — говорят свеоны, — царит в эфире, он управляет громами и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Водан, что означает “ярость”, — бог войны, он возбуждает мужество в воинах, сражающихся

¹ Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe. Uddevalla. 1992. Кар. № 71, 77, 182, 602, pp. 246—247, 276, 387; Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia. London. 1967. P. 134. Fig. 60.

² Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia... P. 123, 134; Graham-Campbell J. Viking Artefacts. London. 1980. P. 154; Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы... С. 86—87.

³ Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia... P. 134.

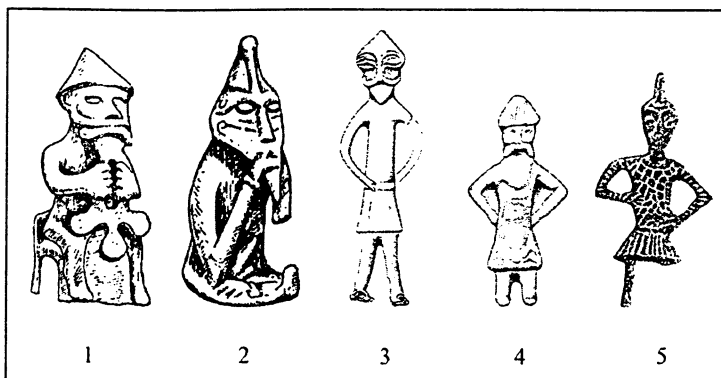

Рис. 24. «Карманные божки»: 1 — Эйрарланд, Исландия. 2 — Рэллинге, Швеция. 3 — Линдбю (Швеция). 4 — Шведт на Одере (Германия). 5 — Пермь

с неприятелем. Третий бог — Фриккон — дарует смертным мир и наслаждения». Последнего они изображают с огромным фаллосом. Водана же свеоны представляют вооруженным, как у нас обычно Марса. А Тор напоминает своим скипетром Юпитера. Они также почитают обожествленных людей, даря им бессмертие за славные деяния. В «Житии святого Ансгария» упоминается, что подобным образом свеоны обожествили короля Эрика. ...Около святилища растет большое дерево с раскидистыми ветвями, зеленеющее и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева. Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, ввергая в него живого человека: если он не всплывает, то это обозначает, что желание народа осуществится.

...Сей храм окружает золотая цепь, висящая по скатам здания и густо окрашивающая в золотой цвет всех входящих. Это святилище расположено в равнинной местности, которая со всех сторон окружена горами наподобие театра.

...Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или

мор, они приносят жертву идолу Тора, если война, Водану, если предстоит справлять свадьбы, Фриккону. Свеоны, кроме того, имеют обычай каждые девять лет устраивать в Убсоле торжество, собирающее жителей всех областей страны. От участия в этом торжестве не освобождается никто. Цари и народы, вместе и поодиночке, все отсылают свои дары в Убсолу, и, что ужаснее всего, те, кто уже принял христианство, вынуждены откупаться от участия в подобных церемониях. Вот как происходит жертвоприношение. Из всей живности мужского пола приносятся девять голов: считается, что их кровь умилюстит богов. Тела же этих животных развешиваются в близлежащей роще. Эта роща священна для свеонов, потому что, согласно поверью, благодаря смерти и разложению жертв ее деревья становятся божественными. Один христианин рассказывал мне, что видел в этой роще висевшие вперемежку тела собак, лошадей и людей, общим числом 72. А о многочисленных нечестивых магических песнопениях, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, лучше будет вообще умолчать.

...Пиры и подобные жертвоприношения происходят девять дней: каждый день вместе с животными приносится один человек, так что за девять дней приносятся 72 живых существа. Это жертвоприношение приурочивается к весеннему равноденствию».

Наиболее акцентированной деталью изображений Тора является борода, что и позволяет связывать большинство изображений именно с этим божеством. Рыжая борода Тора ассоциировалась с молнией — небесным огнем, сотрясение бороды порождало ветры и штормы. Существует целая историографическая традиция подобного отождествления¹, основанная на единственном отрывке

¹ *Gjærder P. The beard as an iconographical feature in the Viking Period and the early Middle Ages // Acta archaeologica, 35. Copenhagen. 1964. P. 102; Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia... P. 134; Пуу-*

из «Пряди о Регнвальде и Рауде»¹, которая существует как самостоятельно, так и входит в текст «Большой Саги об Олафе Трюггвасоне». Сага написана около 1300 г., на русский язык полностью не переведена². В тексте саги говорится о Рауде, который владел колдовством и у которого был храм, посвященный Тору. Узнав о нежелательном приближении Олафа Трюггвасона, Рауд обратился к изображению Тора с просьбой подуть в бороду и тем вызвать встречный ветер³.

Однако в вопросе интерпретации фигурок нет единого мнения. Так, например, Л. Мотц считает, что приведенные фигурки изображают не бородатое божество, а музыкантов⁴. Исследовательница полагает, что то, что кажется бородой, на самом деле — изображение флейты, а иногда — двойной флейты, которую музыкант держит обеими руками. Впрочем, данное мнение, интересное своей оригинальностью, не представляется достаточно обоснованным и может быть приведено скорее как историографический казус.

Предназначение фигурок спорно — некоторые исследователи считают их фишками для игры, другие полагают, что они могли использоваться в качестве амулетов (все варианты трактовок рассмотрены в монографии Р. Перкинса⁵). Представляется, что очень важным для

кина Т.А., Петрухин В.Я. История бородатого божка // Живая старина. № 3 (7). 1995. С. 49.

¹ Perkins R. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. London. 2001. P. 27—29.

² Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. С. 133.

³ Perkins R. The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes // Saga-Book. Vol. XXV. Part 2. London. 1999. P. 184—185.

⁴ Motz L. New Thoughts on an Archaic Artifact // The Mankind Quarterly. Volume XXXII, Number 3, Spring. 1992. P. 233.

⁵ Perkins R. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. London. 2001. P. 88.

интерпретации является приведенный Р. Перкинсом отрывок из «Саги о Халльфреде»¹. Халльфред Трудный Скальд был вынужден креститься по воле конунга Олафа Трюггвасона. Конунг удерживал скальда при себе, однако расположение конунга обернулось неприятностями для Халльфреда. Во-первых, Олаф был недоволен тем, что в поэзии Халльфреда, несмотря на крещение, все время появлялись языческие сюжеты. Во-вторых, скальд поссорился с двумя братьями, придворными конунга, и убил одного из них. Скальд был осужден на смерть, однако впоследствии прощен конунгом. Второй брат, оставшийся в живых, желая отомстить Халльфреду, донес Олафу, что тот продолжал соблюдать языческие обряды, рассказав, что скальд держит в сумке маленькое изображение Тора, сделанное из моржового клыка. По приказу конунга Халльфред был подвергнут обыску, однако «карманный божок»² найден не был. Впрочем, Халльфред отомстил обидчику и выбил ему глаз³.

Опираясь на приведенный эпизод, Р. Перкинс полагает, что все вышеперечисленные статуэтки можно считать «карманными божками». Большую часть фигурок исследователь связывает с богом Тором, изображения которого, по его мнению, должны были быть амулетами

¹ «Сага о Халльфреде» на русский язык не переведена. Герой саги — Халльфред Оттарссон — был скальдом норвежского короля Олава Трюггвасона (994—1000), от которого он получил свое прозвище. Халльфред грозил вернуться к язычеству, в случае если король не выслушает драпу, которую Халльфред сочинил о нем. Тогда король согласился выслушать ее, но назвал Халльфреда «трудным скальдом».

² Термин «карманный божок» условен, так как известно, что в эпоху викингов одежда карманов не имела. Амулеты, безусловно, должны были храниться в сумочках или кошельках, подвешиваемых к поясу и игравших роль карманов.

³ *Perkins R. The gateway to Trondheim... P. 186—187; Perkins R. Thor the wind-raiser... P. 61—62.*

моряков. Именно моряки особенно нуждались в благоприятном ветре, который можно было вызвать с помощью этих магических предметов¹. Несмотря на то что источников по древнегерманской мифологии сохранилось немало, о ежедневной культовой практике жителей Скандинавии в эпоху викингов, к сожалению, известно немного, что затрудняет интерпретацию археологических объектов. Одно из немногих описаний языческого святилища принадлежит арабскому путешественнику Ибн-Фадлану (922 г.):

«И как только приезжают их (русов) корабли к этой пристани, каждый из них выходит и [несет] с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений [стоят] высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: “О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур”, пока не сообщит всего, что привез с собою из [числа] своих товаров — “и я пришел к тебе с этим даром”; — потом оставляет то, что [было] с ним, перед этой деревяшкой, — “и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы [он] купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу”. Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если [все же] оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из [числа] этих маленьких изображений по подарку и просит их о

¹ Perkins R. The gateway to Trondheim... P. 184—185.

ходатайстве и говорит: “Это жены нашего господина, и дочери его, и сыновья его”. И не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними. Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: “Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его”. И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые [находятся] вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревянные, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают все это. И говорит тот, кто это сделал: “Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар”...»

Как уже отмечалось, миниатюрные фигурки интерпретируются большинством ученых как изображения богов скандинавского пантеона, однако все рассмотренные предметы можно отнести к кругу достаточно далеких аналогий гнездовской статуэтке. Наиболее же близкими аналогиями гнездовскому «идолу» являются две небольшие фигурки, изображающие стоящих персонажей, одна из них является случайной находкой из Линдбю (Сконе, Швеция), вторая найдена при раскопках западнославянского городища Шведт на Одере на территории современной Германии. Фигурка из Линдбю¹, изображающая бородатого и усатого мужчину (рис. 24, 3), так же, как и гнездовская, одета в короткую подпоясанную тунику, на голове — конический головной убор, левая рука лежит на поясе, от гнездовской статуэтке она отличается гораздо худшим качеством проработки деталей и

¹ *Gabriel I. Christentum und Heidentum // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster. 1991. S. 287. Abb. 6:6.*

размером (высота — 6,9 см). Разный способ изображения глаз (правый изображен прямой линией, а левый — изогнутой) позволил Грэхэм-Кэмпбэллу предполагать, что скульптурка изображает одноглазого бога — Одина, отдавшего один глаз за то, чтобы обрести мудрость¹.

Обретение Одином мудрости так описано Снорри Стурлусоном в «Младшей Эдде»: «А под тем корнем, что протянулся к инеистым великанам — источник Мимира, в котором сокрыты знание и мудрость. Мимиром зовут владельца этого источника. Он исполнен мудрости, оттого, что пьет воду этого источника из рога Гьяллархорн. Пришел туда раз Всеотец и попросил дать ему напиться из источника, но не получил ни капли, пока не отдал в залог свой глаз».

Фигурка из Шведта (рис. 24, 4) тоже очень схематична, от статуэтки из Линдбю ее отличает отсутствие пояса и бороды. Едва различимые вертикальные полосы на коническом головном уборе напоминают лопастное членение головного убора «идола» из Гнездова. Инго Габриэль считает, что фигурка имела культовое предназначение, он полагает местное ее изготовление и отмечает, что это единственная находка подобного рода амулета на западнославянских территориях. Исследователь считает, что она изображает божка в восточном княжеском одеянии, состоящем из кафтана и остроконечной шапки. Он отмечает, однако, и скандинавские параллели, например шапку с вертикальным членением, как у бронзового Фрейра из Рэллинге².

Если ряд фигурок, рассмотренных вначале, еще мог иметь какой-то утилитарный смысл — они могли быть

¹ *Graham-Campbell J. Viking Artefacts. London. 1980. P. 154.*

² *Gabriel I. Tashengott von Schwedt // Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Hildesheim. 1993. P. 332—333.*

использованы в качестве игральных фишек, — то обе последние скульптурки никак не могли нести бытовой нагрузки ввиду их абсолютной неустойчивости. Таким образом, с большой долей вероятности они могут быть трактованы как «карманные божки». Значительное сходство фигурок с «идолом» из Гнездова позволяет отнести и данную находку к категории «карманных божков».

При попытке интерпретации фигурки существенными представляются все детали изображения. Очевидно важной и хорошо проработанной деталью гнездовского идола является конический головной убор. Головной убор рассматриваемой формы — явление загадочное. Грэхэм-Кэмпбэлл отмечает, что изображение конических шлемов встречается на Готландских камнях (например, Смисс, приход Нэр¹), на руническом камне из Ледберга в Швеции², на Миддлтонском каменном кресте (Йоркшир, Англия)³, однако «археологически» подобная форма шлемов ни в Скандинавии, ни на Британских островах не известна.

Среди находок на территории Восточной Европы можно указать два шлема, которые А.Н. Кирпичников выделяет в тип конических⁴. Один из них происходит из Гнездова (кург. 18, раскопки С.И. Сергеева, ГИМ, оп. 1537/63), второй из Немии⁵. Однако точной аналогией головному убору гнездовского идола их считать невозможно. Прежде всего потому, что шлем из Гнездова состоит из двух половин, а шлем из Немии, вероятно, цельнокованный. Таким образом, реально существующие шлемы из Гнездова и Немии оказываются достаточ-

¹ *Graham-Campbell J. Viking Artefacts...* P. 140.

² *Perkins R. Thor the wind-raiser...* P. 98—99. Figs. 13—14.

³ *Graham-Campbell J. Viking Artefacts...* P. 159.

⁴ *Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971. С. 24.*

⁵ Там же. Табл. IX.

но далекими аналогиями головному убору «идола», состоящему из многих лопастей.

Отсутствие точных археологических параллелей неизбежно порождает различные гипотезы. Так, например, И. Габриэль полагает, что головной убор фигурки из Шведта копирует княжескую шапку «восточного» происхождения¹. Это утверждение базируется на упоминании «русской шапки», полученной в числе других подарков героем «Саги о Ньяле»². Впрочем, как же выглядела эта шапка, неизвестно. Ф.Б. Успенский, проанализировав все упоминания так называемой русской шапки в древнеисландской прозе, полагает, что письменные источники не дают ровным счетом никаких оснований для реконструкции ее фасона. Более того, исследователь считает, что упоминающиеся в сагах головные уборы можно трактовать скорее как «греческие шапки»³.

В качестве аналогий И. Габриэль упоминает также конические головные уборы из Бирки, сооруженные из ткани на проволочном каркасе. Остатки сложных головных уборов, украшенных коническими навершиями, были обнаружены в двух богатых мужских камерных погребениях Бирки (погр. 581, 644⁴). Однако восточные параллели данному типу головного убора гипотетичны, так как подтверждения в археологических материалах Восточной Европы они не имеют. Исключение составляет единственный предмет — небольшой полый конус

¹ *Gabriel I.* Tashengott von Schwedt // Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Hildesheim. 1993. S. 332—333.

² *Gabriel I.* Christentum und Heidentum // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster. 1991. S. 291.

³ Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 340—346.

⁴ *Arbman H.* Birka. Die Gräber. Text. Uppsala. 1943. S. 188—190, 221—226.

с округлым завершением, который традиционно трактуется как принадлежность головного убора и относится к древностям венгров эпохи «завоевания родины»¹.

Таким образом, оказывается, что наиболее близкие аналогии рассматриваемому головному убору мы находим лишь в сфере изобразительного искусства, и прежде всего среди уже приведенной серии фигурок скандинавских божков. Конический головной убор надет на голову Тора из Эйрарланда, убор Фрейра из Рэллинге не просто имеет коническую форму, он увенчан округлым навершием, что делает его еще ближе гнездовскому. Конические уборы венчают также головы идолов из Линдбю и Шведта (здесь он разделен слабо намеченными вертикальными линиями, намекающими на лопастное членение).

В пользу того, что под рассматриваемым головным убором подразумевался шлем, из круга северных древностей можно указать голову так называемого «улыбающегося викинга»² — это антропоморфное навершие из Сигтуны датируется XI—XII вв. Очевидно, что воин изображен в шлеме — об этом позволяет точно говорить такая важная деталь, как наносник. Кроме того, радиально расположенный циркульный орнамент может являться указанием на конструкцию шлема, состоявшего из четырех пластин, соединенных накладными полосами, укрепленными рядами небольших заклепок.

В ряд близких аналогий головному убору «идола» можно также поставить островерхий шлем с круглым навершием, венчающий голову Ярослава Мудрого на печати, найденной в Новгороде в слое начала XI в.³ Едва

¹ The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest. 1996. P. 132.

² Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe. Uddevalla. 1992. P. 116. Fig. 1. P. 247.

³ Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н. Работы Новгородской археологической экспедиции

намеченные вертикальные линии по бокам шлема могут рассматриваться как указание на конструкцию из многих пластин.

Костюм «гнездовского» идола, казалось бы, изображен с достаточным количеством деталей, и тем не менее их недостаточно, чтобы однозначно определить его характер. Изображения людей в верхней одежде выше колен, собранной у пояса в складки, нередко встречаются в северном изобразительном искусстве. В качестве примеров можно привести рунический камень из Ледберга в Швеции с изображением сцены гибели богов¹ и камень из Еллингс в Дании². Художник, изобразивший персонажа в такого рода одежде, мог подразумевать самый разный фасон. Подпоясанная верхняя одежда выше колен может быть определена, например, как кафтан. Именно так исследователи описывают фасон одежды фигурок из Черной могилы, из Линдбю и Шведта³. Подобный покрой мужской верхней одежды для Скандинавии традиционно рассматривается как предмет «восточного» заимствования. Такая точка зрения была сформулирована Т. Арне⁴ и получила развитие в работах И. Янссона⁵.

на Трицком раскопе в 1995 г. / Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1995. С. 6—7; Янин В.Л., Гайдуков П.Г., Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. С. 259. Табл. 1:2а.

¹ Perkins R. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. London. 2001. P. 98—99. Figs. 13—14.

² Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 140. Рис. 59.

³ Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. 1984. С. 86; Gabriel I. Tashengott von Schwedt // Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Hildesheim. 1993. S. 332.

⁴ Arne T. La Suède et l'Orient. Uppsala. 1914. P. 222.

⁵ Jansson I. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinauonien // Oldenburg—Wolin—Staraja Ladoga—Novgorod—Kiev. Mainz am Rhein / Frankfurt am Main/. 1988. P. 605—607.

Одежда в складку ниже талии хорошо читается и у известных «фигурок викингов» с кольцом в руках, найденных на Даугмальском городище и близ Нового Быхова. В.П. Петренко, рассматривая эти фигурки, полагает, что данный фасон одежды можно считать юбкой¹. Впрочем, трудно отрицать и самый простой вариант — подпоясанную рубаху — именно так реконструируется обычный мужской костюм эпохи викингов².

Все приведенные данные говорят о невозможности предложить однозначную интерпретацию рассматриваемым деталям. Таким образом, приходится с сожалением констатировать тот факт, что ни одну из деталей мы не можем использовать как некий атрибут, позволивший бы нам интерпретировать изображенный персонаж. И тем не менее весь круг аналогий позволяет однозначно говорить о северном, скандинавском, происхождении «гнездовского идола». Кроме того, нельзя не обратить внимание на одну из самых проработанных деталей костюма гнездовской фигурки — прекрасно читаемый пояс. Среди всех рассмотренных изображений поясом, кроме гнездовской, наделены две — «идол» из Черной Могилы и скульптурка из Линдбю в Швеции. В соответствии с «Младшей Эддой» пояс — волшебный атрибут бога Тора: «...бесценным сокровищем владеет Тор — Поясом Силы. Лишь только он им опояшется, вдвое прибудет божественной силы»³. Таким образом, пояс — единственная деталь изображения, которая дает возможность сделать очень осторожное предположение о конкретном божестве, которое имел в виду мастер, отливший фигурку из Гнездова. Впрочем, можно привести еще мнение

¹ Петренко В.П. О бронзовых фигурках викинга // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 257.

² Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe. Uddevalla. 1992. P. 193.

³ Младшая Эдда. Л., 1970. С. 41—42.

Р. Перкинса, который вслед за И. Линдквистом считает, что круглые выпуклые глаза тоже являются составной частью традиционной иконографии Тора, отмечаемой не только в прикладном искусстве, но и на рунических камнях¹.

Большая часть рассматриваемых нами фигурок найдена вне археологического контекста, и их датировка, таким образом, вызывает затруднение. Фигурка из Дании датируется в целом X—XI вв., также широко датируются обе стоящие статуэтки (из Линдбю и из Шведта). Более узкую дату — XI в. — имеют оба «бородатых божка» из Исландии, один из них найден в составе погребального инвентаря. Фрейр из Рэллинге и Тор из Лунда также датируются XI в. Самой ранней из приведенных в качестве аналогий находок является «идол» из Черной Могилы (60—70 гг. X в.). Гнездовская находка, происходящая из слоя поселения, может служить основанием для уточнения и подтверждения датировок. Полагаю, что она позволяет сузить дату для наиболее близких аналогий (стоящих фигурок) до рубежа X—XI — перв. половины XI вв. Косвенным подтверждением предложенной даты может служить и портрет Ярослава Мудрого с новгородской печати, изображенного в головном уборе, совершенно аналогичном гнездовскому. Вероятно, само появление «карманных божков» — миниатюрных объемных фигурок, совершенно не свойственных ранней и средней эпохе викингов, — следует отнести ко времени заката язычества и начала господства христианства. Подобного рода амулеты могли стать актуальными для людей, крестившихся не по своей воле или принявших так называемое «неполное крещение».

Контекст находки, круг аналогий, пусть и не очень близких, позволяют отнести «идола» из Гнездова к кругу

¹ Perkins R. Thor the wind-raiser... P. 63.

скандинавских древностей. Наличие некоторых, предположительно «восточных», аналогий в деталях одежды (возможность трактовать одежду как кафтан, а головной убор как остроконечный колпак, характерный для евразийских кочевников) может быть истолковано в рамках восточного влияния на скандинавскую культуру эпохи викингов в период ее заката. К этому кругу явлений можно отнести и смелое предположение о влиянии позы фигурки Будды (находка из Хельге) на позу бородатых божков с территории Скандинавии¹. Возможный восточный флер можно рассматривать, как проявление эклектики, характерной для заката многих языческих систем.

Вполне вероятно, что традиция изготовления «карманных божков», изображающих неведомого нам языческого бога, продолжала жить на территории периферийных языческих районов севера Восточной Европы. Свидетельством этого являются фигурки так называемых перунчиков. Многие детали изображения гнездовского идола повторяются в этих фигурках, найденных в Прикамье, Новгороде и в святилищах на острове Вайгач, — это верхняя одежда, подпоясанная и спадающая складками до середины бедер, круглые навывкате глаза, крупный выступающий нос и, самое главное, поза — одна рука «перунчиков» лежит на поясе, вторая — чуть выше, на животе (рис. 24, 5). Возможно, что все эти совпадения не случайны, а отражают непрерывность изобразительной традиции.

П.М. Алешковский², а вслед за ним и Н.Г. Недошивина считают местом производства «перунчиков» территорию Прикамья. Однако Н.Г. Недошивина отмечает,

¹ Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. История бородатого божка // Живая старина. № 3 (7). 1995. С. 49; Perkins R. Thor the wind-raiser... С. 144—146.

² Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4. С. 286.

что амулеты, выполненные в местной ремесленной традиции (плоское литье с небрежной отделкой поверхности с одной стороны), имеют облик, не характерный для местных финно-угорских племен. Кольчуга, рог в руке у одного из «перунчиков», возможно, подчеркивают связь амулета с русскоязычной дружинной средой. Н.Г. Недошивина полагает, что фигурки-амулеты могли быть изготовлены мастерами верхнего Прикамья для русской дружинной среды, осевшей в данных регионах¹.

Гнездовская статуэтка, принадлежащая к исчезнувшему миру свинцово-оловянных предметов, может быть рассмотрена как одно из звеньев совершенно не сохранившейся цепи, соединяющей мир северного язычества эпохи его заката и более поздние проявления языческого мировоззрения на территории Восточной Европы.

¹ Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // СА. 1996. №2. С. 200—201.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Предисловие	5
1. «Сага о йомсвикингах» как литературный памятник и исторический источник.....	5
2. Событийная канва истории йомсвикингов	7
II. Феномен дружины	12
1. Род и дружина — единство и борьба противоположностей	12
2. Типы воинских объединений	17
3. Феноменология героя.....	29
4. Дружинные лагеря — воплощенный миф	34
5. Йомсвикинги как боевое братство	40
6. «Сага о йомсвикингах» и ранняя древнерусская дружинная культура	44
САГА О ЙОМСВИКИНГАХ	85
Примечания к «Саге о йомсвикингах»	136
ПРИЛОЖЕНИЯ	148
Приложение I. «Круг Земной» Снорри Стурлусона о йомсвикингах	148
1. Сага об Олафе, сыне Трюггви	148
2. Сага об Олаве Святом	167
3. Сага о Магнусе Добром	168

Приложение II. «Сага о людях с Песчаного берега», о йомсвикингах	169
Приложение III. Ибн-Фадлан о похоронах руса	170
Приложение IV. Элитные воинские формирования и власть (Древность и Средневековье)	177
Приложение V. Имя черниговского князя, погребенного в Черной Могиле	198
Приложение VI. Зооморфные остроконечники из состава дружинных древностей Европы VIII—XI вв.	207
Приложение VII. Право и его нарушения в Средневековой Исландии	223
Приложение VIII. Экстраординарные животные в «Книге о заселении страны»	253
Приложение IX. Традиции викингов в воинской культуре средневековых новгородцев.....	262
Приложение X. «Знак Рюриковичей» на Нижнем Дунае.....	274
Приложение XI. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в.	295
Приложение XII. «Карманный божок» эпохи викингов	314